

Кирилл Трифонов

ИЗГНАННИК

повесть

16+

Кирилл Сергеевич Трифонов

Изгнанник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66925388

SelfPub; 2021

Аннотация

Приключенческая повесть про молодого бомжа и его друга – бывшего "афганца". Книга о человеческом равнодушии, горе, мужестве, благородстве, справедливости, поиске смысла жизни и обретении веры в Бога.

Кирилл Трифонов

Изгнанник

Часть 1

Глава 1

– Где я? – подумал Вадим, открывая глаза.

За последний месяц эта мысль постепенно стала для него привычной. И если сначала он испытывал страх, отчаяние и ужас, осознав, пробудившись от сна, в каком горьком положении он находится, то теперь, спустя месяц, постепенно привыкший и смирившийся со своей незавидной долей, изгнанник лишь горько вздохнул и приподнял голову.

С головы в тот же миг слетела яичная скорлупа и, ударившись об надетую на Вадима куртку, отрикошетила прямо в раскрытую ладонь.

Изгнанник удивленно (если не сказать больше) посмотрел на этот "подарок судьбы" и, недовольно поморщившись, огляделся по сторонам. Увиденное, мягко говоря, не вызвало восторга. Вокруг Вадима находились кирпичные стены помойки. Рядом с ним стояли два зеленых контейнера. Скрытый ими от посторонних глаз, изгнанник лежал на большой куче мусора.

– Как я здесь оказался? – задал он вопрос сам себе и, внезапно, пересилив в себе чувство горечи и досады, вдруг ве-

село расхохотался, вспомнив, как поздно ночью накануне он, сильно шатаясь, брел неведомо куда. Пьяный как всегда, он не разбирал дорогу и, идя по газону, еще не покрытому зеленой травой, споткнулся об какой-то невысокий кирпичный забор. Забор (или что-то иное) был высотой чуть ниже колен изгнанника, так как со стороны газона, на которой он стоял была небольшая земляная насыпь. Вадим, не удержавшись на ногах, перемахнул через кирпичную стену и, упав на что-то мягкое, не разобрав в темноте куда он попал, закрыл глаза и тут же уснул богатырским сном.

Он провел рукой по волосам и, поморщившись, посмотрел на ладонь. Ладонь стала липкой, вся в яичном желтке.

– Этого еще не хватало! – подумал Вадим с досадой и медленно поднялся на ноги. Он вышел из-за контейнера и, пройдя мимо какого-то весьма солидно разодетого мужчины, гулявшего с бульдогом, пошел по асфальту.

Мужчина ошеломленно посмотрел вслед Вадиму. Изгнанник чувствовал на себе его долгий, полный удивления, презирающий взгляд.

Собака подняла лай.

– Виконт, нельзя! – скомандовал ей хозяин и с непонятно откуда взявшейся злостью добавил – Такими даже собак кормить нельзя! Вот, блин!.. Красиво жить не запретишь!

Остряк язвительно рассмеялся.

– Да что я тебе плохого сделал?! – не сдержался Вадим – Какое твое дело?!

– Виконт, взять его! – скомандовал обидчик и, злорадно оскалившись, отпустил смотанную в кольцо длинную часть поводка.

Собака, залаяв, бросилась вслед изгнаннику, но, не добрав до него полметра, резко остановилась – мужчина натянул поводок.

Вадим инстинктивно пробежал вперед.

– Бегом отсюда, недоносок! – приказал обидчик – и что бы больше я тебя здесь не видел!

И снова Вадима охватило чувство собственного бессилия. Навалилось уныние. Вынужденный повиноваться, он молча зашагал куда глаза глядят. Предстояло весь день бесцельно бродить по улицам, думая только о том, где ему сегодня ночевать, что есть, на что похмелиться и где взять на это деньги.

Одинокий и никому не нужный, встречающий всюду презрение и зачастую оскорбления от людей, которым он не сделал ничего плохого и перед которыми был "виноват" только в том, что у него не было ни жилья, ни работы, ни денег, в том, что он, впав в отчаяние, сильно пил от случившегося с ним горя, он чувствовал себя маленьким затравленным существом в этом большом безжалостном мире.

Весна в этом году была ранняя и уже ближе к середине апреля растаял снег. Солнце светило ярко. Последние несколько дней стояла жаркая для апреля погода. Сколько градусов на улице Вадиму было неизвестно, но в свитере, одетом

на нем было жарковато, а без свитера все же прохладно. Изгнанник слегка вспотел и грязными пальцами почесал грязную, уже целый месяц немытую голову. Голова привычно болела с похмелья, а его грязное, обросшее щетиной или точнее будет сказать усами и бородкой лицо отражало похмельные муки. Усы отросли настолько, что отвисали ниже губ, придавая лицу несчастного горемыке весьма нелепый и комичный вид. В глазах же изгнанника застыла тоска, отчаяние и чувство обреченности, перемешанные с постоянным страхом сегодняшнего дня. Почти новые джинсы, купленные всего лишь полгода назад, были изрядно вымазаны всеми видами грязи. Такой же грязный пуховик Вадим целый день носил в руках, одевая его лишь на ночь или, в зависимости от найденного места ночлега, накрываясь им или постилая вместо матраца. Зимние ботинки изгнанника сбились и стоптались. Сушить их было негде и вечно сырые они успели порваться.

Вадиму было очень стыдно за его внешний вид и этот стыд он глушил алкоголем. А пил он каждый день. Пил от стыда, пил от обиды и отчаяния, пил от горя.

Приехав в Воронеж, он принялся искать свой дом по указанному в документах адресу. Дело оказалось нелегкое. До поселка городского типа "Анна" из Воронежа пришлось добираться на нескольких маршрутных автобусах, каждый раз по часу, а то и больше сидя на автовокзалах в ожидании следующей маршрутки. До Анны он добрался только к вечеру.

Выпив пива и поужинав купленными пирожками, изгнанник благополучно переночевал на лавочке на автовокзале и с утра, проснувшись, принялся разыскивать свою деревню.

Поначалу он расспрашивал прохожих, но местные жители чаще всего только недоуменно кивали головой или посылали в совершенно разные стороны. И получилось так, что бедный Вадим за следующие три дня объездил весь Аннинский район в поисках своего нового жилища. Наивный он истратил немало денег на автобусы, такси и маршрутки и даже не додумался, что можно было в Анне обратиться в отделение милиции и быстро узнать место нахождения этой деревни.

На третий день горемыка снова оказался в Анне на автовокзале. Переночевав на лавочке, как и три дня назад, Вадим утром, наконец, догадался обратиться в милицию.

В отделении быстро выяснили, что такой деревни ни в Аннинском районе, ни в других районах Воронежской области не существует.

Только теперь Вадим понял, в какую тяжелую ситуацию он попал. Мало того, что он лишился жены и квартиры, ему еще вдобавок Сергей дал поддельные документы на несуществующий дом и немного денег, рассчитывая на то, что муж его любовницы уедет в Воронежскую область и не сможет вернуться назад.

– Ничем не можем помочь – сказали милиционеры – Езжайте назад в Москву, там и разбирайтесь.

В это же утро Вадим напился водки до полного беспмят-

ства и пил следующие несколько дней. Эти дни своей жизни он совершенно не помнил. Когда же, наконец, опомнился, решил взять себя в руки.

Возвращаться в Москву не было смысла. Изгнанник не надеялся, что квартиру удастся вернуть, а бомжевать на вокзалах ему не хотелось. Денег оставалось не многим меньше десяти тысяч рублей. Вадим успел выяснить, что Воронежская область достаточно большая. В ней хорошо развито сельское хозяйство.

В этот день Вадим проснулся на лавочке возле забора какого-то деревенского домишки и, сидя на ней, обдумывал, как ему жить дальше.

– Может быть в этой деревне какой-нибудь совхоз есть? – подумал горемыка, поднимаясь с лавки – А какая-нибудь бабка мне комнату сдаст в деревенском доме недорого? Должны же быть добрые люди на белом свете?

С этими оптимистическими мыслями он отправился на поиски жилья и работы.

Но местные жители, которые попадались на улице изгнаннику, почему-то отворачивались от него и на вопросы или не отвечали, или лишь недоверчиво косились и отвечали: "не знаю". Да и жителей на улице в это раннее время было немного.

Вадим дошел до окраины деревни и, к своей радости, увидел несколько длинных похожих на бараки построек. Понеслось ржание лошадей и мычание коров.

– Ферма – догадался изгнанник и пошел прямо к конюшне.

Возле неё мужчина средних лет, одетый в дорогой костюм, по всей видимости начальник распекал кучку собравшихся возле него работяг.

– Здравствуйте! Скажите, а можно к вам на работу устроиться? – спросил Вадим, подойдя к ним.

Мужчина в костюме обернулся к нему и, посмотрев свысока, насмешливо ответил:

– Да кто же Вас такого возьмет?! Вы себя в зеркало видели?

Работяги дружно захохотали.

– Идите отсюда – добавил начальник – у нас своих алкашей хватает.

При последних словах он кивнул головой в сторону своих подчиненных.

В зеркало себя Вадим не видел больше недели и как он выглядит только догадывался: невымытое лицо, заросшее щетиной, на котором еще не зажили синяки после побоев, рваный пуховик, да грязная и мятая одежда после несколькихдневного запоя.

На последнее изгнанник обратил внимание только тогда, когда, огорченно вздохнув, отошел от этой компании и, миновав ферму, направился куда глаза глядят.

Очередная неудача сильно расстроила его. У несчастного изгнанника складывалось впечатление, что как будто злая

судьба, предвидя заранее все его намерения, вмешивалась и беспощадно рушила все его планы, оставляя лишь раны на душе и горечь разочарований.

Вадим брел через поле по размытой дороге, то и дело увязая в грязи. Терять теперь ему было нечего. Он понял, что ни работы, ни жилья он себе не найдет – всюду равнодушие и бессердечие.

Поле было большое, всего с пару километров. Изгнанник уже прошел больше половины пути, как вдруг где-то впереди послышался колокольный звон. Внезапно в измученную мыслями отчаяния голову пришла, как показалось Вадиму, спасительная мысль, которая придала сил его измученной душе – там впереди церковь. А что если прийти туда и поговорить со священником? Может он, что посоветует? Может объяснит мне за что мне все это? Как дальше жить? Что дальше делать?

Горемыка ускорил шаг. Впереди была церковь, а вместе с ней светился маленький огонек надежды. Вадим не шел, а летел, не чувствуя под ногами ни луж, ни вязкой весенней грязи. Так бывает с отчаявшимися людьми, когда сквозь беспросветную тьму сплошных жизненных неудач, ударов судьбы и разочарований, в самый последний момент впереди вспыхнет тонкий луч надежды и даже если этот луч – всего лишь соломинка для утопающего, человек хватается за него и не желает верить, что это всего лишь очередная надежда, за которой вполне может последовать очередное разочаро-

вание.

Как и любой православный храм, храм был необычайно красив. Он был голубого цвета с тремя куполами из сусального золота. Над входом в храм возвышалась колокольня. Под ней прямо над входными воротами находилась большая икона "Нерукотворный образ Спасителя". Буквы "X" и "B" из красного оргалита располагались слева и справа от иконы. Напротив, храма стояла длинная белая одноэтажная постройка и пара подсобных помещений левее нее. Простой деревянный забор окружал территорию храма, размыкаясь лишь небольшими воротами и калиткой возле дороги.

Когда Вадим подошел к церкви, служба уже закончилась. Прихожане разошлись. Изгнанник опоздал на полчаса. Спотыкаясь от усталости, он подошел к калитке и, постояв немного в нерешительности, неумело перекрестился. Затем, открыв калитку, он быстро зашагал по асфальтированной дороге и остановился возле входных ворот храма. Перекрестившись еще раз, Вадим отворил дверь и робко вошел в храм.

Пожилая женщина в красной косынке и черном халате мыла пол недалеко от двери. Обернувшись достаточно резко, она злобно посмотрела на вошедшего и так же злобно заорала:

– Служба закончена, уходи отсюда... И нечего являться в таком виде.

– Мне священник нужен – робко ответил опешивший Ва-

дим.

– Мария, на кого ты там орешь? – послышался в храме чей-то мужской голос.

– Батюшка, к Вам тут какой-то бомж явился – ответила старуха.

– Я занят. Пусть подождет возле ворот.

Она выставила Вадима из храма.

Около часа бедный изгнанник прогуливался возле ворот. Голова, как всегда раскалывалась с похмелья. Что бы скоротать время он принялся ходить вокруг черного Мерседеса, стоящего недалеко от ворот.

Наконец появился священник.

– Что ты хотел? – осведомился он, почему-то сдерживая раздражение.

Вадим чуть смутился, не зная с чего начать и, помявшись с ноги на ногу тихо и робко произнес:

– Я не знаю, как мне дальше жить. Помогите мне пожалуйста! –

– На службы надо ходить – не задумываясь, ответил священник – Что тебе денег дать? Выпить не на что? Пьяницы Царствия Божьего не наследуют.

– У меня горе! – со злостью ответил Вадим.

– А я тут при чем?! Ходят ко мне разные симулянты...

Священник явно не собирался поддерживать разговор. Обойдя Вадима, он подошел к двери Мерседеса, открыл ее и, сев за руль, захлопнул посильнее.

Заревел мотор и вскоре машина умчалась по дороге. Вадим молча смотрел ей вслед. Рухнула последняя надежда. Изгнанник был окончательно подавлен. Машина уже скрылась из виду, а он все продолжал смотреть ей вслед. Постояв так еще немного, он повернулся к храму лицом и, глядя на икону Спасителя, мысленно произнес:

– Ответь, Бог, если Ты есть, за что мне все это?! За что Ты меня отверг?!

Не так страшно отчаяние, в которое порой впадает человек, страшно то, что, пребывая в этом ужасном состоянии, он не желает верить ни в помощь свыше, ни в свои силы, ни объективно оценить сложившуюся ситуацию и попытаться найти выход, и смотрит на все происходящее через обиду на жизнь после всех пережитых ударов и разочарований. От этой обиды человек добровольно принимает решение не верить ни во что хорошее и принимает только те мысли, которые соответствуют этому неверию.

Вадим медленно шел по дороге куда глаза глядят. Терять теперь ему было нечего. Свободного времени было слишком много и занять его было нечем. Не было смысла жизни, не было цели существования. Предстояло раздобыть ночлег, купить спиртного и пищи, но он просто молча шел по дороге, не желая о чем-либо думать. Шел без всякой цели. Просто шел и все.

В душу опять полезли воспоминания последних дней и от них изгнанник чувствовал себя особенно несчастным.

В тот роковой день случилось то, что давно должно было случиться, но Вадиму до конца не верилось, что это все же произойдет, что это когда-нибудь случится с ним. Он, как, наверное, и любой другой человек, окажись на его месте, надеялся на чудо. Но ровно в одиннадцать часов утра, растоптав последние надежды, в дверь его квартиры раздался безжалостный звонок длинный, строгий и властный. Сомнений не было – это они.

Вадим глубоко и горько вздохнул и медленно пошел открывать. Этого звонка он ждал все утро, нервно вздрагивая при любом, даже малейшем шуме, услышанном из-за входной двери.

– Давай быстрее – послышался спокойный и властный голос Сергея.

Вадим, дрожа от страха, уже стоял возле двери. В звонок еще раз настойчиво позвонили. Руки дрожали. Изгнанник не сразу смог попасть ключом в личинку замка, но дверь все же открыл.

На пороге стояли три бандита. Все трое были как один лысые, в кожаных куртках. В руках они держали большие целлофановые пакеты, из которых торчали бутылки со спиртным и продукты. Бандиты с самым хозяйственным видом, минуя маленький коридор, прошли на кухню. На Вадима глянули лишь мельком с наглыми и, в тоже время, какими-то снисходительными улыбками, словно смотрели не на человека, а на жалкое существо – комарика, которого запросто

можно прибыть одним мизинцем.

Через минуту Сергей вышел в коридор. Он с довольным видом поднял голову и, посмотрев на потолок, весело проговорил:

– Эх, хороша хата! – затем, обернувшись к Вадиму, строго спросил – Вещи собрал?

Изгнанник опустил голову и молча отрицательно покачал головой.

Сергей, не спеша, прошел в комнату.

– Я тебе для чего, в натуре, целую ночь дал? – он повысил голос, хотя по-прежнему оставался спокоен – Чтобы ты выспался, как следует, собрал шмотки, а утром получил бабки и был таков.

С кухни в коридор вышли друзья Сергея. Один из них здорovenного вида, лысый с длинным тонким носом и толстыми губами был очень нетерпелив.

– Да чо ты, в натуре, с ним церемонишься!?! – заорал он, обращаясь к Сергею – Пусть валит отсюда без всяких шмоток и бабла!

Он подошел вплотную к Вадиму и, обозвав его нецензурным словом, ударил кулаком в печень. Удар был короткий и сильный.

Изгнанник дико взвыл, скорчившись от боли и правой рукой схватился за бок, затем, облокотившись спиной об стену, присел на корточки.

– Ты чо сдурел, Кабан, в натуре?! Убьешь же так! – заорал

второй бандит высокий, худощавый с длинными руками.

– Я же слегка – виновато произнес Кабан.

– Кабан, тебе чо заняться нечем? – возмутился Сергей и, обращаясь сразу к обоим друзьям, добавил – Идите на кухню, я сам с ним разберусь.

Оба бандита послушно удалились. Сергей был у них главным. Он подошел к Вадиму и холодно спросил:

– Ну ты типа живой?

Несчастливая жертва закивала головой. Ожидая удара, она испуганно смотрела на бандита. Тот чуть помолчал, что-то обдумывая, затем подошел к окну, зачем-то потрогал бегонию на подоконнике и, обернувшись к Вадиму, сказал:

– Иди сядь на диван.

Изгнанник корчился от боли. Он, держась рукой за пень, медленно прошел из коридора в комнату и сел на диван. Боль была сильной.

С кухни раздался дружный хохот, затем – чоканье рюмок.

– Уже хозяйничают на моей кухне – подумал Вадим – новоселье своего дружка отмечают. А Оксанка даже не пришла, хотя, впрочем – оно даже к лучшему. Сейчас было бы особенно тяжело ее видеть.

Он кисло улыбнулся. Страх давил в нем злость.

Сергей походил по комнате из угла в угол, затем подошел к своей жертве и, глядя на нее в упор, холодно, но чуть учтиво осведомился:

– Очнулся?

– Угу – Вадим кивнул головой и сжался от страха.

– Теперь слушай меня внимательно – бандит продолжал смотреть в упор холодно, строго и властно, прямо в глаза изгнаннику – предлагаю тебе следующее: сейчас время – одиннадцатнадцать. Так вот: ты собираешь шмотки и ровно через час я даю тебе шестьсот баксов и документы на хату под Воронежем. Ты едешь на вокзал, берешь себе билет и уезжаешь отсюда навсегда. Базар тебе нужен?

– Нет.

– Базаров нет. Время пошло.

Широкая спина Сергея исчезла за дверью. Через несколько секунд с кухни раздался его голос:

– Все, через час его здесь не будет.

– Ты ему еще и бабки даешь?! Гнал бы и все! – кажется голос длиннорукого немного сухой и хриплый.

– Я обещал.

– Без базара.

Вадим остался в комнате один. Он молча сидел на диване. Боль в печени постепенно проходила и уже сильно не беспокоила. Бывший хозяин собственной квартиры сидел, повесив голову.

Точно также он просидел весь вчерашний вечер, всю ночь и все утро. Спать совершенно не хотелось. Вадим выпил почти целую бутылку водки и долго рыдал. Заснул же, наконец, под утро, окончательно обессиленный, как следует опьянев и выплакав все слезы. Но сон был короткий и не глубокий.

Проснулся Вадим в страхе и отчаянии и, допив последние полстакана водки, сидел точно так же на этом же диване, ожидая «гостей».

На кухне включили радио. Зазвучал «Владимирский централ». Раздались оживленные голоса:

– О, ништяк, Круг!

– Сделай погромче!

Кто-то пьяным голосом начал подпевать невпопад.

– Кабан, заткнись, дай песню послушать! – это голос Сергея.

– Петь бы сначала научился! – голос длиннорукого.

Вадим вышел из оцепенения:

– В последний раз здесь сижу, даже не верится, словно в каком-то кошмарном сне.

Время шло, пора было собираться. Он неуверенно посмотрел по сторонам, потом так же неуверенно подошел к шкафу, открыл дверцы и, растерянно заглянув внутрь, подумал:

– Всего с собой не заберешь, придется половину этим нелюдям оставить.

Вадим с сожалением посмотрел на висящие в шкафу вещи: половина его, половина – Оксанкины.

– Эх, сучка! – тихо выругался он – будешь веселиться здесь теперь с этим выродком!

Он машинально нагрузил целый баул и большую спортивную сумку всего, что туда влезло, кроме ее, Оксанкиных ве-

щей и посмотрел на часы. Было ровно двенадцать. Оставалось четверть часа на сборы. Вадим оглянулся – чего бы еще взять. Взгляд его упал на комод и неожиданно остановился на их с Оксанкой фотографии в красивой посеребренной рамочке.

– Еще до свадьбы фотографировались – вспомнил Вадим. Рядом с фотографией на комодѣ стояла стеклянная голубая ваза, та, что он подарил ей совсем недавно на их первую годовщину свадьбы. Первую и последнюю.

Вадим медленно сжал кулаки. На глаза навернулись слезы. Он быстро подошел к комоду и, схватив вазу, уже собирался бросить ее со всего размаха об пол, да вовремя спохватился:

– Еще чего доброго заставят убирать за собой осколки, эти новые господа в моей квартире, а это будет еще унизительнее.

Вадим порой даже в такие моменты не терял рассудительности. На секунду сдержав гнев, он подошел к окну, затем, недолго думая, быстро и тихо его распахнул.

– В моей квартире! – он мрачно усмехнулся и посмотрел вниз – не убить бы кого.

Ваза упала на асфальт возле подъезда и со звоном разлетелась вдребезги. Через минуту там же оказалась фотография.

Закрыв окно, Вадим вернулся к комоду и не понятно зачем взял в руки Оксанкины духи. Не удержавшись, он от-

крыл колпачок и понюхал горлышко флакона. Эти духи он покупал своей жене и очень любил этот запах. Сердце сжалось от боли.

Дверь резко распахнулась и в комнате появился Сергей. Он издевательски улыбнулся:

– Это можешь с собой забрать. Я ей новые купил.

Вадим растерялся от неожиданности и быстро и машинально сунул их в карман.

– Готов? – Сергей нетерпеливо раскачивался из стороны в сторону и был заметно пьян.

– Да вроде готов – опустив голову, еле слышно ответил Вадим.

Бандит полез в карман. Достав деньги и документы, он протянул их жертве:

– Все честно, как договорились. Получите, распишитесь.

– А где расписаться? – Вадим был наивен.

Трое бандитов громко загоготали.

– Ты чо, debil? – Сергей покрутил пальцем у виска – Клади в карман, бери шмотки и бегом отсюда!

Вадим начал разворачивать документы. Но тут вмешался, непонятно зачем явившийся с кухни, Кабан:

– Давай иди отсюда, потом посмотришь!

Выйдя на улицу, Вадим остановился.

– Куда теперь идти? На вокзал? Покупать билет на поезд?

Мысли путались.

На асфальте валялась фотография. Вокруг нее рассыпа-

лись синие осколки вазы.

Вадим сел на лавку и, достав сигареты, нервно закурил.

– И что мне теперь, правда, в эту воронежскую область ехать? Да еще в какую-то деревню! Да, влип, так влип! И все из-за этой мрази! – Он с гневом глянул на фотографию и, стиснув зубы, горько вздохнул. – Убить бы их всех! Мне теперь терять нечего!

Из подъезда вышла пожилая женщина. Проходя мимо Вадима, она по-соседски поздоровалась и, глядя на баул с сумкой, вежливо спросила:

– Что, уезжаете?

Вадим глубоко затянулся дымом и, не глядя на соседку, молча кивнул головой.

– С Оксаной?

Он хотел промолчать, но вместо этого вдруг внезапно выпалил:

– Нет. Один. Уезжаю навсегда.

Она посмотрела на фотографию на асфальте, улыбнулась и пошла себе дальше, бормоча под нос:

– Вот те на! Женятся, разводятся... И зачем женятся?! Сорят тут, а дворники – убирай за ними.

Вадим посмотрел ей вслед. В этот момент он вдруг почувствовал себя совсем одиноким в своем горе и, положив голову на колени, тихо завыл и весь затрясся, словно маленькая собачка.

Вскоре кто-то робко тронул его за руку. Вадим поднял

голову. Рядом с ним стоял чей-то ребенок лет двух возрастом. Доверчивое создание, пробормотав что-то нечленораздельное, с довольной улыбкой протянуло ему фотографию. Вадим вытер рукавом слезы, затем молча принял «подарок» и так же молча принялся рвать его в клочья.

– Андрюша, оставь дяденьку в покое! – молодая мамаша с огненно-рыжими крашенными волосами схватила свое чадо за руку и повела прочь – Видишь, дяденьке плохо. Смотри, вон, какая ворона!

Вадим снова остался один.

– Сколько так можно сидеть?! – подумал он – И куда теперь идти?

В Москву они с Оксанкой переехали не так давно, чуть больше года назад, когда его отец, умирая, завещал ему однокомнатную квартиру. Вадим был стеснительным и замкнутым человеком. С людьми общался мало. Друзей и близких у него в Москве не было. Он перечислил в уме тех немногих знакомых, которые у него все же были, к которым можно зайти, поделиться своим горем, возможно, хотя бы переночевать и понял – идти не к кому. Нигде никому он не нужен.

Глава 2

Походив бесцельно по улицам Анны, Вадим нашел свободную лавку. Он уселся на нее, обдумывая, что будет делать дальше. Его волновало, где он сегодня будет ночевать. Эта мысль вертелась в голове с момента пробуждения. Две

мысли появлялись в голове почти одновременно, как только горемыка открывал глаза: "Где я?" и "Где мне сегодня ночевать?"

Сегодня наступила расплата за вчерашний день – помимо похмелья, мучавшего несчастного, возникла другая проблема: вчера, десятого апреля у него был день рождения. Деньги, полученные от Сергея, Вадим сэкономил, как только мог, покупая только все самое дешевое и самое необходимое. Покупал он обычно хлеб, кабачковую икру, плавленые сырки и дешевые консервы, словом все, что стоило недорого и не нуждалось в приготовлении. Экономить он умел, а о том, что будет, когда кончатся все средства к существованию, старался не думать.

Вчера же, вспомнив про день рождения, Вадим купил пачку сигарет, батон хлеба, банку килек в томате и литровую бутылку водки.

– Пропивать, так последние! – с веселой отчаянностью решил он – эх, была не была! Днем раньше, днем позже!

Сегодня наступил роковой день. Вадим не знал, что ему делать дальше.

Совсем потерявший голову от отчаяния и непрерывного пьянства, он не видел никаких перспектив, как добывать себе хлеб.

Есть с помоек или побираться он, как вариант не рассматривал – даже если придет нужда, будет очень сложно преломить гордость. После неудачной попытки повеситься, он по-

нял, что силы духа у него на это не хватит и впредь повторять эту попытку не собирался. А было это еще в Москве на следующий день после изгнания из квартиры.

Он не знал на какой улице находится и просто шел куда глаза глядят. Проходя мимо одной из многоэтажек, Вадим увидел открытую подвальную дверь.

– Сюда – решил он – и через несколько минут все кончится.

Оглядевшись по сторонам, изгнанник спустился вниз по ступенькам и, распахнув чуть приоткрытую дверь, вошел внутрь.

– Надо зайти поглубже – подумал он и, чиркая зажигалкой, медленно и неуверенно пошел вперед, натываясь в темноте на стены и трубы.

На одной из стен почти у самого потолка торчал загнутый вверх ржавый кусок арматуры. Внизу прямо под ним тянулась над полом длинная белая труба.

– Здесь – решил Вадим и остановился – место вполне подходящее.

Он неуверенно помялся с ноги на ногу и почесал затылок.

– Сначала выпью для храбрости – изгнанник достал из кармана бутылку водки и уселся на трубу – четвертый день пью, совсем алкоголиком стал. Впрочем, теперь то какая разница!

Он горько вздохнул.

Бутылка была уже початая. Часа полтора назад Вадим вы-

пил целый пластмассовый стакан и сейчас опять налил до самых краев.

– Последний раз пью – подумал он и выпил, затем достал из кармана пуховика пирожки, купленные на вокзале.

Съев пирожок, он закурил.

– Последняя сигарета в моей жизни – подумал изгнанник, грустно смотря, как она тлеет в его руках, уменьшаясь после каждой затяжки – и хоронить меня некому будет. И никто меня не помянет. А Оксанка даже не узнает, что стало с ее мужем.

В подвале было душно. Рядом с трубой, на которой сидел Вадим, только чуть выше, проходила горячая труба. Померзнув часа полтора на холодном ветру, несчастный изгнанник теперь с удовольствием согревался в этом подвале. И сняв промокший пуховик, он положил его на горячую трубу. Выкурив сигарету, Вадим посмотрел на арматуру:

– Пора!

Он завязал на шарфе затяжную петлю и привязал его конец к арматуре. Настал решительный момент. Изгнанник влез на трубу и, накинув петлю на шею, затянул ее потуже. Осталось лишь прыгнуть вниз.

Мысли о самоубийстве, закрадывающиеся в голове Вадима время от времени в последние дни посещали его очень часто. Но сегодня он вдруг почувствовал, что его терпению наступил конец, когда на вокзале у него украли сумки с вещами.

В каком-то магазинчике он купил бутылку водки и, выпив стакан, печально разгуливал по мартовским московским улицам. Мысли в голове были одна мрачнее другой. Ехать в воронежскую область совершенно не хотелось.

– Не для того я в Москву ехал – думал изгнанник – что бы так вот глупо и нелепо потерять абсолютно все: квартиру, московскую прописку, работу, жену. Ведь у меня кроме Оксанки больше никого нет. Ведь я люблю её. И все из-за этого ублюдка!

Вадим от злости зашагал быстрее и нечаянно наскочил на какого-то бугая, стоящего возле автобусной остановки. Верзила, выругавшись нецензурной бранью, недолго думая, отвесил несчастному горемыке оплеуху.

Осознав полное несоответствие физических сил, глядя на своего обидчика, Вадим в который раз за последнее время почувствовал собственное бессилие. Это было последней каплей в его чаше терпения. Первая мысль была броситься под проезжающую по шоссе машину. Но Вадим, не теряя рассудительности, подумал:

– А если не насмерть? Еще хуже будет калекой жить.

Последними усилиями воли изгнанник заставил себя идти дальше, думая о том, как свести счеты с жизнью.

Вадим немного постоял на трубе. Решиться на самоубийство было тяжело.

– Надо еще водки выпить – подумал он и, сняв с шеи петлю, слез с трубы.

Стакан получился целый.

– За упокой моей души! – изгнанник выпил его одним махом и тут же весь сморщился и закашлял.

– Не пошла – прокомментировал он, закусывая пирожком – Хорошие пирожки! Надо было больше покупать. Душно тут – развезет быстро.

С пирожками быстро было покончено – Вадим не ел целый день. Он снова закурил. В его голове завертелась песня "Комбат".

– Эх, сейчас бы музыку послушать! – он начал напевать – Комбат, батяня, батяня, комбат, ты сердце не прятал за спины ребят... И умирать совсем не хочется! А ведь я в детстве на скрипке играл! В музыкальной школе учился. Мать покойница мечтала, что б из меня скрипач получился... Да, кажется, я уже совсем пьяный. Нет, все же надо.

Он встал и, сильно шатаясь, снова полез на трубу. Затем накинуд петлю и постоял с минуту в раздумье.

– Пора! – скомандовал он сам себе – раз, два, три.

Вадим закрыл глаза, но по-прежнему оставался стоять на трубе. Воля не подчинялась разуму. В отчаянии он опустил голову и, еще немного постояв, снял с шеи петлю. Затем машинально присел на трубу.

Слез не было.

– Наверное все выплакал – отрешенно подумал изгнанник. Следующие несколько минут он просидел не двигаясь, уткнувшись лицом в колени. Отчего-то, вдруг, вспомнился

родной и далекий Мурманск, покойница мать, школа, в которой Вадим учился, его школьный друг Колька, с которым они учились в параллельных классах.

Колька был заядлым хулиганом с богатой фантазией. Он был не таким, как все и этой своей неординарностью нравился Вадиму. На улицу он выходил в поиске развлечений и всегда искал возможность нахулиганить. В этом он был достаточно оригинален.

Настроение поднялось. Вдобавок Вадима развезло. Он улегся на трубу, на которой стоял раньше и лежал, улыбаясь, вспоминая то хорошее, что когда-то было в его жизни. Вскоре он заснул глубоким сном.

– Где я? – была его первая мысль по пробуждении. И сразу вспомнился вчерашний день. Настроение испортилось.

– И что я теперь буду делать? – Вадим приподнялся на трубе и почиркал зажигалкой. На полу валялась пачка "LM". Изгнанник поднял её. В пачке лежала одна сигарета.

– Последняя – огорчился Вадим, закуривая – Что хоть сейчас утро, день, вечер?

Он осветил зажигалкой циферблат часов – половина третьего утра.

– Лежу здесь, как самый настоящий бомж – он горько усмехнулся – А ведь идти то и в самом деле некуда. И что мне теперь пить эту проклятую водку, пока не сдохну где-нибудь в подвале или под забором? Пожалуй, пора действительно ехать в Воронеж – это единственный выход. Голова

опять болит. Пора прекращать пить. Надо будет найти какой-нибудь магазин, купить что-нибудь поесть, сигарет и все же водки – трясет всего. Растяну её как можно дольше. Надо будет потом сюда вернуться – посушить джинсы и ботинки, а после этого идти на вокзал. Пару дней переночую там – может вещи найдутся. А потом в Воронеж.

Одевшись, он пошел к выходу. Спотыкаясь в темноте, он чиркал зажигалкой, пока, наконец, не нащупал входную дверь. Изгнанник толкнул её, но дверь не поддавалась. Толкнув её ещё несколько раз, он понял, что это бесполезно – дверь заперта снаружи.

– Ещё этого не хватало! – Вадим сплюнул с досады.

Это был подвал одной из многоэтажек, каких много в крупных городах. Выход из него был всего один. Изгнанник обошел весь подвал в поисках ещё одной двери и, так и не найдя её, вернулся назад.

– Час от часа не легче! – подумал он со злостью – И что мне теперь делать?

Вадима сильно мучило похмелье. В горле пересыхало. Надо было раздобыть воды.

– Ладно, дождусь дня. Днем то уж, наверняка откроют – решил он и вернулся на трубу.

Изгнанник улегся на прежнее место. Но спать больше не хотелось. Он сильно нервничал, не зная, что ждет его дальше. Сколько вот так сидеть в этом подвале, день, два, три или больше? Без сигарет, пищи, воды, спиртного. Больше все-

го хотелось пить. Вадим встал с трубы и пошел по подвалу. Чиркая зажигалкой, он искал на трубах какой-нибудь кран. Но все краны (в маленьком подвале их было не так уж много) были без "барашков". Открыть воду он так и не смог, как ни старался. Обойдя весь подвал, он снова оказался возле входной двери. Из неё сквозь щели тянуло свежим воздухом. Бедный горемыка приложился носом к щели и начал жадно с наслаждением его вдыхать. Дверь была ржавая. Положив на неё ладонь, Вадим обнаружил на ней целый слой льда.

– Не бомж, а прямо-таки узник!

Он печально усмехнулся и начал царапать ногтями лед, жадно глотая маленькие отцарапанные кусочки. Вскоре ему надоело это занятие. "Узник" начал чиркать зажигалкой, ища какой-нибудь предмет, которым можно отковырять лед. Вскоре предмет нашелся. Это был ржавый кусок железа, валявшийся в углу подвала недалеко от двери. Дело пошло на лад. Отколотив большой кусок льда, он начал его сосать. Через минуту из горла измученного изгнанника вырвался вздох облегчения.

Вадим сунул руку в карман и наткнулся пальцами на флакон с Оксанкиными духами. Он совершенно забыл про него. Подержав немного в руках, изгнанник с размаху швырнул его в стену. Флакон разбился. В подвале приятно запахло духами. В сырости, духоте, темноте, отсутствии воды, пищи и сигарет этот приятный запах его жены очень цинично напоминал изгнаннику о той, которой он был обязан всеми свои-

ми мучениями. Вадима давило чувство собственного бессилия и обреченности.

– До чего я докатился – печально подумал изгнанник – И все из-за этих проклятых нелюдей. Спят сейчас вдвоем в теплой постельке в моей квартире и горя не знают. Довольные, суки! А я тут подыхать должен в этом подвале! Вешаться должен, как жалкий трус! А почему я должен подыхать, а не они?! Где справедливость?! Нет, вы мне за все ответите! Никакой воронежской области! Никакого дома в деревне! Я вас просто убью обоих и пусть со мной потом все что угодно будет!

Он долго злился и обдумывал планы убийства своей жены и её любовника. Но планы эти были один наивнее другого.

Через два часа на двери кончился лед. "Узник" съел его весь. Донимала головная боль и желание закурить. Низкий потолок подвала, сырость и духота давили на психику. Еще через час снова захотелось пить. Измученный похмельем организм несчастного требовал воды. Вадим снова обошел весь подвал. Теперь он искал окно, что бы, высунув в него руку, набрать пригоршню снега для утоления жажды. Но на всех окнах, как назло оказались решетки с очень мелкими дырочками. Испытав очередное разочарование, "узник" снова вернулся к двери.

В дверные щели начал пробиваться солнечный свет. Это дало горемыке надежды. Он принялся стучать в дверь. Стучал долго и отчаянно. Но его усилия были напрасны. Вадим

посмотрел на часы. Было без двадцати девять. День недели – суббота.

– Значит в ЖЭКе выходной и меня отсюда выпустят не раньше понедельника – ужаснулся изгнанник – и то, если сюда дворник придет или какие–нибудь слесаря.

Это открытие окончательно вывело его из себя. Схватившись за голову, он отчаянно завыл и что есть силы принялся долбить ногой дверь. Но вскоре понял – бесполезно. Выходной день. Дом находился на отшибе. Люди здесь ходили мало. Дверь подвала находилась на торцевой стороне многоэтажки. Окна квартир на эту сторону не выходили. Соответственно никто слышать стук из подвала не мог.

– За что мне всё это?! – выбившись из сил, он присел на корточки возле стены. – Нет, я просто должен их убить. Ворвусь вечером, а еще лучше ночью в квартиру и пырну её ножом. Хорошо бы они там вместе были – Сергей же может и дома быть у жены. Надо их выследить, а потом ворваться и перерезать обоих – сначала его, потом Оксанку.

Вадим представил себе эту сцену: на полу в предсмертных судорогах лежит любовник его жены и Оксанка, в ужасе забившаяся в угол комнаты, и он, Вадим, всаживающий в неё заточенный кусок арматуры. Изгнанник скривил рот в злорадостной улыбке. Потом сразу на вокзал и в Воронеж.

Весь день, а за тем и следующий Вадим просидел в подвале, время от времени стучась в дверь. Озлобленный он точил об стену найденный кусок арматуры. Это убивало время.

Злость прибавляла сил измученному "узнику".

Без воды с похмелья в душном подвале было действительно очень тяжело. Несколько раз с Вадимом случалась истерика, но деваться было некуда, приходилось терпеть.

В воскресенье похмельный синдром ослаб, но во рту у бедного горемыки было сухо. Вдобавок у него проснулся аппетит и, промучившись от голода, Вадим вечером долго не мог заснуть. Мерещился запах жареной курицы с хрустящей корочкой, салата «оливье» и других блюд, которые любил несчастный изгнанник. Ныл пустой желудок.

На следующее утро тонкий луч света, пробившись через крошечную щель в решетке окна ударил прямо в лицо, спящему на трубах изгнаннику. Проснувшись, Вадим, как всегда, не сразу сообразил, где он находится. И, как всегда, у него сразу испортилось настроение.

– Уже понедельник – облизнув пересохшие губы, подумал он и скривил рот в мрачной усмешке – жизнь продолжается.

Но, все же, на сегодняшний день у Вадима были надежды. Ведь, сегодня его могли выпустить из "заточения".

И действительно вскоре он услышал стук лома, доносившийся с улицы. Дворник колот лед.

Стук медленно приближался.

Не помня себя от радости, несчастный горемыка вскочил с трубы и быстро подскочил к оконной решетке. Сначала он ничего не увидел. Пришлось немного подождать. Вадим был готов подпрыгнуть от нетерпения. Потом в узкую щель он

разглядел высокого худощавого старика в желтой телогрейке и серой солдатской шапке.

Изгнанник отчаянно заколотил кулаками в решетку.

– Ради Бога помогите – неистово орал он – Меня в подвале заперли.

По всей видимости старик был глуховат. Он продолжал долбить лед, не обращая на стук никакого внимания.

– Дворник!!! – Вадим продолжал колотить решетку – Выпустите меня, четвертый день здесь сижу.

Он долго ещё кричал и стучал в решетку. Наконец, глухой дворник насторожился. Воткнув лом в сугроб, он недоверчиво посмотрел в сторону окошка, за которым несчастный "узник", обезумевший от голода, духоты, похмелья, отсутствия воды и сигарет, что есть силы бил кулаками в решетку. Старик не спеша подошел к окошку и недоверчиво спросил:

– Кто здесь?

– Помогите мне отсюда выбраться – жалобно простонал Вадим – меня в этом подвале в пятницу заперли. Четвертый день здесь сижу.

– А кто Вы такой? Как в этом подвале оказались? – дворник был человеком старой закалки, наивно думающий, что, если посторонний человек оказался заперт в подвале, значит он обязательно какой-нибудь жулик.

– Прохожий. Проходил мимо, зашел погреться. Пока грелся, подвал заперли. Помогите ради Бога, я четвертый день без воды и сигарет. Я ничего не ел всё это время – Ва-

дим скулил, словно маленькая собачка.

– Прохожий? Проходил мимо? Это всё как-то подозрительно – старик недоверчиво почесал затылок – я сейчас милицию вызову, пусть разберутся.

Вадиму ничего больше не оставалось, как исчерпать весь свой словарный запас в след уходящему дворнику и идти к выходу. Он выкинул заточку – ни к чему её видеть милиции.

– Будь, что будет – решил изгнанник, когда немного успокоился – главное – выбраться отсюда!

В томительном ожидании прошло полтора часа, показавшихся Вадиму целой вечностью. Затем на улице раздался шум подъезжающей машины, следом за ним – приближающиеся к подвальной двери шаги и голоса. Послышался лязг ключей и через секунду яркий дневной свет ослепил на миг, привыкшего к темноте "узника". Щурясь, Вадим вышел на улицу. Он ощутил легкое головокружение, вдохнув поглубже свежего воздуха. К нему тут же подошли два сотрудника милиции. Один из них потребовал документы. Помимо милиционеров возле подвала стояли два мужика в телогрейках (по всей видимости, слесаря) и женщина лет пятидесяти в коричневом берете.

– Ничего особенного – проронил один из слесарей – Так, бомж какой-то.

– Да уж, пропьют квартиру, потом лазают по подвалам – добавила женщина – Ладно, запирайте подвал.

Рядом с ней стоял сияющий дворник. Вид его был весьма

самодовольный.

– Наверное, думает – поймал преступника – с улыбкой подумал Вадим, покосившись на этого глупого старика.

На улице еще собралась толпа зевак.

В отделении милиции Вадима продержали недолго. Его историю со всем, что с ним произошло, сотрудники правоохранительных органов, выслушали с интересом, но помогать не стали ничем.

– Езжай в Воронеж, пока все деньги не пропил – посоветовал один из них – А то здесь в Москве так и будешь по подвалам лазать, вместе с такими же.

– Зайди в ванную, возьми щетку и почисти куртку. Посмотри, на кого ты похож! – предложил другой.

В ванной Вадим ужаснулся, глядя на себя в зеркало: вся его одежда была покрыта пылью, глиной и ржавчиной. Лицо заросло щетиной и всё было грязное.

– И правда, бомж! – огорченно подумал изгнанник.

Первое, что он сделал, это напился вдоволь воды. Затем умылся и почистил одежду.

Выйдя из отделения, он сразу пошел в магазин. Купив сигарет, батон белого хлеба, консервную банку килек в томате и бутылку пива, изгнанник нашел на улице свободную лавку и, устроившись на ней, открыл пивную бутылку. Он жадно сделал несколько больших глотков, затем достал пачку своих любимых "LM" и, закурив, жадно и глубоко затянулся дымом.

– Ничего так не ценишь, как того, чего бываешь лишен – философски подумал Вадим, жадно поглощая хлеб и консервы.

Поев, он облегченно вздохнул. Впервые за долгое время у него было хорошее настроение. Он весело посмотрел на проходящего мимо старика, посмотревшего на него с презрением.

– Ну и смотри себе на здоровье, сам не лучше – мысленно добавил он ему.

Хлеб был мягкий и теплый. По всей видимости, его только что привезли в магазин. Изгнанник съел весь батон.

Теперь пора было подумать о том, что ему делать дальше. Как отомстить жене и её любовнику. Вадим долго ломал голову, строил нелепые и наивные планы убийства и, в конце концов, решил, что лучше прийти домой утром или днем, когда Оксанка на работе и поджечь квартиру. Купить пару литров бензина. Мебель загорится быстро. Поджечь её везде, где она только есть, жечь бельё, занавески и пока всё это будет разгораться, открыть нараспашку окна в комнате и на кухне. И сразу бегом на вокзал. С первым же поездом в Воронеж.

Изгнанник посмотрел на часы. Было начало одиннадцатого.

– Пойду прямо сейчас – решил он и, закулив ещё одну сигарету, решительно поднялся с лавки и направился разыскивать ближайшую станцию метро.

Подойдя к дому, изгнанник несколько раз оглянулся по сторонам – не встретить бы кого из соседей.

– В собственную квартиру иду, как вор – подумал он с досадой.

Добравшись благополучно до своего подъезда, он быстро прошмыгнул в него и, сев в лифт, поднялся на седьмой этаж. Он немного постоял на лестничной площадке, прислушиваясь – нет ли шума этажами выше. Кто-нибудь из соседей или, не дай Бог, Сергей и его друзья могли стоять на лестнице, курить или выносить мусор в мусоропровод, и встреча с ними была Вадиму совершенно ни к чему.

На лестничной площадке была полная тишина.

Достав из кармана ключ от входной двери, изгнанник медленно и осторожно поднялся на девятый этаж. Но, подойдя к двери своей квартиры, он остановился, как вкопанный. С минуту он стоял, разинув рот. Этого он не предвидел. Пылая страстью гнева, Вадим думал только о мести и совсем не думал, что кто-то может предвидеть его намерения. Этими "кто-то" была его коварная супруга и её всемогущий любовник бандит. Деревянную входную дверь квартиры Оксанка предусмотрительно заменила на стальную, лишив своего мужа всякой возможности вернуться домой.

Вадим чуть не лопнул с досады. Его постигло ещё одно разочарование. Из его квартиры раздавались пьяные голоса. Похоже там среди белого дня было шумное веселье. Кто-то играл на гитаре и пел. Послышалась чья-то нецензурная

брань. Изгнанник прислушался и различил среди голосов голос Оксанки.

– Веселишься, сучка, среди таких же шлюх и бандитов, а твой законный супруг стоит под дверью возле собственной квартиры и не имеет ни законного права, ни возможности попасть к себе домой! – он тяжело вздохнул, подумав об этом. Отчаяние от чувства собственного бессилия снова овладело им.

Кто-то внизу вызвал лифт. Послышался шум спускающейся кабины. Изгнанник стоял возле двери лифта.

– Пора уходить отсюда – думал он – всё пропало.

Внезапно им овладела ярость:

– Но почему я должен уходить?! Ведь это моя квартира! Я здесь хозяин! Почему этим ублюдкам должно всё безнаказанно сходить с рук?!

Он сжал кулаки от злости.

Кабина лифта медленно поднималась вверх. Она поднялась на девятый этаж. Неожиданно двери лифта открылись и на лестничную площадку вышли Кабан и длиннорукий. Бандиты были навеселе.

– О, знакомые лица! – весело воскликнул Кабан. Он подошел вплотную к Вадиму и с издевательской улыбкой схватил его рукой за грудки. – Ты опять здесь?!

В правой руке изгнанник сжимал ключ от своей старой входной двери. Со стороны мизинца этот ключ выступал на пару сантиметров. Внезапно Вадим со всей силы ударил сво-

им нехитрым оружием прямо по кулаку, который сжимал его куртку. Бандит взвыл от боли и разжал кулак. В следующую секунду изгнанник нанес удар ногой по голени. Кабан заорал на весь этаж. Напоследок Вадим от всей души врезал обидчику кулаком левой руки прямо в левый глаз. Он мельком глянул на длиннорукого. Тот ещё не успел опомниться. На лице его был шок. Изгнанник успел вскочить в кабину лифта, прежде, чем закрылись двери и нажать кнопку первого этажа. Он ликовал – хоть маленькая, а всё же победа! Не всё же время только проигрывать! Кабина спускалась вниз. Сверху доносились дикие вопли Кабана.

Вадим злорадствовал, слушая их. Он представил себе зловещего верзилу, сидящего на корточках с разбитой физиономией и держащего руками болящую голень ноги и дико воющего.

– Маму зови – мысленно посоветовал победитель.

Погоня началась только через минуту. Видимо тогда, когда длиннорукий, позвонив в звонок (возможно не один раз), дождался, пока его услышат, затем откроют дверь и, наскоро выслушав, побегут вниз по лестнице, так как второго лифта в подъезде не было.

Спустившись на первый этаж, Вадим услышал топот, доносившийся с верхних этажей. За ним бежали несколько человек. Не теряя времени, он бегом выскочил из подъезда. Мозг лихорадочно работал – надо спастись бегством или искать укрытие. Беглец огляделся, остановившись на секунду.

ду в нерешительности.

– Далеко убежать не успею – понял он – впереди несколько больших газонов, дорога и тротуар. Увидят – догонят или, не дай Бог, стрелять начнут.

В голове мелькнула спасительная мысль – в следующий подъезд, затем на последний этаж и на крышу. Там и отсижусь.

Он успел добежать до следующего подъезда, код от которого знал и забежать в него, прежде, чем бандиты выскочили на улицу. Ему опять повезло. Лифт находился где-то на втором этаже. Вадим вызвал его и ждал совсем недолго.

– А ведь на крыше найти могут – подумал изгнанник – если догадаются туда подняться.

Поднявшись на лифте на девятый этаж, он принялся звонить в звонок первой попавшейся двери квартиры.

– Кто там? – услышал он недовольный голос из-за входной двери.

– Помогите ради Бога, за мной бандиты гонятся! – взмолился беглец.

За дверью больше не отвечали. Вадим в надежде позвонил ещё раз, потом ещё и ещё. И услышал раздраженный голос:

– Уходите отсюда.

– Боятся – подумал изгнанник – И нет никому никакого дела, что рядом с ними человека убивают.

Девятый этаж был последним. Кто-то внизу вызвал лифт. Времени звонить в другие квартиры больше не было. Вадим

поднялся в надстройку машинного отделения и прикрыл за собой люк. Подойдя почти к краю крыши, он присел на корточки, затем гусиным шагом добрался до самого края и осторожно посмотрел вниз.

Внизу возле дома стоял Сергей. Рядом с ним – Кабан, какой-то ещё бандит и девушка с длинными белыми волосами, в которой изгнанник узнал свою супругу.

И тут он заметил три пары каких-то незнакомых парней. Дом был четырехподъездной девятиэтажкой. Вадим жил в последнем подъезде. Каждая пара быстро направлялась в первые три подъезда.

Беглец осторожно вернулся в машинное отделение.

– Только бы они не догадались на крышу подняться – с ужасом думал он – Что тогда будет?!

В машинном отделении заревел мотор. Кто-то внизу вызвал лифт. Сердце Вадима замирало от страха. Через минуту лифт поехал вверх. Ужас нарастал и нарастал. Двери лифта открылись на девятом этаже. Бандиты вышли на лестничную площадку.

– Ну всё, конец мне – подумал изгнанник – бежать к другим машинным отделениям смысла нет, не успею.

– Ну чо, давай – услышал Вадим чей-то голос внизу – Ты бегом по этажам, а я, типа, на лифте покатаюсь?

– Может он на крыше?

Кто-то начал карабкаться по лестнице, поднимаясь к люку.

– Я пропал – подумал изгнанник в ужасе – Нет. – Внезапно мелькнула надежда.

Бледный от страха Вадим встал ногами на крышку люка. Пусть думают, что люк закрыт. Но, о, ужас! Крышка на люке лежала не плотно и под тяжестью изгнанника с небольшим шумом опустилась вниз.

Шаги на лестнице смолкли. Раздался дружный смех. Затем наступила тишина. Через минуту раздался чей-то голос – Да это не он, в натуре, это, наверное, бомж какой-нибудь или кошка.

– Знаешь, мне что-то это всё уже надоело. Поехали вниз, а пацанам скажем – типа, не нашли.

– Давай, вызывай лифт.

Лифт находился здесь же на девятом этаже. Вадим услышал, как открылись двери, затем кто-то зашел в лифт. Кабина поехала вниз.

Беглец облегченно вздохнул:

– Вот повезло!

Надо было торопиться. Дождавшись, когда кабина лифта спустится пониже, наивный Вадим поднял крышку люка и уже собирался спуститься вниз по лестнице, как вдруг услышал на лестничной площадке дружный хохот. Отправив вниз пустой лифт, бандиты стояли тихо и ждали, когда их жертва сама спустится вниз и попадет в их руки.

Поняв, что он облапошен, изгнанник резко отпрянул назад и, захлопнув крышку люка, встал на неё ногами.

– Глупец! – зло выругал он самого себя – Всё, теперь мне хана!

Его всего трясло от страха. Ручьями лился по телу холодный пот.

На железной лестнице, что вела на крышу, раздались звонкие шаги. Звенело железо. Бандиты поднимались к люку. Кто-то ругался матом.

– Давай, в натуре, открывай по-хорошему! – сказал один из них, растягивая слова на блатной манер.

Вадим стоял молча на крышке люка и ждал своей горькой участи.

Постучав в крышку, его преследователи быстро поняли, что открывать он не собирается.

– Утопающий и за соломинку хватается – сострил один из них.

– Алло, Серёг, ну, короче, он на крыше. На люк встал, спускаться не хочет. – услышал Вадим через минуту.

– По мобильнику разговаривают – догадался он – и зачем я только сюда полез, мститель хренов!

Теперь, ожидая прихода своих врагов, он горько пожалел о своей затее. Долго ждать не пришлось. Через несколько минут к двери машинного отделения подошел Сергей.

– Выходи – сказал он тоном, не терпящим возражений.

Ничего не оставалось, как молча повиноваться. На крыше вместе с Сергеем уже находились семь бандитов. Вадим с ужасом увидел среди них багрового от злости Кабана с за-

плывшим левым глазом. Несмотря на своё незавидное положение, изгнанник в душе позлорадствовал, глядя на глаз своего противника

На крышу поднялись ещё двое. Те самые, которые нашли беглеца.

Женщин на крыше не было. И чувствуя себя беспомощной жертвой, обреченной если не на полную гибель, то по крайней мере, на жестокие побои или ещё невесть на что, он радовался, что его супруга не увидит того, что с ним произойдет.

– Хоть одним унижением меньше – думал несчастный изгнанник.

– Ну что с ним делать будем? – спросил Сергей, обращаясь к окружающим.

Нетерпеливый Кабан подошел ближе к Вадиму.

– Он мой! – сказал он и, обращаясь к своей жертве, добавил – Сейчас я тебя на части порву.

Бандиты были заметно пьяные. Они окружили Вадима со всех сторон.

От первого удара он уклонился, но тут же кто-то исподтишка ударил его ногой в бок. Согнувшись от боли, изгнанник обернулся. Это был Сергей. В следующий момент кулак Кабана врезался Вадиму в правое ухо. Другой кулак верзилы попал в солнечное сплетение. Через секунду бедная жертва лежала на заснеженной крыше дома, закрывая лицо и почки руками. Удары сыпались со всех сторон. Его безжалостно

пинали ногами.

– Может его с крыши сбросить? – предложил один из бандитов.

В ответ на это раздались веселые одобрительные крики. Брыкающегося Вадима подняли за руки и за ноги и потащили к краю крыши. Его неистовые вопли только забавляли бандитов. До края крыши оставалось совсем немного. Изгнанник не переставал вопить.

Неожиданно к его крикам присоединился чей-то ещё и горемыка супруг узнал голос своей жены. Бандиты остановились и обернулись в сторону Оксанки.

– Вы что, вообще сдурели?! – орала она – отпустите его – Ты что, вообще, стоишь?!

Она подошла ближе. Последние слова относились к Сергею:

– Совсем отупел от своей водки? Вы меня, вообще, подставить хотите? Я здесь живу, вообще!

Вадима оставили в покое. Он с благодарностью посмотрел на жену. Их глаза встретились. Взгляд Оксанки выражал сочувствие.

– Ты что, мужа своего пожалела, в натуре? – иронично спросил Сергей – Может к нему вернешься?

– А ты не подкалывай! – ответила Оксанка – Вы, вообще, совсем озверели – среди бела дня человека с крыши сбрасывать!

– Он нашего друга обидел – оправдывался Сергей – и, во-

обще, непонятно, что он делал возле твоей квартиры.

– Взяли бы, да спросили его, а вы сразу с крыши бросать – Оксанка продолжала нападать – ишь, какие крутые, все на одного накинулись!

Бандиты стояли, опустив головы, как провинившиеся школьники и молчали. Первым нарушил молчание Сергей. Он, как всегда, уверенно сказал:

– Ладно, хорошо – и, обращаясь к Вадиму – говори, зачем ты сюда пришел?

– Может ты из вещей чего забыл, Вадь? – спросила Оксанка.

Её наивное предположение выручило изгнанника. Вопрос был задан, как раз вовремя, так как Вадим не знал, что отвечать Сергею.

– Да, свой фотоаппарат забыл – сказал он, вспомнив, что он действительно его забыл.

– А почему ты в Воронеж не уехал? – любовник его жены продолжал свой допрос.

– У приятеля гостил – соврал Вадим.

Сергей постоял немного, о чём-то задумавшись, затем сказал, обращаясь к Оксанке:

– Ладно, пошли домой. Больше его, в натуре, никто не тронет – затем, обернувшись к своим друзьям, приказал – Ждите меня здесь, а его, что бы никто пальцем не трогал!

Он строго посмотрел на Кабана, скорчившего весьма недовольную гримасу и, обняв Оксанку за талию, повел её к

машинному отделению её подъезда.

Вадим стоял в окружении своих врагов и молча ждал, чем всё это закончится.

Бандиты закурили, переговариваясь время от времени.

Минут через десять Сергей снова поднялся на крышу. Он подошел к Вадиму и протянул ему четыре купюры по тысячи рублей каждая.

– Я у тебя фотоаппарат покупаю – сказал он с наглой улыбкой посмотрев на изгнанника.

Вадим положил в карман деньги и промолчал. Фотоаппарат стоил во много раз дороже, но спорить не было смысла.

– А теперь честная дуэль между Кабаном и Вадимом – торжественно произнес Сергей.

Бандиты оживились, все, кроме Кабана.

– Да ты чо, Серег, в натуре, хочешь, чтобы я с этим чмырем, типа, из стволов стрелялся? – запротестовал он с видом ущемленного достоинства.

– На шпагах будете драться – сострил Сергей.

Бандиты загоготали.

– И так, драка один на один – пояснил Сергей – прошу на ринг.

Исход драки был понятен заранее. Мордовороту Кабану не составило особого труда справиться с сильно уступающим по силе избитому и перепуганному Вадиму. Наверное, бедный изгнанник стал бы калекой, если бы некоторые из друзей Кабана не сжалились над Вадимом и не оттащили верзилу в

тот момент, когда он пытался добить его, упавшего на лед.

Оксанка на крыше больше не появлялась. Утомив верзилу, бандиты ушли веселиться в её квартиру, оставив на крыше её бедного избитого супруга.

Вспоминая все это, Вадим сильно сжал кулаки, ногти его при этом впились в ладони.

Каждый день изгнанник проклинал свою супругу и ее любовника. Находясь в Воронежской области, он продолжал строить наивные планы мести, подсознательно понимая всю их невыполнимость. Среди проходящих мимо девушек ему часто мерещилась Оксанка, когда эта девушка хоть чем-то ее напоминала.

За этот злополучный месяц скитаний Вадима два раза били. Первый раз, когда он на Аннинском рынке, отстояв небольшую очередь, собирался купить консервы. Стоявший перед ним прилично одетый мужчина лет сорока на вид осторожно положил с прилавка в глубокий карман своего светло-серого плаща несколько консервных банок. Наивный продавец, заметив пропажу, не заподозрил вора в прилично одетом человеке, а подумал, что эта кража – дело рук стоящего рядом бомжа. Продавец поднял крик, на который тут же сбежались другие продавцы с соседних прилавков. На Вадима набросились пять человек и принялись молотить его руками и ногами, а когда с трудом разобрались в чем дело, то перед "каким-то бомжем" даже не извинились. Человек же, укравший консервы, воспользовавшись суматохой, благопо-

лучно скрылся.

Случившееся послужило для потерпевшего очередным поводом для пьянства.

Второй случай произошел всего с неделю назад и у Вадима еще не прошли синяки на лице, руках и ногах.

Пытаясь отыскать себе ночлег, горемыка обычно ходил по подъездам домов, ища дверь со сломанным кодовым замком. Когда это удавалось, он поздно ночью заходил в подъезд, поднимался на второй или третий этаж (дома в этом городе были в основном двух или трехэтажки) и, сидя или лежа на лестнице, спал до утра, пока его не прогоняли жильцы или уборщицы. После этого, раздраженный от очередного недосыпания, изгнанник бродил по улицам чужого ему поселка. Вскоре он нашел подъезд, в котором можно было устроиться на ночлег прямо под лестницей, расположенной так, что скрывала бы изгнанника от посторонних глаз.

Вадим купил себе бутылку водки, батон черного хлеба и баночку соленых огурцов, затем, найдя на помойке большой кусок картона, он дождался ночи и отправился на ночлег. Картон заменил ему матрац. Расположившись на нем, изгнанник выпил пластмассовый стакан водки, поел и, откинув голову, погрузился в свои невеселые размышления.

В подъезде было холодно и сильно воняло мочой. Под лестницей сильно сквозило, в углу шебуршала мышь.

– Как тут не пить?! – подумал Вадим, засыпая – Водка меня от простуды спасает.

Так прошла целая неделя, которую изгнанник никем не замеченный и не выгоняемый рано утром мог позволить себе роскошь – как следует выспаться.

Последняя ночь в этом подъезде прошла очень невесело. Сквозь сон Вадим почувствовал, что на него льется струя воды. Он открыл глаза, проснувшись и, еще не разобрав что происходит, отодвинулся в сторону от льющейся струи. В эту же секунду раздался хохот. Кто-то весело заорал:

– Я на бомжа нассал!

Затем раздался топот, удаляющийся к двери подъезда. Хлопнула входная дверь. Вадим вылез из своего убежища. Он был вне себя от злости. Вдобавок весь мокрый. Спать больше не хотелось. Да и негде было. Ничего больше не оставалось, как идти искать новое место ночлега или сидеть до утра на лестнице, пока не прогонят жильцы или уборщица.

Изгнанник горько вздохнул и, сев на ступеньки, закурил сигарету.

На улице послышался хохот. Затем дверь подъезда снова отворилась и, громко хохоча, не смотря на глубокую ночь, в подъезд вошли два пьяных подростка лет шестнадцати на вид. Они подошли к Вадиму и уставились на него, словно на дикого зверя.

– Это мой подъезд! – нагло заявил один из них.

Второй подошел к изгнаннику сбоку и, отвесив ему пинка, приказал:

– Пошел вон отсюда!

Но в ту же секунду, получив от него сильный удар в челюсть, отлетел к стене.

Вадим не любил драться, но, когда было надо, умел.

Первый противник опешил, явно не ожидая такого оборота дела. Вадим напал на него первый. Он со злостью врезал ему кулаком по лицу. Затем еще и еще, а после этого выставил обоих "храбрецов" вон из подъезда.

Отдышавшись, он вернулся на лестницу и, сев на нее, снова закурил. Ему долго не удавалось успокоиться. Обругав последними словами подростков, он вспомнил, что у него под лестницей стояла почти целая бутылка водки, лежали полбатона черного хлеба и полбаночки зеленого горошка.

Изгнанник снова залез под лестницу и, поморщившись, глядя на мокрый картон достал свое "добро". Он успел выпить стакан водки, закусить и спрятать бутылку с закуской назад под лестницу, как вдруг на улице снова послышался шум. Дверь подъезда опять отворилась и через несколько секунд возле изгнанника выросла целая толпа подростков, человек пятнадцать. Его вывели из подъезда и, окружив со всех сторон, принялись избивать. Вадим вскоре упал и, лежа на асфальте возле подъезда, свернувшись в клубок и крича от боли, закрывал лицо и почки руками. Каким чудом его не забили до смерти, изгнанник так и не понял. Позабавившись вволю, безумная толпа веселая, пьяная и довольная спокойно и безнаказанно удалилась.

Вадим долго еще продолжал лежать на асфальте между

двух трехэтажных домов, в некоторых окнах которых зажегся свет. Жильцы, услышав шум на улице с любопытством выглядывали из своих окон. Но никто так и не пришел на помощь.

Поднявшись с асфальта, изгнанник кое-как доковылял до лавочки, стоявшей возле подъезда. Сев на лавку, он застонал, трогая наиболее пострадавшие части тела. Лицо все было разбито, руки, ноги и ребра сплошь покрыты синяками. Дикая боль в почках заставляла стонать.

Из подъезда вышла какая-то женщина. Вадим не разглядел ее в темноте. Она подошла к нему и, брезгливо пошмыгав носом, собралась идти обратно, но все же, призадумавшись, наверное, для очистки совести очень приятным голосом спросила:

– С Вами все в порядке?

Вадим молча кивнул головой. Женщина удалилась туда, откуда пришла.

– Ну что там, Алла? – услышал изгнанник чей-то мужской голос, донесшийся из подъезда.

– Да ничего особенного, бомжа какого-то избили.

Послышался стук закрываемой двери квартиры.

– Ничего особенного! – со злостью подумал Вадим – Что за сволочи эти люди!

Он сильно озлобился за последний месяц. После всего случившегося с ним изгнанник ненавидел жизнь, сделавшую его столь несчастным, окружающий мир за его жестокость и

несправедливость, прохожих на улице за их презрение, холодность и равнодушие к его горю. За месяц скитаний он еще не успел привыкнуть и смириться с тем, что он, Дубинин Вадим Александрович двадцати пяти лет отроду больше не москвич и не менеджер по продаже бытовой техники, а всеми презираемый без всякой вины бомж. От каждого встречного он ожидал как минимум презрительного взгляда. И каждый раз в душе закипала обида. Молодой человек, вполне здоровый физически, крепкого телосложения, он сильно исхудал от постоянного пьянства, плохого питания и недосыпания.

Наступил полдень. Вадиму стало хуже. Во всем своем теле он ощущал сильную вялость после выпитого накануне литра водки. Головная боль стала сильнее. Выпить было необходимо во что бы то не стало. Изгнанник стонал, сидя на лавке. Положив ладонь на лоб, он сразу убивал двух зайцев: закрывался от слепящего солнца и тщетно пытался облегчить головную боль.

– Здорово! – услышал он за спиной чей-то незнакомый голос.

Вадим обернулся. Возле него стоял незнакомый молодой человек лет двадцати семи, худой, чуть выше среднего роста с небольшой щетиной на некрасивом лице. Незнакомец держался очень уверенно, но разговаривал вежливо, хотя было заметно, что это ему дается с большим трудом.

– Что, плохо тебе? – он понимающе улыбнулся и с дело-

вым видом добавил – сразу видно – нажрался ты вчера хорошо. На вот держи.

Он достал из кармана бутылку пива и протянул ее изгнаннику.

– Спасибо! – сказал Вадим и, открыв бутылку зажигалкой, жадно присосался к ней губами.

Незнакомец молча следил за ним, смотря на Вадима долгим испытывающим взглядом и, наконец, дождавшись, когда изгнанник оторвется от бутылки, спросил:

– Давно бомжуешь?

– Месяц – ответил Вадим, делая большой глоток пива.

– Это еще мало! – с таким же деловым видом произнес незнакомец – А как до такой жизни докатился?

Вадим, еще сам не зная зачем, рассказал вкратце свою печальную историю.

Собеседник выслушал ее достаточно хладнокровно, без всякого сочувствия и даже рассмеялся, когда изгнанник рассказал, как оказался в Воронежской области. Слушая Вадима, он все время что-то обдумывал и, когда тот закончил повествование, уверенно заявил:

– Твоя ситуация вполне поправима.

Вадим лишь кисло усмехнулся в ответ.

– Если ты, конечно, хочешь вылезти из этого дерьма – добавил незнакомец и вопрошающе посмотрел на изгнанника.

– Что для этого нужно сделать? – недоверчиво спросил Вадим, но при этом в его голосе послышалась нотка надеж-

ды.

– Тут недалеко отсюда – продолжил незнакомец – строится большой коттедж. Хозяева – очень хорошие люди. Они таким, как ты хотят помочь. У них на стройке много бомжей работает. И на работу берут без проблем. Работы много. Хватит на ближайшие пару лет. Жилье, кормежка, плюс зарплата. А там глядишь за пару лет денег заработаешь – человеком станешь.

Незнакомец широко и многообещающе улыбнулся и добавил:

– Давай решай, если готов, прямо сейчас поедем. Вон моя развалюха стоит.

Он показал пальцем на красную "пятерку", стоящую недалеко от проезжей части. Машина находилась в пятидесяти метрах, от лавки, на которой сидел изгнанник.

– Конечно готов! – радостно крикнул он, поднимаясь – Мне ли отказываться?! Я о таком только мечтал.

Счастливым Вадим схватил пуховик.

– Да выкинь ты эту тряпку! – раздраженно прикрикнул незнакомец и, вырвав его из рук изгнанника, он, поморщившись от мерзкого запаха, швырнул его прямо на землю – пошли, тебе там новую дадут.

Он быстро зашагал к машине. Вадим еле поспевал за ним следом. На ходу незнакомец обернулся в его сторону.

– Как тебя звать-то? – спросил он.

– Вадим – ответил изгнанник.

– Меня – Олег – сказал незнакомец, но руку Вадиму не протянул.

Подойдя к машине, Олег достал из дверцы освежитель воздуха и протянул его изгнаннику.

– На побрызгайся – сказал он – от тебя воняет, аж за версту.

Глава 3

Свернув с шоссе на узкую асфальтированную дорогу, красная "пятерка" пронеслась мимо большого пруда и, обогнув его, остановилась возле большой старой квадратной избы, стоявшей на краю деревни.

Выходя из машины, Вадим увидел небольшую группу людей, суетившихся возле аккуратно сложенных досок. Небольшого роста мужик в желтой брезентовой куртке шустро пилил ножовкой доски, которые подносили к нему два товарища. Отпиленную доску тут же забирал еще один работник. Он относил ее к, стоящему рядом, каркасу сарая. Там он и еще один человек обшивали каркас.

Олег подвел вновь прибывшего к вышедшему на крыльцо азербайджанцу.

– Рашид – представился хозяин, говоря с сильным кавказским акцентом.

– Вадим – ответил изгнанник.

– Откуда ты?

– С Москвы.

Рашид внимательно оглядел новичка.

– Ты я вижу в балшую бэду попал – он задумчиво покачал головой – Что у тэбя случилось? Дом сгорэл?

Вадим рассказал в двух словах свою печальную историю.

Рашид внимательно выслушал ее и с деловито–сочувственным выражением лица сказал:

– Ах, какие нэхарошие люди! Отнять квартиру у чэловэка! Но ничего, мы тэбэ поможем. У нас ты будэш жить в тэпле, обут, одэт, накормлэн, дэнги будэш получать и выпивать будэш, но по праздникам. Работать будэш. Радуйся, что сюда попал. Мы вэдь добра хотим людям. Здэсь всэ живут такие как ты. У тэбя строительная спэциальность есть?

– Нет – ответил Вадим.

– Это нэ бэда, будэш подсобником. Главное – работай харашо. Олэг, отведи его к рабочим и нэ забудь новая одэжда выдать и пусть сэбя в порядок привэдет.

Через четверть часа Вадим, одетый в новую одежду, умывший руки, лицо и шею, знакомился с коллективом. Новой одеждой были: старая поношенная рубаха, старые выцветшие черно-серые брюки, сбитые, но еще крепкие ботинки и легкая, слегка разорванная сзади по шву весенняя куртка.

Со страшного перепоя работать не было сил, но это было необходимо. К тому же изгнанник был такой не один. Все его новые товарищи страдали похмельным синдромом. На эту работу они попали буквально на день раньше Вадима.

Их было пятеро и все они не имели ни кола, ни двора, ни денег. Напившись накануне устройства на работу, они не имели возможности похмелиться.

Задачей Олега было похмелять их каждый день, пока не придут в себя. Он выдал на всех поллитровку, строго сказав при этом, что в течении двух дней они должны завязать с пьянством.

Хозяевами строящегося коттеджа были азербайджанцы. Они жили на том же участке, на котором велось строительство в одной из комнат в старой избе, что находилась в самом углу участка. Их было пять братьев. Старшего звали Рашид. Ему было сорок три года. По его словам, он и его братья имели свой магазин. Рашид жил вместе с женой тридцати пятилетней красавицей Айгюль. У него было двое детей. Старший сын – девятнадцатилетний Мухаммед и младшая дочь тринадцатилетняя Кемаля.

По мусульманскому обычаю Рашид был в семье главным. Его беспрекословно слушались и подчинялись ему. Он был достаточно строгим, даже жестковатым и властным человеком.

Родной брат Рашида – Меджит был чуть моложе. Ему было тридцать восемь лет. Его жена Зульфия, жившая с ним в одной комнате в той же самой избе, что и Рашид, была ровесницей с Айгюль. Сын Меджита служил в армии.

Второй брат Рашида – Гасан был на два года моложе Меджита. Он был глуп и вспыльчив. За то молчалив. И эта

его молчаливость порядочно скрывала нехватку ума. Гасан был холост.

Холостяками были и два двоюродных брата Рашида – Максуд и Нюрнорд. Оба они были грубыми и заносчивыми людьми. Максуду было тридцать лет, а Нюрнорду двадцать семь. Максуд был гордостью семейства. Он был кандидатом в мастера спорта по боксу и имел медали за выигранные поединки. Его горбатый нос носил следы сильного перелома.

Нюрнорд же был человеком, недавно вышедшим из мест лишения свободы.

Старая и очень ветхая изба, в которой жили азербайджанцы была достаточно большая и имела несколько комнат, что позволило разместиться в ней всему семейству. Но при таком количестве человек жить в ней было тесно. Изба, а к ней полгектара земли достались работодателям Вадима достаточно дешево. Участок был куплен с расчетом на строительство на нем огромного коттеджа и уже через месяц на нем стали появляться первые рабочие. Объем работы был очень большой. Строительство планировалось года на три. Рашид и его братья помимо большого двухэтажного коттеджа с отдельно построенной кухней, соединенной небольшим коридором, хотели построить большой гараж, рассчитанный на несколько машин и, не считая нескольких подсобных сооружений, сарай, где они собирались держать небольшое стадо баранов. Затем всю территорию участка азербайджанцы планировали обнести решетчатым забором с краси-

выми столбами из серого облицовочного кирпича. Но для начала нужно было построить временный забор и обнести его колючей проволокой. Семейство азербайджанцев купило за небольшую сумму шифер со старых деревенских домов под снос и с таких же домов – старый брус на столбы и старые подгнившие доски на лаги.

Вскоре нашелся и сторож – воронежский бомж Олег. Он был воспитанником мордовского интерната. В Воронеже у него жила тетка. Не имея ни кола, ни двора, Олег приехал к ней. Но имея скверный, грубый и неуживчивый характер, долго жить со своей единственной родственницей не смог. Олег был пьяницей и заядлым курильщиком "травки". Он был груб и лжив, нагл и упрям, в любом разговоре "всегда прав", даже когда сам прекрасно понимал, что это не так и, хотя внешне он походил на скелет, при этом был достаточно смел, самоуверен и прямолинеен. Он был нечист на руку и к своим неполным двадцати семи годам успел отбыть срок заключения пять лет за кражу.

У хозяев участка было четыре автомобиля: Мерседес, Ауди, Джип и старая "пятерка".

Ночью Олег работал сторожем, а днем ездил на "пятерке" по воронежской области, выполняя разные поручения своих работодателей.

Бомжем он был, так как не имел собственного жилья, но Олег уважал себя. Рядиться в лохмотья себе не позволял. Одежда его всегда была чистой и без неприятных запахов.

Он всегда был побрит, умыт, разве что иногда этого не делал во время коротких пьянок.

Деревня, в которой жил Рашид со своим семейством находилась в тридцати километрах от Анны. Она была полузаброшена. Из двадцати домов только одиннадцать были жилыми. Из них семь были дачными. В них жили дачники только в летний период. В остальных домах жили старики.

Среди пришедших на участок люди встречались разные. Большинство бомжей работать не любили и не хотели, а искали возможность поесть и выпить на халяву. Хозяева кормили неплохо, на майские праздники даже давали спиртное, а на Пасху купили для работников крашеные яйца и куличи. Но при этом Олег, Рашид и его братья внимательно следили за тем, кто как работает и искателей халявы и просто совсем непригодных к труду выгоняли прочь. Работники находились не только среди бомжей. Олег выискивал их и на железнодорожной станции, вокзалах и автовокзалах. Это были люди, попавшие в трудные жизненные ситуации, одинокие путники, перебирающиеся из одного города в другой и, как правило, нуждающиеся в деньгах, лишённые крова бедолаги, такие, как Вадим, ищущие любую возможность найти жильё и работу и не желающие спиваться и опускаться на дно.

Прошел месяц. Вадим и его коллеги спокойно спали в построенном ими же доме—сарая на длинном, длинной во всю стену настиле.

– Не стреляй! – раздался истошный крик.

Вадим вздрогнул и открыл глаза. Вокруг него зашевелились, спавшие рядом работяги.

– Я, капитан Чернов, приказываю прекратить огонь – продолжал кричать, спавший почти возле двери рабочий.

Кто-то из лежавших рядом с ним расшевелил его. Александр, нервно вздрогнув, открыл глаза и, горько вздохнув, присел на настиле. Он нервно выругался матом, затем, уткнувшись носом в колени, также нервно и протяжно застонал.

– Что с тобой? – от двери послышался робкий Васькин голос.

– Двадцать лет прошло, двадцать лет! – Капитан обхватил голову руками и говорил так, как будто обращался сам к себе. – Чертов Афган! Да, когда же я все это, наконец, забуду?!

В сарае повисла тишина. Все с сочувствием и уважением, молча, смотрели на ветерана. И, несмотря на то, что с утра всем надо было рано вставать, никто не высказал ни единого слова возмущения по поводу того, что их разбудили.

Капитан появился в бригаде неделю назад. Был он примерно одних лет с Серегой, Костей и Вовой. Родом из Ростова. Александр был высокого роста, смуглый, темноволосый. Среди своих коллег он отличался правильной речью и благородной осанкой. Капитан был немного вспыльчив, но, как и все вспыльчивые люди, отходчив. Он был прямолинеен и всегда говорил в глаза то, что думал, ненавидел ложь и лицемерие. Был он смел и правдив и всю жизнь боролся за спра-

ведливость. За эти черты характера он всю жизнь страдал.

Судьба героя–афганца сложилась как нельзя трагично. Закончив после школы общевоинское военное училище в Москве, он женился на москвичке, с которой встречался последние полтора года учебы. Но получив звание младшего лейтенанта, Александр вскоре отправился вместе с молодой женой по назначению на афганско–таджикскую границу.

Пять лет на границе, карьерный рост младшего лейтенанта Чернова, боевой опыт – все это превратило молодого юношу с пламенным сердцем в настоящего опытного офицера. К двадцати девяти годам он был досрочно повышен в звании – капитан.

Таня гордилась мужем, его достижениями, победами, делила с ним все тяготы суровой армейской жизни.

Капитан Чернов был любимцем не только среди своих сослуживцев – солдат и офицеров, но и пользовался большим авторитетом среди местного населения, так как его честность, прямота, благородство, способность к самопожертвованию, а также легкий и веселый нрав возвышали его над многими его товарищами.

Саша и Таня жили в согласии, горячо любили друг друга и, несмотря на сложность и опасность работы офицера-пограничника, были счастливы. Но, благодаря своему правдолюбивому характеру, смелый Александр сказал "правду в глаза", приехавшему с проверкой генералу. Потом вышел приказ: перевести капитана Чернова с погранзаставы в Аф-

ганистан под город Кабул.

Саша прослужил в Афганистане почти четыре года. Он был командиром роты мотострелкового батальона. Имел два легких пулевых ранения и награды: орден "Красной Звезды", орден "Красного Знамени", медаль "За отвагу" и медаль "За боевые заслуги". Был он достаточно смел, мужественен и отважен. Письма от Тани получал регулярно. Они были очень теплыми и после чтения их, как он сам выражался, "наступала весна в любое время года".

На войну наивный Чернов ехал еще романтиком, но, как он сам быстро понял – романтика кончается там, где начинается реальность. Жизнь на границе с Афганистаном и жизнь в самом Афганистане сильно друг от друга отличались. О войне Александр никогда никому не рассказывал (если только иногда по-пьяни самым близким друзьям), но только храбрый капитан через несколько месяцев Афгана начал пить. За это он впал в немилость у комбата. Правда, Александра, все равно уважали в части, особенно – солдаты. В роте, которой командовал капитан Чернов случаи мародерства, насилия над женщинами, грабежей, наркомании и прочих преступлений, которые так легко списать на войну, были значительно ниже числом по сравнению с ротами, которыми командовали другие командиры. Чернов любил своих солдат, и они отвечали ему тем же. Он берег их и никогда не посылал на верную гибель напрасно. За это его комбат тоже недолюбливал.

Однажды Чернов получил приказ: высадиться с ротой с вертолетов в N-ном месте и двигаться в N-ном направлении.

Высланные вперед дозорные обнаружили большую засаду на пути к намеченному пункту. Ротный связался по радиации с комбатом и получил приказ двигаться вперед и никуда не сворачивать, вступить в бой. "Вертушек" не будет. Это означало, что Александр должен был вести роту на верную гибель, прямо на засаду, на душманов, занимающих хорошие, хорошо подготовленные огневые позиции. При этом никакой помощи от авиации ждать не приходилось.

Чернов подумал, что даже в том случае, если ему повезет и его бойцам удастся прорваться сквозь засаду, он потеряет в лучшем случае половину роты, вдобавок над солдатами убитыми и ранеными, которых в суматохе боя не удастся забрать с собой будут глумиться озверевшие душманы. И все это должно случиться по вине подлеца комбата, который отказался высылать в помощь вертолеты.

Капитан обложил матом по радиации своего командира и решил:

– Будь что будет, а ребят я просто так не положу!

Он отправил разведчиков искать обходной путь.

Разведка вскоре доложила, что слева есть дорога, ведущая через ущелье, по которому можно пройти и, обойдя засаду, двигаться до намеченного пункта.

– Рискну – решил Капитан – а надо будет – отвечу.

До ущелья было около часа ходьбы. Бойцы добрались

до него благополучно. Но разведка проверила склоны гор небрежно. Все как один по узкой тропе солдаты длинной цепочкой спустились в ущелье. И тут грянул взрыв, за ним второй, третий... Затрещали пулеметы, раздались одиночные автоматные выстрелы.

Рядом с ротным разорвалась граната. Капитан, упав на камни, потерял сознание. Очнулся только тогда, когда в "вертушки" грузили убитых и раненых. Сам Александр был практически цел, только на левой руке осколком гранаты ему оторвало мизинец и безымянный палец. Сколько продолжался бой Чернов не знал. Из сто пятнадцати солдат его роты в живых осталось восемнадцать человек. Все были тяжело раненые. По дороге в госпиталь скончались еще два бойца.

В госпитале он был недолго – легкая контузия без серьезных последствий для здоровья. Потом был трибунал, на котором капитану Чернову за нарушение приказа, приведшее к гибели роты, согласно Конституции СССР, присудили высшую меру наказания – расстрел.

В случившемся был виноват комбат, да и погибшие разведчики, небрежно проверившие склоны гор, были виновны не меньше. Но, как командир, Чернов считал именно себя виноватым в происшедшем. Бывший ротный мужественно воспринял свой приговор и писать в высшие судебные инстанции прошение о помиловании не стал. Непорочность случившегося ввергла Александра в страшное отчая-

ние. Ему было обидно не за себя – он презирал смерть. Ему было бы легко, если бы он был прав и умирал за правду, справедливость, если бы знал, что правда за ним. У капитана болела душа за то горе, которое он причинил людям: матерям, отцам, детям, невестам и женам, погибших солдат, которых он хотел спасти от верной, как ему казалось, гибели; Родине, которую он горячо любил, которая по его вине лишилась целой роты молодых и здоровых парней; своим лично родителям и горячо любимой жене, которая вот уже почти четыре года растит одна его дочь, дочь, которую он ни разу не видел и никогда не увидит, дочь, которая никогда не будет гордиться своим отцом. Перед родителями, женой и боевыми друзьями Чернову было очень стыдно. До слез было жалко погибших солдат – его подчиненных, которые очень его любили и уважали, с которыми он прошел огонь и воду, которых не раз спасал от смерти и был не раз спасен ими, с которыми делил последние патроны в бою и краюшку хлеба.

На суде выяснилось, что комбат, ругаясь с Черновым по рации, просто погорячился. Остыв после неприятного разговора, он немедленно отправил вертолеты на помощь воюющей роте.

Уничтожив огневые позиции "духов", "вертушки" поднялись на оптимальную высоту и полетели левее уничтоженных позиций. Пролетев над ущельем, в котором затихал злополучный бой роты капитана Чернова, летчики обнаружили трупы погибших солдат. При виде внезапно появившейся

авиации, душманы скрылись, не вступая в бой с вертолетами ("вертушки" только слегка потрепали их). Только поэтому Александр и шестнадцать тяжело раненых бойцов остались живы.

Комбат остался чист. За ним суд не признал никакой вины.

Чернову, все же, тоже повезло. Его боевые друзья, офицеры—сослуживцы написали сами в высшие судебные инстанции прошение о помиловании своего товарища.

Учитывая хорошую характеристику бывшего командира роты, его храбрость, героизм и мужество, проявленные на афганско-таджикской границе и, тем более, в самом Афганистане, боевые ранения и награды, суд изменил приговор: вместо высшей меры наказания – лишение свободы сроком пятнадцать лет с отбыванием в исправительной колонии усиленного режима.

Но бывший капитан с тех самых пор ненавидел жизнь.

Таня и родители Александра писали ему в лагерь теплые душевные письма и всячески старались поддержать морально и утешить. Но ни их письма Александру, ни письма Чернова им не доходили до места назначения.

В лагере в Красноярском крае бывший ротный, не имея никаких гражданских специальностей, многому научился, освоив несколько строительных специальностей.

Капитан Чернов весь свой срок отбывания на зоне сильно страдал в душе после случившейся трагедии. По ночам ему

часто снился родительский дом, мать, отчим, часто снилась Таня. Ветеран Афганистана понимал, что пятнадцать лет – слишком большой срок и она вряд ли дождетя его. Обижаться было глупо, но на душе у Чернова была сильная обида на жизнь.

А еще чаще Александру снилась война. По ночам во сне он ходил в атаку, командовал своей ротой, стрелял... Часто в бараке в ночное время раздавались его крики. Чернов мешал людям спать. Но все заключенные относились к нему с пониманием. В лагере его прозвали "Капитан". За срок, проведенный в неволе Чернов привык к своему прозвищу и даже когда вышел на свободу, предпочитал, что бы его звали именно так.

Но характер Капитана не изменили ни время, ни пережитое горе, ни перенесенные тяготы и лишения. Он, как был правдолюбом и борцом за справедливость, так им и остался. Однажды гордый и упрямый "афганец", не выдержав издевательств одного "вертухая", как следует его поколотил. За это Капитану добавили срок – три года и перевели с усиленного режима на строгий.

Просидев в лагерях восемнадцать лет, он в возрасте пятидесяти двух лет вышел на свободу.

Из Красноярска поезда ходили до Москвы. Там должна была жить его жена с дочерью. Но, считая, что она вряд ли его дождалась, Чернов не поехал в Москву, а, имея немного денег по освобождению, поехал на автобусе в Ростов к роди-

телям.

Он долго с наслаждением бродил по улицам родного и до боли знакомого города, в котором не был почти тридцать лет. Александр ностальгически вздыхал, останавливаясь возле каждой знакомой улицы, каждого знакомого дома, кинотеатра... Все здесь казалось каким-то чужим и далеким и, вместе с этим, родным и знакомым, от которого Капитан давно отвык. В городе очень многое изменилось, и бывший воин смотрел с удивлением на все эти изменения. Ходил медленно, то и дело погружаясь в воспоминания детства. Даже воздух родного города казался каким-то другим, каким-то особенным, каким-то непривычно свежим и до боли родным. Тоскуя по дому на войне и на зоне, он научился по-настоящему любить свой город, который раньше ему многим не нравился.

Насладившись прогулками, Капитан заторопился домой. Оказавшись в родном дворе, где прошло его детство и юность, он с наслаждением остановился. Двор тоже сильно изменился: деревья выросли до неузнаваемости, возле подъезда стояли автомобили – в основном иномарки, а рядом с трансформаторной будкой поставили теннисный стол. О детстве напоминала лишь знакомая тишина, да сам дом. Дойдя до своего подъезда, Капитан медленно присел на лавку. По щеке потекла скупая мужская слеза, затем – вторая, третья... глаза затуманило. Нервно чиркая по коробку, Чернов сломал две спички, прежде, чем прикурил сигарету и, глубоко заты-

нувшись горьким дымом, сам себе весело сказал:

– Не раскисать!

Покурив и немного успокоившись, он быстро вошел в подъезд и, поднявшись на второй этаж, резко позвонил в звонок двери своей квартиры. Сердце бешено колотилось. Но оказалось, что там давно жили другие люди. Выяснилось, что мать Александра умерла спустя год, после того, как Чернов попал в тюрьму. Старуха не перенесла горя, случившегося с единственным сыном. Отчим Капитана через несколько лет после смерти супруги женился на другой и проживал в Воронеже.

Капитан отправился туда. Нашел его сильно состарившимся и спившимся. Как быстро понял Александр, отчим в нем не нуждался. И Чернов не стал злоупотреблять его гостеприимством.

Он горько вздохнул и мрачно пошутил над своим незавидным положением:

– В лагере хоть крыша над головой была. Теперь я – вольная птица, только крылья не выросли.

Бывший заключенный пошел выпить пива в летнее кафе. На улице стояла жара. Легкий майский воздух приятно обдувал смуглое лицо Капитана. Александр посчитал оставшиеся деньги: на поездку в Москву хватало. Но у Тани скорее всего другой муж. "Афганец" мечтал увидеть свою дочь. Но как дальше жить? Что дальше делать? Надо было искать где-то жилье и работу.

– Здесь свободно?

Капитан обернулся. Перед ним стоял Олег.

Так бывший ротный оказался в бригаде на строительстве коттеджа. Показал он себя сразу с хорошей стороны, понравившись и рабочим и работодателям. Его профессиональные навыки были очень кстати, так как половина его новых товарищей годилась только в подсобники.

Капитан взялся за работу охотно, умело и с большим энтузиазмом, заряжая своей энергией других и подавая многим пример и, быстро поднявшись, стал неофициальным бригадиром (официальным был Олег). В бригаде он появился последним, так как, набрав десять человек, хозяева участка решили, что бригада набрана.

Остальные работники были людьми разными, но бригада была дружной и даже веселой. Трое мужиков возрастом примерно за пятьдесят лет были закадычными бомжами и имели по несколько судимостей. Они находились в розыске и решили спрятаться на этой работе. Звали их: Серега, Вова и Костя. Костя был родом из города Семилуки, Серега и Вова – из Борисоглебска.

Четвертый, Васька был весьма странным – трусливым, рассеянным и постоянно ноющим по малейшему поводу. Ему было тридцать семь лет отроду. Делать он ничего не умел и работал подсобником, но тот, к кому он в подсобники попадал, никогда не был этому рад. Васька всем быстро надоел своим нытьем. Он был родом из поселка Анна. Женат нико-

гда не был. Родителям надоел своими пьянками, и родная мать дала ему тысячу рублей, при условии, что он выпишется добровольно из квартиры. Так Васька стал бомжем.

Пятого работника звали Дима. Был он родом из города Калач. Диме был тридцать один год, и он не умел даже читать. Как он стал бомжем Вадим, так и не понял, но ему было искренне жаль этого добродушного и простого парня, который охотно трудился, не покладая рук. Дима с раннего детства был сиротой. Почему он не попал в интернат было непонятно, но еще в первом классе он четыре раза оставался на второй год, потом бросил школу. Какой-то знакомый помог ему с документами, и Дима получал пенсию по несуществующей инвалидности. Его друзья знали, какого числа он получал пенсию и в этот день поджидали его возле банка в надежде выпить на халяву. На эту работу он пришел устраиваться сам, сказав, что ему надоело пьянство вместе с друзьями, которые тянули из него деньги.

Шестым рабочим был психически больной Алексей. Родом он был из Москвы. Его отец – алкоголик и забияка не давал ему житья, и сорокадвухлетний мужчина был вынужден бомжевать, или искать работу с жильем, так как со своим отцом он не мог находиться в одной квартире. Алексей страдал бессонницей. Засыпал обычно только под утро почти перед самым подъемом и не выспавшись шел на работу. Так он мучился почти каждый день. Так же, как и Васька, работать он не умел, правда не ныл и все же старался. Он постоянно все

путал и забывал, и был очень медлительным. Путешествуя из Москвы в Крым на перекладных электричках, он по своей рассеянности в Ростове перепутал электричку дальнего следования, и, заснув в ней, проснулся в воронежской области. Там его и нашел Олег.

Вадим, Васька, Алексей и Дед были подсобниками. Строительных специальностей они не имели. Изгнанник был самый молодой в бригаде по возрасту и из подсобников – самый толковый, самый сообразительный, самый расторопный и наиболее способный к труду.

Васька и Алексей работали через пень колоду, но все же под жестким напором Олега, любившего, когда он не был в отъезде, стоять "над душой", они выбивались из сил и, в конце концов, доводили начатое до конца.

Хозяева были недовольны работой Васьки, Алексея и Деда, но Олег уговорил их оставить этих рабочих, так как по сравнению с такими работниками, которые приходили для того, чтобы поесть, попить, помыться и выкопать за день две-три ямы, норовя при этом прихватить все, что плохо лежит, да еще обругать условия жилья и труда (среди бомжей таких было немало), эти неуклюжие, слабые и ни к чему не приспособленные люди были лучшие.

Дед же был персонажем до нельзя странным, загадочным и непонятным. Звали его Максим Витальевич Ершов. Родом он был откуда-то с Урала. Как он оказался в воронежской области, никто не знал. С собой Максим Витальевич привез

целый баул, огромный рюкзак и большую сумку битком набитые всевозможным барахлом. Складывалось впечатление, что Дед, разведясь с женой, забрал все свои вещи и, не имея жилья, отправился, куда глаза глядят. Возможно, так оно и было. Старик был гордым, упрямым и туповатым. Впрочем, стариком он не был. Возраст Деда не перевалил и за пятьдесят шесть лет. Максим Витальевич был совсем немногим старше Капитана, Сереги, Вовы и Кости, но благодаря своим совершенно седым усам, совершенно седой бородке и совершенно седым волосам выглядел гораздо старше своих лет. Ростом он был чуть ниже среднего. Закончив в молодости театральное училище, Дед всю жизнь работал в театре актером.

– Ершов Максим Витальевич, бывший актер – начал представляться Дед, когда привезенный Олегом на стройку, он положил свои пожитки в доме-сарай и пошел знакомиться с коллективом.

– Посторонись, Дед! – крикнул Серега, несший вместе с Костей на плечах трехметровый столб для очередной ямы, строящегося забора.

Максим Витальевич посторонился. На "Деда" он несколько не обиделся, но прозвище "Дед" так сходу к нему и прилипло.

Появившись на стройке у Рашида накануне девятого мая, Дед отличился на празднике. Напившись как следует самогона, он долго говорил всем присутствующим свои длинные

поздравления с Днем Победы, а затем, рассказав пару-тройку пошлых анекдотов, начал плясать, петь похабные частушки и песни современных эстрадных певцов, которые он сам переделал на свой манер, обязательно вставив в куплеты пошлятину. При этом всем Максим Витальевич был православным христианином.

– Дед, ты же верующий!?! – сказал ему Борода.

– Грешен – ответил Дед с такой блаженной улыбкой, что окружающие все до единого улыбнулись.

Больше к нему с этим вопросом не обращались, приняв его таким, какой он есть.

Хозяева участка полюбили Ершова и, каждый раз, устраивая свои семейные пьянки или обкурки (семейство Рашида частенько покуривало "травку"), они обязательно звали "Артиста", чтобы послушать бесплатный концерт.

Восьмым рабочим был погорелец Слава, по прозвищу "Борода". Он был высокого роста и немного полноват. Голову Славы украшала огромная на полголовы плешь, которая в сочетании с большими выпуклыми голубыми глазами и длинной до пояса, чуть с сединой бородой придавали работяге немного комичный вид. Бороде было сорок семь лет. Родом он был из города Боброва. Слава был весельчаком – любимцем и душой компании. По профессии он был каменщиком–печником.

Девятым рабочим был Капитан, десятым – Вадим.

Глава 4

За месяц работы бригада строителей построила сарай для себя, два туалета (один для хозяев возле хозяйского дома, второй для себя возле своего дома-сарая), просторный вольер для волкодава, вскоре привезенного хозяевами и небольшой домик-сторожку для Олега возле ворот рядом с вольером и хозяйским туалетом. Началось строительство временного забора.

Работой руководил Олег, когда не был в отъезде. Он был очень придирчив, особенно когда ему строили сторожку. Олег ходил по участку, задрав голову и выпятив колесом грудь с таким видом, как будто он был по меньшей мере начальником строительного управления. Рабочие быстро поняли, что это за тип и дружно его невзлюбили. Но "начальник" этого не понимал. Он по всей видимости считал, что наоборот – его слушаются, боятся, а значит – уважают. Считался он только с Рашидом и его семейством. Спорить с этим самоуверенным глупцом осмеливался разве что Капитан, который в строительстве понимал гораздо больше Олега. Красноперый, как быстро его прозвали остроумные зеки, выдавал рабочим продукты и те возле сарая на костре сами готовили себе завтрак, обед и ужин.

Ежедневно на стройку приезжали грузовые машины и привозили стройматериал. КамАЗы сваливали на участке большие горы песка и щебенки. Приходили фуры с прицепами. Из них строители выгружали кирпичи и пеноблоки. Так

прошел месяц.

Таская кирпичи, тяжелые мешки с цементом и прочий стройматериал, Вадим каждый день проклинал свою жену и ее любовника и постоянно в унынии жалел, что так и не смог им отомстить. За месяц он понемногу привык к своему новому жилью, хотя и чувствовал себя "белой вороной" среди совершенно не его круга, чуждых по духу и интересам людей. Впрочем, отношения у него с ними были нормальные. И хотя изгнанник никогда даже не мечтал вести такой образ жизни, все же это было лучше, чем ночевать в холодном, провонявшем мусором и мочой подъезде. Вадим с ужасом вспоминал те полтора месяца, прожитые им без крова, весь свой страх, ужас и отчаяние, бесконечные похмельные муки. Он продолжал любить Оксанку, мысленно общаясь с ней и вспоминая, как дружно и счастливо они жили вместе, до тех пор, пока в ее жизни не появился Сергей. По вечерам, уставший после тяжелого трудового дня, изгнанник долго не мог заснуть, вспоминая то родной Мурманск, то Москву и оставленную там жену, и квартиру. Вадим ворочался с боку на бок, но это не помогало прогнать терзающую душу тоску и глубочайшую мучительную обиду. И все же, находясь среди таких же, как и он сам, побитых жизнью бедолаг, горемыка—изгнанник понимал, что он не так одинок в своем горе, здесь его мало-мальски понимают терпящие с ним одну нужду люди, судьбы которых у некоторых из них были пострашнее и намного трагичнее его, Вадимовой судьбы. Из-

гнанника глубоко тронула печальная судьба Капитана, к которому он, как, впрочем, и вся бригада относился с большим уважением.

Капитан, появившись в бригаде, сразу проявил инициативу сварить из железных листов шкаф для газовых баллонов, объяснив, какую это даст безопасность в случае взрыва – железные листы расплавятся, в то время, как деревянный или кирпичный чулан разлетится вдребезги, не исключая возможности нанести взрывом сильный ущерб для всех построек, а также жизни и здоровья людей.

Хозяева одобрили предложение нового работника. Александр справился с работой за один день и теперь газовые баллоны стояли в железном чулане, радуя Рашида и его сородичей.

Капитан часто горько вздыхал, думая о своей безвозвратно прожитой жизни, о матери, чью могилу он с большим трудом отыскал на Ростовском кладбище, о Тане с дочкой Наташей, чьи фотографии старые, пожелтевшие и помятые он пронес с собой через всю свою тяжелую и разбитую жизнь.

Капитан отлично разбирался в строительстве, часто давал дельные советы и рабочим в своей бригаде и хозяевам участка и даже самоуверенный Олег часто попадал в впросак, как следует поставленный на место Капитаном. Когда Александр появился в бригаде, его новые коллеги уже принялись за строительство забора. Бывший боевой офицер приступил к работе с таким энтузиазмом, что само строительство пошло

в два раза быстрее. С Капитаном было легко и приятно общаться. Он словно заряжал окружающих своей энергией, все словно кипело в его руках. Вдобавок Александр всегда шутил, всегда всем помогал и всех поддерживал.

Прошел еще месяц. Закончилось строительство забора. Рашид нанял экскаватор и вскоре были вырыты ямы под фундамент для гаража и для коттеджа. Все земляные работы надо было сделать за лето, а кроме гаража планировалось еще строить большой дровник, овчарню, курятник и отдельную от коттеджа кухню, которая должна была соединяться с коттеджем небольшим коридором. Ямы под фундамент для этих сооружений должны были рыть рабочие. Вовсю кипело строительство гаража.

Зарплату за свой труд ни один работник не получил. Это объяснялось тем, что по расценкам за выполненную работу (дом-сарай и туалет для рабочих – не в счет, так как они строили их для себя) зарплата должна быть невелика. Вдобавок, с бригады вычитывалось питание, спиртное и сигареты. Азербайджанцы со строительством торопили. В жаркие июньские дни бригада обливалась потом, мешая раствор, таская мешки с цементом, доски и прочий стройматериал. Рассветало рано. Олег гнал на работу в пять утра. Заканчивался рабочий день около двадцати трех часов. За день рабочих кормили три раза и один час был выделен на отдых после обеда.

Капитан и Борода были мастерами своего дела. Благодаря их усилиям и помощи подсобников: Вадима, Васьки, Деда и

Алексея гараж строился быстро. Четверо остальных работников в это время строили дровник, овчарню и курятник.

Прошел еще месяц. Условия жизни рабочих постепенно изменились. Сигареты стали выдавать пачку на два дня, потом пачку на три дня. Питание становилось все хуже и хуже. Работать эксплуататоры заставляли не меньше. Своих рабочих они просили немного подождать с зарплатой. Причина невыплаты выглядела такой туманной, что было совсем непонятно, что происходит на самом деле. По словам Рашида – у него были какие-то задолженности за налоги. Ситуация напоминала девяностые годы, когда рабочие не получали зарплату по нескольку месяцев и продолжали работать.

– Да что вы пэрэживаетэ! – говорил Рашид – Крыша над головой ест, обуты, одэты, накормлэны, а дэнги – чэм большэ нэ получите, тэм большэ накопитэ.

В этом он был прав. К тому же хозяева выглядели весьма добродушно, сам рабочий коллектив был достаточно дружным и единственным неприятным человеком на всем участке был Олег, да и то он часто уезжал куда-нибудь на своей "пятерке" и надоедал лишь тогда, когда стоял "над душой", выдавал продукты, учил работать и проверял сделанную работу.

– В семье не без уroda – говорили про него рабочие.

С невыплатой зарплаты они смирились, уповая на честность и порядочность своих работодателей.

Бригаду выручала пенсия Димы. Раз в месяц Олег возил

его до сбербанка и назад. Дима не был жадным. На всю пенсию он покупал своим товарищам сигарет (не курил только Дед), а на остальные деньги – водку, сахар, заварку и какой-нибудь колбасы или сосисок.

Для его друзей пенсия Димы была праздником. Азербайджанцы кормили своих рабочих самыми дешевыми продуктами. Алкоголь больше не давали даже по праздникам, а мясные блюда бедным работникам могли только во сне присниться. Пенсия Димы для жадных уроженцев Закавказья была очень кстати. Им не приходилось больше тратить деньги на сигареты для своих рабочих.

Правда, сами работодатели курили "Кэмел", "Парламент", "Мальборо", регулярно пили коньяк. Это вызывало возмущение у их наемников, но возмущались они тихо, вполголося – хозяева обещали в ближайшее время заплатить хотя бы часть зарплаты. Так прошло лето.

Обещанных денег не было. Давно были построены и гараж, и дровник, и овчарня, и курятник. Электрик Вова провел в новых постройках электричество при помощи подсобника Вадима. Шустрый и расторопный Серега ежедневно бойко колол дрова, а медлительные и неуклюжие Алексей и Васька лениво укладывали их в новый дровник. Делались запасы дров на зиму. Борода и Дед заложили фундамент для трех печек, а Капитан с остальными работниками сварили арматурные сети и сделали опаловки под фундамент коттеджа. Частично фундамент был залит. Регулярно на стройку

привозился стройматериал – всегда вовремя без задержек, обычно происходящих на любых строительных объектах.

В разгар бабьего лета внезапно пропал Максуд. Вскоре стало известно, что его за что-то посадили в тюрьму. Через два месяца он вышел на свободу.

Сомнения в бедности Рашидова семейства и честности хозяев у бригады было все больше и больше. За пять месяцев труда им только два раза давали небольшие авансы. Рабочие не разбегались. Их держала накопившаяся сумма денег, которую задолжал им Рашид.

Автомобили хозяев давно стояли в гараже. Все, кроме "пятерки". Она стояла между гаражом и Олеговой сторожкой. Вскоре появилась еще одна машина. Меджит купил себе Джип. Спустя неделю после этого на участок привезли тридцать кур, а еще через несколько дней появилось небольшое стадо коз и баранов – двадцать голов. Олег теперь был в разъездах меньше. Он занимался курами, скотом и пас недалеко от участка баранов.

Наглость работодателей была очевидна. Терпению бригады наступил конец. Капитан собрал работников и вышел к хозяевам.

– Объясни, Рашид – начал он спокойным голосом заранее подготовленную речь – ты говоришь, что у тебя проблемы какие-то, денег нет, а сам и материал регулярно привозишь, машину купил, кур, баранов завел. На все это у тебя есть деньги, а как зарплату платить – так денег нет?

Среди белого дня напротив друг друга стояла бригада рабочих и семейство Рашида. У последних были на лицах наглые улыбки. Некоторые скрестили руки на груди.

Рашид посмотрел на Капитана, как смотрит высшее существо на маленького глупенького человечка и, сдержанно рассмеявшись, спросил:

– И чэго же ты хочэш?

– Справедливости – твердо ответил Александр, глядя в упор на своего хозяина.

С минуту у азербайджанцев царило дружное веселье. Рашид и его братья хохотали, глядя на Капитана, как на идиота.

– А гдэ ты эе видэл? – спросил Рашид сквозь смех, когда он и его сородичи немного утомонились.

– Что ты хочешэ этим сказать? – не понял Капитан.

– Скажи – чуть подумав, ответил Рашид – справэдливо, что такие как вы пьют, воруют, валяются в подвалах или под забором, разносят заразу на окружающих людэй? Вы русские развалили свою страну, все продаетэ и пропиваетэ, сэбя нэ цэнитэ, ничего для своэго блага дэлать нэ хотитэ. А умныэ всэгда жили за счет дураков. Вы нэ почитаэтэ своих прэдков, позволяете своим женам помыкать вами. Вы нэ народ, вы сброд дураков. Мы сдэлали для вас доброе дэло. Мы собрали вас, дали вам жильэ и работу, мы изолировали вас от общэства, спасли от голодной смэрти. Вы должны нас за это благодарит. Мы все равно здэсь – Рашид показал пальцем

вокруг, словно давая понять, что здесь – это в России – будэм хозяевами, а вы – рабами. Вам большэ ничэго нэ осталось. Вы вэдэ сдэсь давно нэ люди, вы – рабы. Вы даже нэ умеетэ стоять друг за друга. Ваши бабы – шлюхи. Они в тринадцать лэт уже абортэ дэлают. Они трахаются с чэчэнцами, которые вашим солдатам бошки рэжут. Ваш народ обрэчен на то, чтобы подохнуть от пьянства, наркотиков, убивая миллионы дэтэй абортами. Вы все равно всэ рано или поздно, или всэ сдохнитэ, или станэтэ рабами. Вот мы, айзэрбайджанцы – мы всэ братья дрюг дрюгу. Каждый чэлавэк нашэй нации – наш брат. И мы никому своих в абиду нэ даем. А ваша молодежь нэ хочэт служить в армии, потому что там дэдовщина. Потому что вы, русские нэ уважаэтэ дрюг дрюга. И дэлать вас рабами – это справэдливо. Наши жэнщины замуж дэвственницами выходят, а ваши сначала по дэсят абортэ дэлают. Ваши дэти рождаются больными, а наши – здоровыми. Вы уйдэтэ, но подумайтэ, куда вы пойдэтэ. Сэйчас осэнь, скоро зима. Вы будэтэ жрать с помоек то, что даже свиньи нэ едят, вы будитэ ходить по улицам всэми прэзираемые и цэль вашего существования будэт одна – найти водки и, как свиньи, нажраться. Уж лучшэ быть свиньей, чэм рабом в нормальных условиях?

Речь Рашида была очень красноречива. Говорил он пламенно и при этом смотрел на бунтарей снисходительно, добрыми глазами.

– А мы лучше под забором сдохнем, чем станем вашими

рабами! – гордо ответил за всех Капитан.

Однако вся бригада стояла молча. Все до единого опустили глаза в землю.

– Плати деньги, Рашид, и мы уходим – продолжал Капитан, однако он уже и сам понимал, что никто из друзей его не поддержит – все молча трусили.

– Зачѐм вам дѐнги? – Рашид приподнял брови, изображая искреннее удивление – вы их все равно пропѐете.

Только теперь рабочие поняли, в какой ситуации они оказались. Уйти не так просто. Двухметровый забор вокруг участка был ими же построен и обнесен колючей проволокой.

Рабы снова взялись за работу. Но теперь она шла значительно медленнее обычного. В бригаде был сильный упадок настроения. Капитан был злой и молчаливый. Со своими коллегами он почти не разговаривал, не шутил и смотрел на них с открытым упреком. Те молча опускали глаза.

Зато хозяева были довольны. Они не скрывали своего злорадства. Теперь работа бомжей проходила под их строгим контролем. Хозяева положения то и дело покрикивали на своих жертв, заставляя их работать быстрее.

Правда, за ужином невольников ждал приятный сюрприз. Рашид со своими братьями решили продемонстрировать свою доброту. Рабам к гречневой каше была пожертвована курица. Дед, который обычно готовил пищу (это у него получалось лучше, чем работать), собственноручно ее очи-

пал и сварил. Бомжи с удовольствием ели с гречкой куриный бульон с кусками куриного мяса. Это было впервые за долгое время.

Вадим пытался вспомнить, когда он последний раз ел курицу. Выходило, что прошлой зимой. С тех пор прошло месяцев девять. Он тогда еще жил дома в Москве. От этих мыслей снова вонзились в душу воспоминания о жене и доме. Изгнанник еще раз мысленно обругал самыми последними словами свою супругу и ее любовника. Теперь став рабом, находясь на значительном расстоянии от Москвы, он с особой ненавистью проклинал виновников своего горя.

Когда рабочий день был закончен, бригада невольников готовилась ко сну в своем доме–сарая. Внезапно открылась дверь и на пороге появился Олег.

– Это вам от Рашида – сказал он и поставил на настил две литровые бутылки водки. Туда же он положил батон черного хлеба.

– Из дома не выходите – предупредил он, выходя – теперь по ночам по участку будет ходить Черныш без поводка.

– А как же в туалет ходить? – заволновался Васька. У него были застужены почки и в туалет он ходил каждые полчаса, вызывая этим постоянные подкалывания коллег.

Олег вышел, закрыв за собой дверь. Через пару минут он вернулся, неся с собой ведро.

– Вот вам горшок – буркнул он надменно и, развернувшись, вышел из сарая.

– Да уж! – проворчал Васька, закрывая за ним дверь.

В одноразовый пластмассовый стакан наливали водку и пускали его по кругу.

– Что теперь делать-то будем? – спросил Костя.

– А что тут сделаешь?! – спокойно и в то же время обреченно ответил Серега – везде мы были рабами, рабами и будем.

– Что на зоне, что здесь – рабы – добавил Вова.

– На зоне работать не надо – заметил Дима – сейчас там работы почти нет.

– Да где это видано – белые рабы у черных! – пошутил Борода, сквозь горечь в голосе выдавив из себя смешок.

– Да уж! Ничего не скажешь – проныл Васька – и сбежать не сбежишь – или пристрелят или собака загрызет. И торчи тут, пока не сдохнешь. От одной работы с ума можно сойти.

В бригаде невольно раздался смешок. В то время, как другие таскали мешки, мешали раствор и выполняли другую тяжелую работу, Ваське доставалось красить забор, сарай, дровник, укладывать дрова или принести-подать. При этом он, все равно, постоянно ныл и жаловался, что ему тяжело.

– Тебе то что жаловаться? – сострил Борода – Горшок вон какой подарили! Работать не умеешь, зато ссышь за десятых.

Шутка немного подняла всем настроение.

– Неужели совсем теперь ничего нельзя сделать? – задумчиво спросил Вадим.

Он был наивен и по своей наивности лелеял надежды.

– Смиряться надо – вдруг неожиданно подал голос Дед – раз Бог послал такое испытание, значит такова Его воля.

– Вот сам и смирайся! – разозлился Алексей – Особенно, когда собаку натравят!

Молчал только Капитан. Он продолжал дуться на своих трусивших друзей. Все ждали его слова, но Александр продолжал молчать, иногда горько вздыхая. Было видно, что он не просто не в духе, а о чем-то тяжелом глубоко сосредоточено думает.

Первая бутылка была выпита. Открыли вторую.

– Я вот что думаю – заговорил Серега, наливая водку в стакан – Рашид правильно сказал – бежать нам сейчас не сезон. Уже осень, впереди зима, для нас, бомжей самое тяжелое время. Надо здесь перезимовать в тепле, сытости более-менее. Димка вон пенсию получает – сигареты будут.

Он вопросительно посмотрел на Диму. Тот обещающе закивал головой.

– А весной видно будет – продолжил Серега – как удастся, так и сбежим.

– Капитан, а ты чего скажешь? – спросил Алексей.

– Санек, хватит дуться, ну дураки мы, трусы – добавил Серега, протягивая Капитану стакан с водкой.

В сарае повисла тишина. Все молча ждали, что скажет их лидер.

Капитан молча взял протянутый ему стакан, медленно вы-

пил, закусил корочкой хлеба и только после этого ответил:

– Ничего не скажу. Россию жалко! – Он горько вздохнул.

Все невольно рассмеялись. Бывший боевой офицер был истинным патриотом. Искренне веря в справедливость, он не мог равнодушно слышать и видеть то, что происходит в стране. Любые разговоры об этом он воспринимал очень болезненно и каждый раз, горько вздыхая, говорил – Россию жалко. Эта фраза вырывалась из его уст настолько часто, что теперь, когда от Александра вся бригада ждала комментария на столь серьезное событие, его фраза – "Россию жалко" невольно вызвала смех у его товарищей.

– Что ты все заладил, Россию жалко, Россию жалко! – разозлился Борода – Мы о том говорим, что нам дальше делать, бежать или дальше тут жить.

– А где вы были, когда я Рашиду сказал, что мы не будем работать? – Капитан резко вспылил и, встав с настила, продолжил – Все до единого в штаны наложили! Вот и живите теперь, белые рабы у черных господ!

– А что мы могли сделать?! – начал оправдываться Васька – Я, например, не хочу, чтобы в меня из пистолета пальнули.

– Вот и ссы теперь, тебе целое ведро дали – Капитан говорил твердо, со злостью и все поняли, что тонкость его фразы касается всех, и все промолчали.

– Прав Рашид, абсолютно прав во всем! – продолжал Капитан. Речь его была напористой, произносимая бурно с праведным гневом – Превратились русские люди в быдло –

должны быть рабами. И по-другому никак.

В эту ночь Вадим долго не мог заснуть.

– До чего же я несчастный! – думал он – Что за полоса в жизни такая? Жены лишен, жилья лишен, работу нашел – и то рабство! Заставить бы каждого человека пострадать так, как он заставляет других страдать.

Изгнанник невольно улыбнулся, представив Оксанку, таскающую тяжелые мешки с цементом в рабстве у Рашида. Это представление немного развеселило его. Рядом сопел беззаботно спавший Дед. В углу у самой двери ворочался Васька. Справа и слева от Вадима периодически раздавались вздохи, кто-то ворочался с боку на бок. Многие не могли уснуть.

– А все-таки в горе тяжелее оставаться одному – подумал Вадим, вспоминая с ужасом те полтора месяца, проведенные на улице – ладно, рабство, так рабство. Все равно терять нечего.

Глава 5

Прошла неделя. День стал короче и рабы выходили на работу на час позже. Шла середина октября. Давно опавшие желтые листья разметал еще не холодный осенний ветер. Листьев не было разве что на участке Рашида. Окруженный двухметровым забором он был без деревьев. Бабье лето еще не закончилось, и затянувшаяся теплая пора приятно источала легкий теплый ветерочек.

Вадим проснулся немного раньше положенного времени

по привычке вставать в пять вместо шести утра и целый час лежал на настиле, предаваясь своим невеселым воспоминаниям. Вспоминалась Оксанка со своими бесконечными ссорами и издевательствами.

– Ты себя с Сергеем, вообще, даже не равняй – Оксанка выпятила грудь и была, как иронично подметил ее муж, похожа на собаку, защищающую хозяина. – Сергей – сильная состоявшаяся личность. Он, вообще, приехал в Москву таким же, как мы. А теперь он – авторитет. У него, вообще, есть деньги, связи, машина, коттедж, семья. Он может все, вообще. Он живет красиво, а ты, вообще, можешь только водку пить и смотреть телевизор. Ты, вообще, работу третий месяц не можешь найти.

– Сергей твой – бандит, а я – нормальный человек – ответил обиженно изгнанник.

– В наше время нормальный человек – это тот, у которого есть деньги, а у кого их нет – вообще, жалкое существо. Ты посмотри на эти обои, на этот потолок. Ты даже ремонт, вообще, в своей квартире не можешь сделать, нормальный человек! – она насмешливо усмехнулась – Хочешь, я попрошу Сергея, он нам ремонт сделает?

– Нет, не хочу.

– А ты еще год этого не сделаешь. Ты же честный, вообще, жил на свою зарплату, а теперь, вообще, у меня на шее сидишь, нормальный человек. Хочешь, я поговорю с Сергеем, он тебя в свою бригаду возьмет, а, Вадик?

– Отстань от меня со своими бандитами – терпению Вадима наступал конец.

– Ну и сиди себе, смотри свой телевизор – Оксанка развернулась и пошла на кухню, но в коридоре обернулась – Да смотри квартиру не пропей, а то бомжем станешь. Хочешь, быть бомжем, а Вадик?

– Слушай, заткнись, а! Надоела уже – разозлился Вадим. Он вскочил с дивана и с гневом захлопнул дверь в комнату.

Оксанка каждый раз сравнивала его со своим любовником и унижала мужа, как только могла. Полгода назад она познакомилась где-то со своим бандитом и поначалу поздно приходила домой. Говорила, что задержалась на работе. Потом стала пропадать на выходные и каждый раз придумывала разные истории. Правда, спустя время, это прекратилось, но Оксанка была чем-то сильно обеспокоенная. Она сильно изменилась: стала раздражительной, веселая и общительная она часто молчала и все время, о чем-то думала. На вопросы Вадима отвечала неохотно и часто невпопад. А вскоре все прояснилось. В один вечер, когда Вадим сидел за кухонным столом, курил и разгадывал кроссворды, раздался телефонный звонок. Чей-то мужской голос попросил к телефону его жену. Оксанка взяла трубку, и тут же вся просияла. Лицо ее заметно повеселело, а глаза сверкали и сияли таким счастьем, какого ее муж не видел, пожалуй, никогда.

Вадим ошеломленно уставился на жену. Казалось, Оксанка была готова от счастья подпрыгнуть до потолка. Она от-

вернулась от своего супруга и молча держала в руке телефонную трубку, а когда, наконец, ее положила, веселая и счастливая она прошла мимо него, не глядя в его сторону и усе-лась в комнате на диван, где до звонка смотрела по телеви-зору какой-то сериал.

– Да начальник звонил, из отпуска вернулся – пряча глаза, ответила она на вопросы мужа – Успокойся, что ты такой нервный?!

Оксанка была упрямой и добиться, что бы она рассказала правду было нелегко. Она сидела на диване перед телевизором в розовом домашнем халате, но было видно, что думает она о чем-то другом, а сериал ее больше не интересует.

На следующий день была суббота. В выходной Вадим, как и любой человек любил поспать подольше. Когда он около одиннадцати часов утра открыл глаза, Оксанки уже не было дома.

На кухне на столе лежала записка:

«Уехала к подружке на дачу. Буду вечером в воскресенье. Оксана.»

Вадим был ошеломлен. Вмиг испортилось настроение. Предстояло целых два дня сидеть дома одному. Он угрюмо приготовил яичницу и, затем так же угрюмо ее съел. Мысли в голове были только о жене. То, что его законная супру-га обзавелась любовником сомнений больше не было. И как теперь быть? Как им жить дальше, разводиться? Вадим пре-красно понимал, что любит ее слишком сильно. Оксанка бы-

ла очень красивая – блондинка с большими голубыми глазами, тонкой талией и длинными стройными ногами. Вадим был простым парнем и очень гордился тем, что его жена – девушка фотомодельной внешности.

И его мучил вопрос – чем все это кончится? В этот день несчастный муж напился водки. На следующий день, похмеляясь он перебрал лишнего, а вечером, когда жизнерадостная и счастливая явилась домой Оксанка, устроил скандал.

Изменница во всем призналась, но с этого рокового дня их отношения с мужем сильно испортились. Она перестала таиться. Исчезая на выходные или придя с работы намного позже, она больше не выдумывала небылицы, но при этом никакой неловкости, никакого смущения или стыда она не испытывала. И даже наоборот она всячески норовила его задеть, заставить ревновать и, легко достигая желаемого, получала от этого огромное наслаждение. Скандалы дома теперь случались регулярно.

Вадим стал все чаще прикладываться к бутылке, словно видел в этом единственный выход из создавшегося положения. И без того необщительный, он окончательно замкнулся в себе. Москва, в которую он так рвался, стала его раздражать, и он часто вспоминал свой родной холодный и дождливый Мурманск.

После очередного скандала несчастный супруг поздно вечером сильно перебрал водки. На следующий день, проснувшись с сильного бодуна, Вадим не вышел на работу. На

работе с ним церемониться не стали, так как его постоянные опоздания и особенно физиономия, явно говорившая о сильной дозе спиртного, выпитого накануне, не делали чести менеджеру по продаже бытовой техники. Уволили по собственному желанию, чтобы не портить трудовую книжку. Искать новую работу было тяжело. Мешало постоянно испорченное настроение и пьянство.

Оксанка вскоре перестала готовить обед и ужин. Ограничивалась тем, что давала денег – сам и готовь, раз дома сидишь. Разводиться с мужем она не собиралась и такая жизнь, ее вполне устраивала.

Вадим родился в Мурманске. Там же прожил всю свою жизнь. В детстве его мать заставляла учиться в музыкальной школе играть на скрипке. Вадим был достаточно способным учеником, но учиться не хотел и, закончив музыкальную школу, скрипку бросил. За то он с детства мечтал стать моряком. Вадим с огромным нетерпением ждал, когда он закончит школу, чтобы поступить в мореходное училище. Учился он в нем охотно, был отличником, занимался рукопашным боем. Всю свою дальнейшую жизнь он хотел связать со службой морского офицера-пограничника. Но после гибели подводной лодки «Курск», видя подлость и цинизм власти, он изменил свое отношение к военной службе – ушел с третьего курса. В жизни не стало цели, жизнь потеряла смысл, в душе была пустота.

Незадолго до этого в Чечне погиб его лучший друг Коль-

ка, проходивший там по призыву военную службу. Стало известно, что он погиб по халатности командиров. В Чечню Колька поехал добровольцем и уже через месяц вернулся домой в цинковом гробу.

После этого всего Вадим начал выпивать. Сколько бы это продолжалось – неизвестно, но однажды он встретил Оксанку. Любовь к ней остепенила его и наполнила смыслом его жизнь.

Родители Вадима были в разводе. Отец жил в Москве, а мать в Мурманске вместе с Вадимом. Мать болела раком и умерла, оставив сыну двухкомнатную квартиру. Наследник стал жить в ней вместе с Оксанкой. Но спустя небольшое время, умер его отец и завещал ему квартиру в Москве. Вадим и Оксанка продали квартиру в Мурманске и переехали в Москву.

Работа менеджером по продаже бытовой технике ему не нравилась, но держала зарплата. В душе он ждал от жизни чего-то другого, но этого «чего-то» не находил.

После смерти родителей, гибели друга и оставленной военной карьеры Оксанка была единственной опорой и утешением в жизни Вадима. Он ее очень любил. Когда же она начала изменять ему с Сергеем, он пал духом, потеряв последнее, что у него было и начал сильно пить. И теперь, таким унижительным образом лишившись крова, он впал в страшнейшее отчаяние, на которое только способен человек.

Вадим не заметил, как снова заснул.

– Да, задолбал ты со своей Оксаной! – раздался веселый голос, спавшего рядом Капитана – Каждое утро у него – Оксана, Оксана!..

– Ваську тебе положим под бок вместо Оксаны – насмешничал Борода – и лапай его. Пойдешь, Васька, к Вадиму Оксаной?

– Да, пошел ты... – обиделся Васька.

Работники, просыпаясь весело хохотали.

Открылась дверь и на пороге появился Олег. Раздалась его команда:

– Подъем!

Изгнанник оделся быстрее других и вышел во двор.

– Алексей, поднимайся! – раздался в сарае голос Димы, который занимал на настиле место рядом с Алексеем.

– Да, да! – послышался сонный голос работника.

– Каждый день одна и та же история! – возмущенно проворчал Борода – Это "да, да" теперь будет еще час, если не больше.

Вся бригада стояла во дворе возле сарая. Рабочие умывались по очереди возле приделанного к домику рукомойника.

Вадим подошел к сараю, открыл дверь и раздраженно крикнул:

– Вставай ты, наконец, хватит дурака валять!

В ответ послышалось все тоже самое "да, да", каждый раз произносимое таким тоном, что окружающие давились от смеха. К Алексею они относились снисходительно, понимая,

что человек слегка тронут умом. По утрам он поднимался с большим трудом и на работу выходил на час позже остальных. Его ежедневное "да, да" ежедневно и смешило, и раздражало.

Через десять минут возле сарая оказался Олег. Не поздоровавшись ни с кем из рабочих, он молча оценил обстановку и, ничего не говоря, вошел в сарай.

Через несколько секунд из сарая вылетели вещи Алексея, затем с криком в одних трусах выбежал он сам.

В бригаде послышался смех, но вскоре он резко оборвался – возмущенному Алексею Олег бесцеремонно врезал кулаком прямо в скулу. Затем, распределив работу, Красноперый удалился.

Все-таки, как не старались хозяева продемонстрировать свое гуманное отношение к невольникам, эксплуатируемые чувствовали, что обстановка и отношение к ним сильно изменились в худшую сторону.

Работа проходила под надзором. На небольшом расстоянии от невольников всегда находился кто-нибудь из эксплуататоров. Олег приобрел травматический пистолет и теперь постоянно искал случая пустить в ход свое оружие. Постоянно слышались крики, оскорбления, угрозы. Рабовладельцы поторапливали своих рабов.

Больше всех страдали Дед, Алексей и Васька – самые слабые, медлительные и менее трудоспособные в бригаде люди. Нередко им отвешивали оплеухи, пинки, не говоря уже об

оскорблениях, которые эти люди слышали постоянно.

Была середина осени и по ночам уже было холодновато. Невольники топили свою нехитрую печь. Правда, Олег сильно ограничил им количество дров. Но камни, обложенные вокруг бочки, тепло держали неплохо.

По ночам Капитану периодически снилась война и он своими криками будил рабочих.

Ведро для справления нужды стояло возле двери, недалеко от того места, где на настиле спал Васька. Он очень часто вставал ночью по нужде. Производимый от этого шум мешал спать его друзьям, которые нередко высказывали остроумные реплики и возмущение по этому поводу. Утром Васька, как самый активный пользователь "туалета", по решению бригады, сам ежедневно выносил ведро из сарая. Однако, по ночам несчастным рабам приходилось дышать неприятным запахом, исходившим из ведра.

Находится в рабочем домике стало невозможно еще по одной причине. Сын Рашида Мухаммед, ради озорства бросил на печку (как раз между бочкой и камнями) пару тухлых яиц. Нагреваемое железо и камни согревали воздух в сарае, распространяя тепло вместе с вонюю.

Олег теперь выполнял обязанности надсмотрщика и ночного охранника и прозвища "Вертухай" и "Красноперый" в последнее время подходили ему более основательно. Вертухай стал более придирчив, более жесток и более требователен к своим подчиненным. Эта вседозволенность была ему

в радость.

Правда, рабы вели себя тихо, работать продолжали, не бунтовали и попыток к бегству не предпринимали.

Даже бунтарь Капитан вел себя спокойно. Работал, как и прежде, только с меньшим усердием. Он быстро простил своих друзей за их трусость, имея добрый и отходчивый характер. Однако, Капитан, не смотря на свою веселость и дружелюбие, все же, стал более задумчив и менее говорлив.

Как-то во время перекура Вадим сидел на бревне, погруженный в свои мысли. Он вспоминал свою жизнь до рабства и бомжевания.

Сильно выпивши, он после очередной ссоры с женой гулял один по февральским московским улицам. Как он оказался в метро и куда ехал не помнил. На Таганской он заблудился и долго стоял посередине метрополитена, пытаясь сообразить, где он находится. В итоге – оказался в дежурной комнате милиции. У Вадима с собой не было документов и его продержали три часа. Потом он спьяну нагрубил начальнику смены, после чего был доставлен в отделение. Вадима забрали в пятницу вечером и он, попав под выходные, просидел в "обезьяннике" три дня. Пришлось звонить домой Оксанке и просить, что бы она привезла документы.

Разозленная после ссоры, она ответила:

– Сам влип, сам и выбирайся! – но паспорт все же на следующее утро привезла.

В понедельник утром после суда, на котором вынесли при-

говор – штраф тридцать рублей, Вадим вернулся домой.

Поднявшись на лифте на девятый этаж, изгнанник вышел на лестничную площадку и нос к носу столкнулся с каким-то широкоплечим мужчиной лет сорока двух на вид. Рядом с ним стояла Оксанка.

– О, Вадик, привет! – как ни в чем не бывало сказала она – Сергей познакомься, это мой муж.

Они оба весело смотрели на опешившего Вадима.

– Ну-ну – Сергей скрестил руки на груди.

Его наглый и высокомерный взгляд буравил насквозь. – Хороший у тебя муж! Бить меня не будет? – насмешливо добавил он.

Пройдя мимо опешившего супруга, довольная и счастливая Оксанка взяла за руку своего любовника и потащила его в лифт. Двери лифта захлопнулись.

Все произошло так быстро, что бедный Вадим не успел опомниться. Оставшись один на лестничной площадке, он несколько минут стоял совершенно потерянный. Такого "сюрприза" он не ожидал.

Дома его ждал другой "сюрприз". Войдя в квартиру, Вадим не узнал её. В коридоре был побелен потолок и поклеены новые обои.

Неудачливый муж с минуту молча в недоумении смотрел на это "чудо", затем не раздеваясь прошел в комнату. В ней тоже был сделан ремонт: покрашено окно, подоконник и батарея, побелен потолок и поклеены новые обои. На потолке

висела красивая новая люстра.

На разобранной диван-кровати было застелено новое белье. Такого белья у них раньше с Оксанкой не было. Постель была помята. Между двумя подушками торчал черный с кружевами лифчик. Торчал так, словно его туда кто-то специально воткнул.

Таким оплеванным Вадим, наверное, не чувствовал себя никогда в жизни. Глядя на это новое постельное бельё с воткнутым между подушек лифчиком, на фоне дорогих обоев на стенах, несчастный муж почувствовал себя так, словно находился в совершенно чужой квартире, где всё чужое и это "всё" говорит ему: " Мы тебя не звали. Уходи, ты здесь лишний." Ремонт был сделан за два дня. Вадим же, прожив с Оксанкой в этой квартире чуть больше года, не смог, да и не смог бы в дальнейшем сделать и малой части ремонта, по сравнению с тем, которую сделал Сергей.

Вадим снова вышел в коридор.

– Чем всё это кончится? – подумал он – С каждым днём ситуация становится хуже и хуже.

В ванной и туалете на стенах была выложена плитка. Такая же плитка оказалась и на кухне. Там же были поклеены новые обои, покрашен потолок. На месте старого маленького холодильника стоял новый высокий двухкамерный.

– Это сколько же он денег не пожалел на всё это?! – подумал Вадим про Сергея. Сколько же он людей нанял, чтобы за два дня успеть всё это сделать?!

В раковине на кухне стояла гора невымытой посуды. Вадим разозлился – выходит, он ещё и посуду должен мыть за женой и её любовником.

Схватив гору тарелок из раковины, Вадим со всей силы грохнул их об пол. Затем, выломав дверцы нового холодильника, он начал крушить полки.

Вернувшись в комнату, он порвал в клочья постельное бельё, и, наконец, обессиленный, упав на диван, разразился долгими рыданиями.

Жить в своей собственной квартире было теперь невыносимо. Новые обои и новый потолок мозолили глаза, постоянно напоминая об унижении. И деться от этого было попросту некуда.

В этот день Вадим снова напился водки, имея в кошельке, благодаря своей жёнушке немного денег.

Явившись домой через четыре дня, Оксанка устроила скандал. Ей очень не понравилась реакция мужа на благотворительность её любовника.

– Зачем ты разломал холодильник? – орала она – сволочь неблагодарная! Вместо того, чтобы поблагодарить человека за сделанное добро, ты бьешь посуду, рвешь бельё, ломаешь холодильник! Ты в своем, вообще, уме? Ты ещё квартиру подожги!

– Я не просил твоего любовника, что бы он делал нам ремонт и покупал холодильник. Это моя квартира. Я здесь хозяин.

– Такая же твоя, как и моя. Я здесь тоже хозяйка. Я здесь прописана. И если ты не способен сделать ремонт сам, я нашла выход, и ты должен благодарить меня за это.

– Убиралась бы ты прочь отсюда к своему бандиту – Вадим раздражался всё больше и больше.

– Ты меня ещё и выгоняешь?! – Оксанка совсем вышла из себя – Да кто ты здесь, вообще, такой?! Да я, вообще, скажу Сергею, он тебя, вообще, из этой квартиры выгонит! Ну ты, Вадик, вообще, обнаглел!

«Вообще» было любимым Оксанкиным словечком. Когда же она волновалась и особенно, когда злилась, это слово постоянно вырывалось из ее уст.

– Ты вообще заткнись, шлюха и, вообще, пошла вон отсюда, чтобы я тебя, вообще, больше здесь никогда не видел – ответил Вадим, делая ударение на слове "вообще".

– Ну ты вообще! – Оксанка выпучила глаза, смотря в упор на мужа, словно была сильно удивлена такой, по её мнению, неслыханной наглостью – Ты еще ударь меня, слышишь, ударь, избежь свою жену!

Имея своим любовником бандита, она чувствовала себя всемогущей, и теперь явно провоцировала Вадима на поступок, за который ему пришлось бы горько расплачиваться. Зная его характер и его слабые стороны, Оксанка задевала мужа за живое. Не сдержавшись после очередного оскорбления, он врезал ей пощечину.

– Ах! – Оксанка прижалась ладонью к щеке.

На несколько секунд наступила тишина. Выпученными глазами супруга смотрела на своего мужа.

– Как, ты меня ударил?! Меня слабую беззащитную женщину?! Да, какой ты мужик после этого?!

С этими словами она накинулась на Вадима, и с гневом начала молотить его по лицу ладонями. На это Вадим ударил её по лицу кулаком. Оксанка взвыла и, присев на корточки, молча заплакала. Через минуту она так же молча оделась и вышла вон из квартиры.

Походив по комнате из угла в угол, Вадим сел на диван. О том, что произойдет дальше он старался не думать. Несчастный муж включил телевизор. Он щелкал пульт с программы на программу, пытаясь отключиться и успокоиться.

На следующий день его разбудил телефонный звонок. В трубке молчали. Вадим раздраженно выругался и, вернувшись в комнату, снова лег спать. Но заснуть больше не получилось. Поворочавшись с полчаса с боку на бок, он поднялся и пошел на кухню.

На завтрак был только чай и кусок белого хлеба. Хранить продукты было негде, так как холодильник был сломан. Вадиму каждый день приходилось ходить в магазин и покупать что-нибудь поесть.

– Да, щедрый любовник у этой шлюхи! – усмехнулся он, глядя в кошелек. В нём лежало ещё почти двести рублей.

Но в магазин идти не хотелось. Вадима мучило дурное предчувствие. Мало того, он был уверен, что сегодня про-

изойдет что-то очень нехорошее. И как он не старался, избавиться от этого предчувствия не мог.

Часа через полтора Вадим по своему обыкновению курил в окно. К подъезду его дома подъехала BMW черного цвета с затемненными стеклами. Он с интересом посмотрел на машину – такой в их доме ни у кого не было.

И тут раздался телефонный звонок. Вадим выбежал в коридор и взял телефонную трубку:

– Алло!

В трубке опять молчали.

От дурного предчувствия у него защемило сердце. А еще через минуту раздался длинный и требовательный звонок в дверь.

На пороге стоял Сергей. Он бесцеремонно вошел в квартиру.

– Значит так – начал он без всяких церемоний – Ты сейчас берешь свои документы, документы на хату и едешь со мной. Или есть другой вариант. – Он вытащил пистолет и показал его Вадиму. – Вопросы есть?

Вадим промолчал.

– Вопросов нет.

В машине их ждали ещё два бандита – Кабан и длиннорукий

Все остальное произошло в течении недели. Вадим по собственному желанию выписался из квартиры, оставив свою жену единственной и полноправной хозяйкой. Деньги

Сергея делали свое дело. Он не жалел их, подкупая нотариуса и работников ЖЭКа.

Настроение снова стало мрачным.

– Теперь еще это рабство! – с горечью подумал Вадим – И за что мне все это!?

К изгнаннику подошел Васька.

– Вадим, застегни мне верхнюю пуговицу – жалобно попросил он, подставляя куртку.

Изгнанник рассмеявшись выполнил просьбу несчастного.

– Вась, а задницу тебе не надо вытереть? – весело сострил оказавшийся рядом «афганец».

Васька посмотрел обиженно на насмешника, горько вздохнул и промолчал.

Капитан подсел поближе к изгнаннику и, горько вздохнув, сказал:

– Хороший ты парень, Вадим, и в жизни у тебя еще все наладится, быть может – молодой ты, все у тебя еще впереди. А мне пятьдесят два, ни кола, ни двора, жизнь свою прожил так, как никому бы не пожелал, хотя все было: и жена, и работа, и карьера, награды были боевые... а теперь цели нет в жизни никакой. Сбежишь отсюда – и что дальше? Как сказал Рашид, под забором сдохну. У меня теперь только одна цель – в Москву бы выбраться, жену бы повидать и дочку. Жену восемнадцать лет не видел, конечно, кто меня ждать будет, а дочку, так вообще, ни разу не видел. Мне бы хоть посмотреть на них, хоть издалека увидеть. А на этих иродов

проклятых я работать не хочу. Я русский, я на своей земле хозяин. В Афгане интернациональный долг выполнял и с такими же азербайджанцами в бою спина к спине вставал. И не подводили ребята.

– Что ответить Капитану? – думал Вадим – Своя душа – потемки, чужая тем более. И что с того, что я молод, если такой же раб, такой же бомж, такой же сирота и также не имею цели в жизни?

– Да, тяжело! – сочувственно вздохнул изгнанник и, выкинув окурок поднялся работать.

Фундамент был заложен. Почти два метра высотой выложены бетонными блоками стены подвала. Невольники занимались установкой бревен.

Время приближалось к вечеру. Вадима это радовало – темнеть стало рано и рабочий день был намного короче, чем летом. От этого жизнь невольников была значительно легче. Правда, им было запрещено разгуливать по территории участка и, тем более, покидать ее. Жизнь рабов в нерабочее время протекала в их доме–сараях, где они, как могли, коротали время за пустыми разговорами, шутками, анекдотами или просто предавались мечтам и размышлениям. Вова, Дима, Костя и Серега резались в карты из самодельной колоды.

Вадим предвкушал конец рабочего дня, ужин и, хоть и скучный, а все же отдых.

Дом строился быстро. За день – треть этажа сотка площадью. Бригада ожидала газель, груженную паклей.

Дед заканчивал готовить ужин: вареный горох с солеными огурцами, черный хлеб и чай.

Наконец пришла газель. Разгрузка заняла не более пятнадцати минут.

Умывшись в ракумоунике, рабы сидели на скамейках за небольшим столом.

Глядя на скудный ужин, Васька опять проронил свое любимое "да уж" и поделился с друзьями воспоминаниями о том, как он сидел когда-то пять суток.

– Там каждый день котлеты давали – печально говорил он.

– Будешь еще на Рашидову дочку глаза пялить – тебе и Рашид пятнадцать суток даст. И будет каждый день котлетами кормить – сострил Борода.

Все засмеялись. Васька опустил голову и смущенно заулыбался в ответ.

Вся бригада знала, что Кемаля приглянулась ему и он постоянно похотливо пялил на нее глаза и, вздыхая, говорил своим товарищам разные непристойности на тему своих сексуальных желаний, касающихся Кемали.

Ужин затягивался. Стол был накрыт, но все ждали куда-то пропавшего Капитана. Прошло минут пятнадцать, а его все не было. Начались поиски, которые ни к чему не привели. По исчезнувшей походной сумке, принадлежавшей пропавшему невольники поняли – Александр сбежал. Сбежал в кузове газели, из которой рабочие выгружали паклю.

Скрыть от эксплуататоров это обстоятельство было невоз-

можно. Разозленное Рашидово семейство жестоко избило невольников. Они оказались виноваты в том, что не досмотрели и не доложили.

Больше всех был виноват Олег. Получив хороший нагоняй от своих любимых господ, он принимал участие в расправе над рабами и был особенно жесток.

Капитан был лучшим работником в бригаде. Без него строительство будет идти гораздо хуже и медленнее.

– Если не найдется ваш Саша – неистово орал Рашид – мы вам, как свиньям будем уши резать, каждый день по одному уху. Через неделю начнем.

На следующий день условия содержания узников стали еще хуже. Отдых после обеда был отменен. Олег выдавал продукты Деду. Обычную норму и без того скудную он урезал вдвое. Это означало, что бригада будет все время голодной. Кормить теперь будут так, чтобы рабы не протянули ноги с голоду. За завтраком, обедом и ужином Олег теперь сам выдавал работникам порции – кто сколько заслужил. В течение дня невольников постоянно пинали, то за то, что медленно работают, то за то, что сели покурить, то не туда посмотрели и несчастные рабы в душе не раз ругали Капитана – виновника жестокого обращения с ними.

– Хорошо ему теперь на воле! – ныл Васька – Свободен, как ветер, а мы тут за него отдуваться должны.

В этот день невольники рыли ямы под длинные столбы. Эксплуататоры решили поставить на участке два больших

фонаря, чтобы освещать как следует территорию.

– Это мы теперь опять до самой ночи пахать будем – вполголоса возмущился догадливый Дима. Громко обсуждать такие темы было нельзя. Рядом всегда находился или Олег, который теперь почти не отходил от рабочих или кто-нибудь из хозяев.

– Я чувствую и зимой в мороз мы тут будем вкалывать, как при совдепе на зоне – сообразил Серега.

– Да уж, мама не горюй! – добавил Васька – куда я попал!?

Ко второй половине дня два больших фонаря были готовы. Вова провел ток и подключил электричество.

– Сами себе яму роем – глядя на фонари, подумал Вадим – загнемся все, если так пахать будем или с голода подохнем. Знал бы – с Капитаном сбежал бы.

Работать и правда теперь пришлось до поздна. Фонари освещали участок тускло, но рабовладельцев это не волновало. Несчастные работники трудились в полутьме.

Глава 6

Прошло два дня. Кончилось бабье лето и иней на траве лежал не растаявшим. Солнце уже не согревало своими лучами. Ходить по территории участка стало легче – обувь не прилипала к земляной жиже.

Дед, раздобыв где-то опавших желтых листьев, решил украсить ими дом–сарай. Он прибил их к стенам внутри сарая гвоздями сотками и был очень доволен своим художе-

ством, несмотря на то, что израсходовал на него последние гвозди, которые были нужны для строительства.

– Почти шестьдесят лет, а ума нет – возмутился Костя.

– Жизнь прожил, а ума не нажил – вторил ему Борода.

Художество Деда не понравилось никому, а что касается Олега, то тот чуть не поколотил «художника», после чего последний долго дулся на друзей и начальника.

Строительство по-прежнему кипело. Рабы, подгоняемые своими эксплуататорами, выполняли за день двойную норму труда. Но как работники не старались построить быстро двухэтажный коттедж площадью двести квадратных метров, в день у них получалось выстроить только один ряд бревен по всему периметру строящегося дома. На длинных толстых канатах невольники поднимали вверх длинные тяжелые бревна и, затем устанавливали их на положенном месте. Первый этаж был почти готов.

Противный мокрый ветер сильно обдувал лицо. Мерзли пальцы в тонких рабочих перчатках. Поеживаясь от холода, Вадим посмотрел на часы. Было половина первого. Через час должен был быть обед. Он сообщил Деду, что пора ему бросать работу и идти готовить.

Где-то в районе озера послышался шум проезжающей машины. Вадим оглянулся. С высоты лесов было хорошо видно за забором и степь, и дорогу, и озеро, и небольшой пролесок вдали за озером. Изгнанник часто вздыхал, глядя туда – там была воля. Теперь он взглянул и обомлел. Прямо по

дороге на большой скорости мчался зеленый милицейский "воронка". Машина стремительно приближалась к коттеджу. Через минуту она уже стояла возле ворот и, выскочивший из своей будки Олег, поспешно их открывал. Машина въехала на участок и остановилась рядом со сложенными рядами бревнами недалеко от коттеджа.

– Наконец–то все это кончилось! – подумал Вадим, предвкушая, как добрые сотрудники милиции освободят его и его друзей из рабства. Сердце билось от волнения и радости.

На крыльцо усадьбы вышли Рашид и Меджит, из машины – милиционер в звании майора (Вадим разглядел большую звездочку на его погонах). Рашид и Меджит дружески обнялись с представителем власти. Из усадьбы вышли остальные члены Рашидова семейства. Майор по очереди обнялся с каждым из них. После этого к всеобщему изумлению невольников, наблюдавших с лесов за происходящим, из "воронка" вышли еще двое в серой униформе, затем, вытолканный ими из машины вылез Капитан. Вид последнего выражал обиду, злобу и возмущение. Александр стоял прямо с высоко поднятым подбородком, гордо и презрительно смотря на своих господ и "освободителей". Рашид сунул руку в карман своих джинс и, что-то достав оттуда, протянул майору. Лицо последнего повеселело. Постояв еще немного с азербайджанцами, милиционеры сели в машину. Из усадьбы на крыльцо вышла Айгюль. Протянув мужу бутылку коньяка, она поспешно удалилась назад. Рашид подошел к машине. Майор

открыл дверь и принял подарок. Он что-то сказал и Рашидово семейство весело расхохоталось. Машина дала задний ход и выехала за ворота. Капитан продолжал гордо стоять в окружении своих порабощителей.

– Значит и мусора куплены у этих черножопых – сообщил свою догадку Вова, добавив в адрес азербайджанцев пару матерных выражений.

– Да уж! – вздохнул Васька – Не повезло Капитану! А мы уж думали – убег, так убег!

– С возвращением! – язвительно сказал Рашид.

Его братья дружно захохотали.

Бывший воин молчал, гордо и презрительно глядя на бандитов.

– Ты что не доволен? – продолжал издеваться Рашид.

– Я вижу, здешние менты – такие же ублюдки, как и вы – спокойно ответил Капитан. После этого он зевнул, как бы давая понять, что его совершенно не интересуют окружающие его враги.

В адрес гордого раба посыпались угрозы и оскорбления. После чего Рашид подошел вплотную к своей жертве и с издевательской улыбкой замахнулся кулаком. Капитан ловко поймал летящий в его лицо кулак и, слегка отойдя в сторону, дернул пойманную руку противника назад. Потеряв равновесие, гордый и самонадеянный уроженец Закавказья растянулся по земле, разбив свой горбатый нос об замерзший кусок глины.

Бывший боевой офицер хорошо владел рукопашным боем и, несмотря на возраст и утраченное в лагерях здоровье, был еще достаточно крепким и умелым бойцом. Теперь он стоял спокойно, скрестя на груди руки и, все также гордо и презрительно смотря на врагов.

Бандиты опешили. Никто из них явно не ожидал от своего пожилого раба такой смелой и дерзкой выходки.

Рашид медленно поднялся с земли, держась ладонью за разбитый нос. В нем кипела злоба, бурлила горячая южная кровь. Он что-то сказал своим братьям по-азербайджански, после чего его сын Ахмед быстро побежал в усадьбу.

– Ладно, раз ты такой воин – сказал Рашид, глядя с уважением на бывшего "афганца" – давай один на один с Максудом? Он у нас боксер.

Молодой шустрый и энергичный Максуд принял боевую боксерскую стойку и быстро и уверенно приблизился к своему противнику. Капитан был в два раз старше его по возрасту. Хоть и крепкий, но своими полуседыми волосами, морщинистым лицом с небритой седой щетиной он казался стариком по сравнению со своим соперником.

Начался поединок. Оба противника держались твердо и уверенно. Молодой боксер пытался сократить дистанцию и приблизиться к Капитану для кулачного боя. Шустрый и увертливый, с хорошо поставленными ударами он сходу перешел в нападение. Однако, Капитан оказался не менее ловок. Подпустив своего противника поближе, он в самый

удачный момент ударил его ногой в пах, а затем, не давая ему опомниться, сделал подсечку под ноги.

Невольники, стоявшие на лесах, ликовали. Их друг в начале поединка одержал пусть небольшую, но победу.

Рабовладельцы были недовольны. Они всячески старались поддержать криками своего брата.

Капитан не стал добивать упавшего.

Поднявшись на ноги, Максуд теперь был разъярен. Рыча, словно лев, он вновь бросился на Александра. Его оскорбило то, что какой-то раб, жалкое и презренное, по его мнению, существо, сумел так спокойно и ловко сбить с ног его, кандидата в мастера спорта, авторитета. Однако, не смотря на гнев, Максуд теперь был сдержаннее и расчетливее. Он подошел к Капитану вплотную.

В это время хлопнула дверь усадьбы. Вернувшийся Мухаммед потихоньку подходил к своим дядям и раздавал им пистолеты.

Бригада невольников застыла в ужасе. Все понимали – чьей бы не была победа в поединке, конец их товарища будет печален.

Однако, Капитан оставался невозмутим. Он чувствовал и глубоко осознавал свою правоту и поэтому не боялся ничего. В глаза Максуду он смотрел спокойно, смело и даже беззлобно.

На этот раз Капитану повезло меньше. Максуд обманным ударом врезал ему в печень. Затем ветеран Афгана принял

еще серию ударов по лицу. Каким-то чудом он уклонился от последнего прямого удара в челюсть, рассчитанного на нокаутирование. Александр попятился назад.

Послышались радостные крики на азербайджанском языке.

Среди невольников воцарилась тишина.

Бандит продолжал наступление. На этот раз боевой офицер сменил тактику. Отступая, он выждал наиболее подходящий момент, когда его противник, осмелев, бросился в атаку. Неожиданно остановившись, Капитан чуть присел, затем развернулся и, положив ладони на землю, внезапно ударил бандита снизу ногой. Удар пришелся прямо в челюсть. Максуд, покачнувшись, упал.

На лесах послышалось радостное ликование.

Бандиты молча стояли полукругом возле дерущихся. Их нахмуренный вид не предвещал ничего хорошего для победителя.

Один Капитан был по-прежнему спокоен. Лишь легкая презрительная улыбка приукрашала его гордое и мужественное лицо.

Противник уже поднялся. Некоторое время он сидел на корточках, обхватив голову руками, издавая стоны, что-то бормоча по-азербайджански. Затем, резко вскочив, он кинулся на Капитана. На этот раз боксер кардинально изменил тактику битвы. видимо, насмотревшись по телевизору боевиков, он с разбегу прыгнул на Капитана и, выставив вперед

правую ногу, попытался нанести ей удар по лицу.

Насмешливо улыбнувшись, мастер рукопашного боя сделал шаг в сторону и со всей силы ударил противника кулаком. Наивный "каратист", несясь всем своим весом на своего врага, напоролся на сильный встречный удар. Не издав ни звука, ни стога, он плюхнулся на землю, ударившись об нее головой.

В бригаде невольников и в бригаде бандитов повисла мертвая тишина.

Капитан спокойно и с достоинством стоял рядом с поверженным врагом. Лицо его не выражало ни малейшего злорадства. Напротив, он смотрел на своего противника сочувственно, твердо и мужественно, как свойственно людям его склада, ждал своей горькой участи, на которую, он понимал – был обречен. Сознание собственной правоты делало его спокойным.

Поверженный противник не подавал признаков жизни. Лишь, спустя несколько минут, окруженный своими братьями, он постепенно начал приходить в себя, издавая длинные протяжные стоны.

Победитель молча стоял рядом, спокойно ожидая своей участи.

Его товарищи с лесов сочувственно таращили на него глаза. Они торжествовали Капитановой победе над одним из эксплуататоров. Максуд был жесток и часто именно от него невольники получали затрещины. Но своего товарища рабам

было искренне жаль.

– Ты смэлый и храбрый воин, Капитан! – сказал Рашид – Давай выпьем за дружбу? Мы тэбя уважаем. Ты у нас будэшь уважаемым работником.

– Я не пью с теми, кто поработщает мой народ, оскорбляет его и держит за свиней! – спокойно и гордо ответил Александр – Я никогда не стану вашим рабом!

Оскорбленные бандиты щелкали затворами пистолетов. Однако, Рашид их остановил. С минуту он постоял молча, глубоко о чем-то задумавшись. Потом что-то сказал своим братьям по-азербайджански. Между бандитами завязался спор. Потом, по всей видимости, Рашид их в чем-то убедил.

На Капитана было направленно несколько пистолетов. Но он твердо и мужественно заявил – Убейте меня, а рабом вашим я все равно никогда не буду!

– Нэт – ответил Рашид – мы нэ будэм тэбя убивать. Но ты все равно будэшь моим рабом.

Спустя несколько минут товарищи гордого Александра освобождали от газовых баллонов железную будку, сваренную Капитаном. А еще через несколько минут, связанный по рукам и ногам (Рашид и его братья, обманув непокорного бунтаря, накинули на него затяжную петлю и, сбив с ног, связали его руки и ноги), непокорный раб лежал запертый на замок, и его непокорная глотка изливала страшные ругательства, угрозы и проклятия в адрес всех чернокожих, ка-

кие есть на земле.

Довольные бандиты со злорадством слушали, доносящиеся из будки крики.

– Он все равно будет нашим рабом – гордо и уверенно заявил Рашид.

Невольники продолжали на лесах свой нелегкий труд. Все шло по-прежнему.

Вскоре на стройку подъехала скорая. Победленного работодателя с сильным сотрясением мозга увезли в больницу.

Глава 7

Серые трудовые будни сменялись один за другим. Дождевая и холодная осенняя погода нагоняла тоску, которая и без того была верной подругой на душе Вадима. Действовало на нервы постоянное чувство обреченности и замкнутого пространства. Изгнаннику казалось, что проклятия, посылаемые им ежедневно на Сергея и Оксанку, какой-то непонятной невидимой силой не доходили до "места назначения" и возвращались назад. Они сыпались на голову Вадима мерзким градом с серого туманного неба, плевали в лицо противным холодным дождем с осенним ветром. Они сыпались ливнем пинков и оскорблений от эксплуататоров, мучили вонью из ночного ведра, стоящего по ночам в рабском домике, терзали душу воспоминаниями и сновидениями.

К своим друзьям по несчастью изгнанник давно привык. Их низкий уровень культуры, дурные манеры и неординар-

ность давно перестали шокировать. И раб-изгнанник среди таких же рабов-изгоев и маргиналов давно уже не чувствовал себя «белой вороной». Человек привыкает ко всему.

Рабочий день начинался в семь утра, а заканчивался в десять вечера. Серега, Костя, Вова и Дима сделали самодельные шашки, нарды и шахматы. Благодаря этому, вечером было не так уж уныло. Игра помогала занять мозги и отключиться от мрачных мыслей.

Семейство бандитов завело вторую собаку. Тоже волкодава. И теперь вечером по участку бегали две охранницы.

– Да уж! – как всегда ныл Васька, глядя, как Олег ежедневно кормит их мясными консервами – Нам бы хоть раз, хоть кусок мяса дали!

– Не заработали – мрачно усмехнулся Борода. Его сарказм вызвал улыбки у остальных невольников.

– Собак и то лучше кормят! – со злостью выговорил сквозь зубы Дима.

Мяса рабы не видели с майских праздников. Есть им хотелось постоянно. Шел конец ноября.

За последний месяц Вадим и его несчастные коллеги построили весь первый этаж коттеджа, включая внутри дома бревенчатые стены, выстелили временный пол на первом и втором этаже, выстроили из бревен второй этаж и теперь занимались крышей.

В этот холодный и слякотный день выпал первый снег. За ночь его намело немало. Весь усадебный участок был покрыт

толстым мягким белым слоем.

Бригада рабочих стояла во дворе, любуясь снегом. Многие брали его в ладони. Васька, Дима и Вадим даже немного поиграли в снежки. К ним присоединился Серега.

Веселье прекратил, внезапно появившийся Олег. Наорав матом на своих подчиненных, он отправил их расчищать на территории дорожки. Расчищали совковыми лопатами. Другие Олег по безопасности не купил.

Дед быстро приготовил завтрак: дошираки, по два куска черного хлеба на каждого и не свежий без сахара чай.

Рабы поели. Подошедший к ним снова Олег, дал распоряжения на счет работы и, взяв один из дошираков с хлебом, понес его к железной будке. В обязанности Вертухая входило каждый день носить Капитану еду, уже месяц сидевшему в сотворенной им же будке для газовых баллонов.

Как там жил бедный узник никто из его товарищей не знал. Ежедневно вспоминая его, они переживали за Александра. Целый месяц он находился рядом с ними и за все это время никто из невольников его ни разу не видел. В доме—сарайе было тепло по ночам. Железная бочка—печка нагревалась моментально, стоило только, как следует разогреться дровам. От печки нагревались выложенные вокруг кирпичи и камни, которые долго держали тепло. И хотя Олег жалел дрова для рабов, этой осенью, пока еще не наступила зима и, невольники страдали только от сквозняков, сочившихся сквозь щели (сарай был построен на скорую руку и не утеп-

лен) и вони по ночам из отхожего ведра. Правда, иногда пакостил Мухаммед. Подросток развлекался тем, что в рабочее время заходил в сарай и справлял малую нужду прямо на настил. Сыну бандита все сходило с рук. Жаловаться Рашиду было бессмысленно и девятнадцати летний озорник при встрече с рабочими, издеваясь, спрашивал, как им спалось. Он так же продолжал подкидывать между бочкой и камнями тухлые яйца и периодически бедным жильцам сарая мешал спать мерзкий, вызывающий тошноту запах. В это время во дворе бегали две хорошо отдрессированные собаки. И выйти на свежий воздух не было никакой возможности.

А как жил Капитан? Как терпел он холод в железной будке? Что с ним происходило? Почему его столько времени не выпускают? Почему Олег и бригада бандитов ничего про него не рассказывают? Все это сильно волновало Вадима и его коллег. За те притеснения, которым подверглись невольники после бегства их товарища они давно уже перестали на него обижаться. Капитан был душой бригады. Его любили и уважали все. И переживали за него, как за родного.

Два дня назад выписался из больницы Максуд. Сотрясение мозга оказалось не таким уж тяжелым. Его горячая кавказская кровь требовала мести. Он был злой на своего победителя. Испытывая стыд перед своими родственниками и, тем более перед рабами за свое поражение в поединке, он отыгрывался на невольниках, постоянно пиная их, оскорбляя и придираясь по малейшему поводу.

На следующий день после возвращения домой, Максуд жестоко избил Ваську, за то, что тот пялил глаза на тринадцатилетнюю Кемалю. Он чуть не сломал ему верхнюю челюсть, выбив четыре боковых зуба с левой стороны лица и как следует отбил ему печень и почки.

Слабый и трусливый парень упал на колени и принялся молить о пощаде. Пощады не было – "свиной жалеть нельзя". Ваську спасли братья Максуда, которым насилу удалось оттащить свирепого сородича от беспомощной и беззащитной жертвы.

А в этот день Максуд придумал новое развлечение.

Невольники работали на крыше, расчищая от снега чердачный пол, коньки и, местами уже прибитые доски обрешетника. Как вдруг снизу раздался громкий крик Олега:

– Эй, черти, быстро вниз, с вами хозяева разговаривать будут!

Хозяева уже стояли внизу.

Бригаду рабов построили в шеренгу. Девять человек стояли, словно солдаты в строю.

Рядом с бандитами стоял Олег. Он держал на поводках обоих волкодавов.

В Рашидовом семействе не было только Максуда и Мухаммеда. Но очень скоро появились и они. К всеобщему удивлению Вадима и его друзей, они вели с собой Капитана. Он шел медленно, тяжело дыша и трясясь. Лицо его сильно осунулось и это было заметно даже сквозь выросшие за ме-

сяц густую бороду и усы. Взгляд несчастного выражал смертельную муку и усталость. На бывшем боевом офицере была накинута сверху его легкая осенняя куртка. Руки Капитана были крепко связаны за спиной и плотно привязаны к телу. Вид его невольно вызывал жалость.

Невольники содрогнулись при виде своего товарища, обычно бодрого и веселого.

Два конвоира подвели узника к компании бандитов.

– Развэжите его – приказал Рашид.

Несколько минут ушло на то, чтобы развязать на Капитане веревки. Теперь он стоял, надев куртку и разминая затекшие руки.

Царила полная тишина. Ее нарушил Рашид:

– Ты хотел сбэжат? Мы тэбя здэсь больше нэ дэржим. Ты свободэн.

Капитан молчал, глядя с недоумением на бандита.

– Мухаммед, иды открой эму калытку!

Ахмед послушно исполнил приказание отца.

– Вот твои вэщи! – сказал Максуд, протягивая Александру его походную сумку. – Иды.

И снова молчание. Бандиты ехидно улыбались. Капитан и его товарищи удивленно и недоверчиво смотрели на своих эксплуататоров.

– Богом клэнусь – заверил Рашид – я тэбя отпускаю. Иды нэ бойся.

– Богом клянэшься? – недоверчиво усмехнулся ветеран

афганской войны, хорошо знавший мусульманские уловки. – Нет, ты Аллахом поклянись.

– Бог одын, как бы эго нэ называли. Всэ рэлигии даны нам Богом.

– Тогда почему Коран призывает убивать неверных? И что делал бы ваш пророк Мухаммед, если бы он сейчас был в России, куда вы все черножопые едите?

Бандиты молчали. Невольники оживленно слушали разговор.

– Ты хотэл свободы? – немного помолчав, сказал Рашид – Я тэбя отпускаю.

– Ага! – Капитан насмешливо скривил рот – А как я дойду до калитки, ты сразу на меня собак спустишь?

Рашид призадумался, с минуту расхаживая из стороны в сторону.

– Убери собак, Рашид! – Капитан был настойчив.

– А ты драться нэ начнешь? Ты вэдь хорошо дэрешься. Гдэ ты так научился?

– В Афгане.

Бандиты молча и с уважением смотрели на Капитана.

Александр соврал. Рукопашному бою его пять лет учили в военном общевойсковом училище. Про Афган он сказал для большего эффекта.

– Обэщай, что нэ будэшь драться – потребовал Рашид.

– Даю слово русского человека – гордо ответил Капитан.

– Слово русского человека – подумал Вадим. Он еще не

встречал людей, которые давали подобные обещания. – Как же много это значило для Капитана!

Рашид и его братья стояли в задумчивости, с удивлением и уважением глядя на Александра. Они о чем-то поспорили по-азербайджански. После этого Нюрнорд и Максуд подошли к Олегу и, забрав у него волкодавов, повели их к вольеру.

– Олэг, проводи Сашу до калитки! – приказал Рашид.

Капитан и Олег вместе направились к воротам. Вертухай открыл калитку и протянул на прощанье Александру руку.

– Я их мою – гордо заявил Капитан – и никогда не протягиваю шестеркам.

Бывший раб развернулся и уже собрался уходить.

– Можэт ты уколоться хочэш? – с нескрываемым злорадством спросил Меджит.

– Хочу – Капитан, уже сделавший несколько шагов вперед, быстро обернулся и весь затрясся.

Бандиты злорадно заулыбались.

– Тогда выбэрай – медленно, спокойно и очень уверенно проговорил Рашид – Или свобода, но тогда гдэ ты возьмешь гэроин? или рабство и доза каждый дэнь. Подумай, тэбэ тэпэрь тэрать нечэго. Или сдохнэшь под забором от холода, голода и ломок или в теплэ, в сытости и под кайфом. Я бы хотэл под кайфом.

Капитан медлил с ответом. Было видно, как тяжело ему было принимать решение. Наконец, помявшись с ноги на но-

гу, он медленно вдохнул в легкие воздуха и твердо сказал:
– Лучше под забором.

На этот раз тишину ожидания сменила другая тишина. Тишина восхищения и непонимания и тишина ярости и негодования. Первая тишина была тишиной рабов, которые были уверены, что Капитан примет другое решение. Вторая тишина была тишиной временной. Это была тишина перед разразившейся бурей негодования и ярости, которые очень скоро вулканом вырвались наружу из глотки обезумевшего бандита. Мешая русские и азербайджанские слова, он орал так, что можно было только разобрать некоторые матерные выражения.

Остальные бандиты последовали его примеру.

Капитан презрительно улыбнулся и, развернувшись, вышел из калитки. Через секунду его высокая и крепкая фигура исчезла из виду.

Максуд что-то прокричал Рашиду по-азербайджански. Рашид что-то ответил и отдал какие-то приказания. Но тут вдруг что-то закричал все время молчавший Гасан. Он подбежал к вольеру и выпустил оттуда собак. Те с громким лаем выскочили за калитку. Следом за ними бежали бандиты.

Невольники быстро залезли на леса. Оттуда прекрасно было видно все происходящее: сидящий на дереве Капитан, внизу два здоровых, громко лающих волкодава и рядом с ними стоящие шесть азербайджанцев.

Из калиток жилых домов кое-где высовывались еле замет-

ные старушечьи головы.

Через небольшое время Капитана сбили с дерева несколькими длинными шестами, валявшимися среди развалин старого полуразрушенного дома. На сбитого свободолюбца набросились две собаки. Одна из них во время прыжка получила от Александра ногой по горлу, вторая же свалила Александра с ног, и было видно даже издали, что она пытается вцепиться ему в горло. Мужественный Капитан закрывал лицо и горло руками.

Собаку оттащили хозяева. Вторая тоже поднялась. Обоих волкодавов теперь держали на поводке. При их помощи "свободного раба" снова загнали в "неволю".

Собака покусала беглеца несильно. Максуд был злопамятным и то, что его идея травли волкодавов на Капитана реализовалась только частично, не удовлетворяло его желание отомстить за проигранный поединок.

Бригаду невольников снова поставили в строй, словно отделение солдат. Капитан встал на свое прежнее место. За ним кучкой шесть азербайджанских бандитов. А рядом с ними в нескольких шагах – Олег с волкодавами.

– Я знал, что тебе нельзя верить, Рашид! – сказал Капитан. Руки его истекали кровью. Уши, горло и шея тоже были покусаны. Но бывший боевой офицер держался по-прежнему твердо.

– Я жэ Богом поклялся, а нэ Аллахом – оправдывался бандит. – А тэпэрь всё на колэни! – заорал он внезапно.

Первым на колени упал Васька, затем, постояв немного, – Алексей. Остальные оставались стоять и, молча с неприязнью смотреть на своих порабощителей.

К стоящим подошли Максуд и Гасан. Каждому их повиновавшихся досталось кулаком по лицу. Били со злостью со всей силы. После каждого удара два брата орали:

– На колэни!

Но повинования по-прежнему не было. Дошла очередь до Капитана. Максуд стоял рядом со своим недавним противником, но встретил такой взгляд, что, по всей видимости, забыл, что хотел сделать.

– Ладно – опустив глаза, проговорил он – мы паступим по-другому.

В это время Алексей решил подняться с колен, но тут же получив сильный удар ногой по почкам, дико взвыл и, снова опустившись на колени свернулся калачиком и, воя, принялся кататься по земле. Рядом стоял довольный Гасан. Это он ударил раба и теперь стоял, и смотрел на него с презрительной улыбкой.

– Одного из вас сэйчас загрызут собаки – заявил Максуд рабам, затем, посмотрев в глаза Капитану, добавил, обращаясь именно к нему – Одного из двух. Или тэбя или Ваську.

– Не надо! – раздались жалобные Васькины вопли.

Он по-прежнему стоял на коленях.

– Выбирай! – на этот раз приказал Рашид.

– Меня! – мужественно ответил Капитан.

Рашид задал тот же вопрос Ваське.

– Никого! – жалобно ответил тот.

– Выбери! – на этот раз крикнул Нюрнорд.

– Его! – опустив голову, еле слышно промямлил Васька.

– Говори громче, тэбя или Александра?

– Александра! – громко ответил Васька и зарыдал.

Все без исключения собравшиеся смотрели с презрением на труса, стоящего на коленях. С минуту царило молчание.

– Что жэ – саркастически улыбаясь объявил Рашид – Вы двое жэлаете одного и того жэ. Принято эдиногласно.

Олег, вопросительно посмотрев на Рашида, натянул поводки и медленно двинулся к Капитану. Впереди него на коротких поводках рвались вперед два больших волкодава.

– У вас эсть только один шанс спасти своэго друга – внешне громко и торжественно заявил Рашид, обращаясь сразу ко всем невольникам – встать на колени, рабы!

Последние слова он проорал из всех сил, добавив в слова нецензурную брань.

Невольники, молча, один за другим опустили на колени. Глаза каждого из них смотрели вниз на свежий, уже начавший таять снег. Снова наступила тишина. Только громкое всхлипывание Васьки нарушало ее.

Из невольников продолжал стоять только Капитан.

– Ты прэдал своэго товарища – сказал Рашид Ваське – ты трус! За это собаки растэрзают тэбя.

Васька завопил громче прежнего.

– Не надо! – вдруг неожиданно для всех заступился за Ваську Капитан. – Он слабый человек. А вот ты, Рашид, – настоящий подлец и на его месте поступил бы точно также.

– Ты самый странный и загадочный тип, которого я встречал когда-либо – изумленно проговорил Рашид, потом ненадолго о чем-то задумавшись и, хитро улыбнувшись, кивнул на Ваську – Олэг, трави на нэго собак – и в ту же секунду, передумав, вскричал – вообще-то стой! – Рашид повернул голову к Александру – Если нэ хочэш, чтобы его растэрзали волкодавы, вставай, как все на колэни и признай сэбя рабом.

Капитан с чувством глубокого отвращения медленно опустился на колени.

– Говори – Рашид, я твой раб! – требовал бандит.

– Рашид, я твой раб! – горько вздохнув, сказал Капитан, медленно произнося каждое слово.

Уроженцы Закавказья все до единого заулыбались.

– Убить тэбя было нэ сложно, Саша! – сказал Рашид. Он теперь тоже медленно произносил слова, подчеркивая этим важность произносимого – Мнэ нужно было тэбя сломать.

– Ты не сломал бы меня, Рашид! – ответил Капитан – Я просто не смог пойти против собственной совести.

– Совэсть – это твое слабэе мэсто – засмеялся Меджит – если бы нэ твоя совэсть – нэ быть бы тэбэ сэйчас рабом.

– И учти – добавил Рашид – эсли ты еще хоть раз попробуэш отсюда сбэжат или кого-нибудь изобьэш, твоих товарищей съедят волкодавы. Ты понял мэня, Саша?

– Да! – ответил Капитан.

Тут к нему подошел Олег, успевший отдать поводки с волкодавами, стоящему рядом Мухаммеду.

– А это тебе за шестерку!

Олег был злопамятен. Он из всех сил ударил Александра кулаком по лицу. Капитан, молча, стерпел.

Рабов загнали в сарай. Всех, кроме Капитана. Его снова поместили в железную будку.

Глава 8

Прошла неделя. После трудового дня невольники сидели в сарае, наслаждаясь покоем. Дима, Костя, Вова и Серега играли в карты. Алексей молча смотрел в окно (это было его любимое занятие). Остальные развалились на настиле, отдыхая после рабочего дня.

– Красноперый Капитана ведет – сообщил Алексей.

Через минуту дверь отворилась и в сарай вошел веселый и довольный Капитан.

В рабочем домике тут же раздались радостные дружные вопли. Все наперебой кинулись обнимать своего товарища, хлопать его по плечу и пожимать ему руку. Радости невольников не было предела.

Когда наконец наступила тишина, подошел и Васька.

– Саш, хочешь сигарету? – начал он подлизываться с самым невинным видом.

Капитан сочувственно посмотрел на него, затем подошел

вплотную и глядя в глаза несчастному совершенно добрыми глазами, без всякой злобы, но достаточно душевно двинул ему кулаком по лицу. Удар был бесстрастный и сильный. Борец за справедливость не терпел подлиз. Васька кубарем отлетел в угол и упал на пол возле настила рядом с отхожим ведром, каким-то, чудом не расплескав его содержимое.

– А ты ко мне, чтобы даже близко не подходил! – сказал Капитан – Ты даже прощения не можешь попросить по-человечески!

– А чего!.. – захныкал Васька – Я же не хотел, чтобы меня собаки разорвали.

Васька за неделю успел нахвататься пинков и оплеух от своих товарищей, наслушаться от них оскорблений. Теперь он сидел на своем месте на настиле и, надувшись, курил и слушал разговор. Кроме него ни у кого не было сигарет, но у него никто не просил. Васька стал изгоем в бригаде. С ним никто не даже разговаривал.

– Ну что, давай рассказывай – наперебой закричали невольники, усаживая Капитана на настиле в самом центре сарая. Все норовили сесть к нему поближе и с нетерпением ожидали рассказа.

– Есть чего закурить? – спросил Капитан, снимая куртку.

– Вот только это – ответил Дима и, достав из кармана пачку "Примы", высыпал из нее на клочок газеты табак.

– А что вам теперь сигареты даже на твою пенсию не выдают? – спросил Александр, закручивая самокрутку.

– Не так теперь все просто – начал свой рассказ Дима – меня возле банка вечно дружки поджидают. Знают, какого числа пенсия. Вот и ждут, когда я появлюсь, что бы тут же им водки купил. И начинаешь жрать, пока все не пропьешь. С Олегом ездили – он меня еле спас от них. А в прошлый раз Гасан с Нюрнордом и еще этот крендель, Мухаммед поехали. На Ауди меня повезли, что б солиднее выглядел. Мы, говорят, поможем. Вот и помогли – всех разогнали, а за помощь половину пенсии себе забрали.

– Что такие бедные, денег нет, у бомжа пенсию забирать? – со злостью спросил Капитан.

– Принцип у них такой, у бандитов – вставил Костя – половину денег себе забирать.

– Жадные, черти, потому что чурки – сердито проворчал Борода.

– Недаром на зоне этих черножопых "зверьем" зовут – добавил Серега – не дай Бог русскому одному к ним в хату попасть.

– А что, на наших ментах нельзя пожаловаться? – спросил наивный Алексей.

В сарае разразился дружный хохот.

– Я на наших пожаловался, дурак – сказал Капитан – думал – помогут. Пришел в ментовку, рассказал все. Они там позвонили кому-то. Я, дурак, сразу не понял, кому. Садись, говорят, в машину, сейчас разбираться поедем. И привозят меня сюда.

Невольники заулыбались. Печальная, на самом деле, история была так просто и весело рассказана Капитаном и выглядела настоящим анекдотом.

– А кому они звонили? – не понял Вадим.

Капитан с веселой насмешливостью посмотрел на него и, оскалив в широкой улыбке рот, ответил:

– Рашиду, кому же еще.

На этот раз вся бригада смеялась над непонятливым Вадимом.

– Да, мусора у них куплены – задумчиво произнес Костя, когда утих смех.

– А нам за твой побег крепко досталось – сообщил, все время молчавший Дед. – Били, паек урезали, работать под охраной заставляли, обещали нам каждый день по одному уху резать, пока ты не найдешься.

– Я же как лучше хотел – виновато сказал Капитан – поскитался два дня, потом думаю, надо ребят выручать, и в ментовку...

– Хотел, как лучше, да вышло, как всегда – изрек Борода известный афоризм.

– И что теперь совсем никакой управы нет на этих "зверей"? – спросил Алексей.

– На них сейчас нигде управы нет, ни на зоне, ни на воле – грустно проговорил Дима – один выход – поймал черного – мочи!

– Нельзя так – строго сказал Дед – озлобимся, хуже их

станем. Я в армии служил – у нас такого не было.

– Ты, Дед, в армии при царе Горохе служил – усмехнувшись, сказал Борода – Я служил – такого тоже не было. А сейчас они и в армии что хотят делают. Как несколько их соберется, так все – короли.

– Правильно Рашид сказал – процитировал Капитан – вы, русские друг друга не уважаете, поэтому у вас и дедовщина в армии. Пока не научимся, как они друг за друга стоять, так все и будет. У нас в Афгане тоже такого не было. Эх, Россию жалко!

Все промолчали.

Дима скрутил еще одну самокрутку. Олег отобрал у него вторую половину пенсии, купил на всю бригаду дешевой "Примы" без фильтра, а оставшиеся деньги забрал себе. В окурках "Примы" оставался табак, гораздо больше, чем в сигаретах с фильтром и рабы потрошили его на "черный день".

– А чо Рашид про героин говорил, Капитан? – спросил Дима, прикуривая самокрутку.

– А чего говорить – ломал меня Рашид – со злостью ответил Капитан – связали, в будку посадили (сам себе тюрьму сварил).

– Штрафной изолятор – сострил Серега.

В сарае раздался дружный смешок.

– Так связанного и продержали месяц или не знаю сколько. Мне там календарь не сподручно было вести. Красноперый, этот ублюдок, каждый день кормил и в туалет выводил.

Придет, миску возле носа поставит и, как собаку, мордой в миску – ешь. А черножопые мне каждый день что-то вкалывали. Это я потом понял, когда подсел, что это героин был. Что б я, значит, зависел от них и рабом стал. Вколют тебе дозу и все тебе по фигу – кайф! И так каждый день. Холодно, а тебе по фигу – кайф! А когда подсел, спрашивает этот Рашид проклятый – ну что, ты теперь от меня зависишь, будешь работать? А я ему – хрен тебе! Потом снова каждый день, что бы крепче подсел. А после того, как я себя рабом признал, вообще дозу давать перестали. Неделю на ломках был. Как только полегчало, меня сразу к вам работать отправили.

В сарае повисла тишина. Все молча сочувствовали страдальцу.

– Ладно, давайте ложиться спать – предложил Борода – завтра Красноперый опять всех на каторгу погонит.

– Ложись на мое место у печки, Капитан! – сказал Дима – Отогреешься после будки.

Невольники лежали на настиле, но никто из них так и не уснул.

В сарай зашел Олег.

– Артист – позвал он Деда – на выход, Рашид ждет!

Дед послушно поднялся и вышел с Олегом из сарая. П слышался собачий лай и крики Красноперого на волкодавов.

– Опять на гастроли вызвали – усмехнулся Борода – как пьянка у них, так обязательно Деда зовут. Нальют ему стакан, – давай Артист, стихи читай, пой!

– Дед опять сегодня пьяный приползет, а завтра на работу хрен поднимется – завистливо сказал Серега.

– От него все равно толку мало – ответил Вова.

– А ты если бы квартиру ментам не подписал, вообще бы сейчас дома сидел – весело сказал Дима.

– Попробуй не подпиши! – проворчал Вова – Он мне – тебе восемь лет светит, подпиши на меня хату – получишь два. Я подписал. Получил восемь и без хаты остался.

В сарае снова раздался смешок.

– Все мы здесь такие – мрачно сказал Серега – меня жена выписала, пока сидел, у Кости квартиру конфисковали...

– Слушай, Вадим – спросил лежавший рядом с изгнанником Алексей – а мы что теперь до самой смерти в этом рабстве будем? Как ты думаешь?

– Не бойсь, долго не протянем – ответил с иронией за Вадима Борода.

– Да уж! – сказал изгнанник, передразнивая Ваську.

– Ладно, давайте спать, время покажет! – сказал Капитан – А "звери" сейчас пируют. Долго же они меня ломали, очень долго!

Глава 9

Прошло полгода. На строительстве коттеджа все шло своим чередом: разгружался стройматериал, жужжала циркулярка, стучали топоры и молотки, да временами поднимали лай два больших черных волкодава.

Печник Борода со своим верным помощником Дедом сложили большой камин на первом этаже коттеджа и две двухэтажные печки. Капитан с Вадимом выложили черепицей крышу и занимались вместе с остальными работниками внутренней отделкой коттеджа. За лето Капитану и Бороде предстояло построить в подвале большой бассейн и пару душевых кабин рядом с сауной, сауну, выложить плиткой весь подвал в коттедже вместе с бассейном и построить вокруг участка забор из красивого узорчатого серого кирпича, такой, чтобы между столбами можно было установить толстые металлические решетки с острыми концами.

Васька, ставший маляром, "ноя и уставая больше всех", выкрасил коттедж, гараж, сарай, туалеты и вольер, а также Олегову сторожку и большую хозяйскую избу. Он так и остался в бригаде изгоем. Снисходительным к нему был только православный Дед, да и тот, понимая, что можно ждать от труса и предателя, относился к нему недоверчиво.

Вова с Димой провели электричество и теперь, не смотря на весеннее прибавление дня, как пошутил однажды Борода – "негры" должны были работать круглосуточно.

Неуклюжий Алексей постоянно работал в паре с Серегой или другими плотниками. За эти полгода, а точнее за целый год успел у них многому научиться. Подводила его только психическая болезнь. Алексей путал цифры, названия, материал и часто забывал сделать то, о чем его просили.

Эта зима была теплой и в сарае, где жили рабы их жизнь

была не очень тяжелой. Сильно изнуряли лишь тяжелый физический труд, недосыпание, недоедание и постоянные издевательства эксплуататоров, да подлость и тщеславие Олега, возомнившего себя большим начальником. Олег ходил по участку, держа в руках травматический пистолет и постоянно угрожал им невольникам.

Рашид и его родственники были всем довольны. Они жили припеваючи: часто пили коньяк, ежедневно курили "травку" и частенько к ним в усадьбу приезжали по вызову молодые девицы. Чаще всего это были блондинки. И тогда до самой глубокой ночи в усадьбе и во дворе слышались веселые пьяные крики и озорные девичьи визги.

На чердачном этаже коттеджа бандиты планировали сделать биллиардную и с нетерпением ждали окончания внутренних работ. Летом они собирались купаться и загорать на озере, а к зиме, по их расчетам, должны быть готовы в подвале коттеджа шикарная финская сауна и большой красиво облицованный бассейн.

В центре участка рабы должны были построить красивую беседку-барбекю. По окончании всех строительных работ семейство Рашида мечтало украсить свой участок клумбами и зелеными газонами.

Весь объем работ должен был бы завершиться года за четыре. Но нетерпеливые рабовладельцы не жалели сил своих подневольных, эксплуатируя их, словно животных.

За год непосильного труда здоровье работников изрядно

поизносилось, особенно у тех, кому было за пятьдесят.

В начале марта произошло несчастье. После разгрузки тяжелых мешков с цементом и таскания кирпичей, не выдержав тяжелого труда, умер Костя на пятьдесят четвертом году жизни. За пару лет до попадания в рабство он пережил инфаркт. Скорой и милиции не было. Морга, поминок и пышных похорон хозяева тоже не устраивали. Причина смерти без осмотра врача осталась не выясненной. Друзья покойного считали, что у инфарктника остановилось сердце. Эксплуататорам было глубоко наплевать на причину смерти. Их волновало только одно – смерть Кости снижала темп выполняемых работ.

Хоронили Костю в небольшом лесу, что находился километрах в пяти от стройки. Невольников отвезли в лес, где под охраной своих порабитителей они кирками и лопатами рыли мерзлую землю. Ночью под покровом темноты покойного, завернутого в старые одеяла (жадные азербайджанцы даже пожалели старые доски, из которых невольники хотели сколотить гроб) погрузили в Джип и отвезли на захоронение. За час работы погребение было закончено. Ни креста, ни надгробий, ни траурных венков на могиле не было.

– Не разрешила администрация кладбища – метко сострил Борода, украдкой с неприязнью покосившись на Рашида.

Могильный холм завалили еловыми ветками. Дед украдкой положил на могилу маленькую иконку Божьей Матери,

возможно, единственную, которая у него была.

В копании могилы и похоронах Кости участвовало восемь человек. Девятый – Капитан сидел весь день, запертый в железной будке. Его туда и раньше помещали, каждый раз, когда бандитам надо было куда-нибудь уехать, оставив рабов под надзором Олега, Мухаммеда и пары волкодавов.

На следующий день вечером, когда Вадим и его товарищи после трудового дня готовились ко сну, в их домик явился Мухаммед. Он принес своим подчиненным пол-литра водки. Впервые за все время он заговорил с ними чисто по-человечески:

– Натe, помяните вашего друга! С трудом у Отца выбил, больше не дал, сказал – Костя плохо работал.

Мухаммед явно был не в восторге от черствости своих родственников. Он искренне выразил свои соболезнования друзьям покойного и, выпив с ними "за упокой" новопреставленного, на прощанье подарил подневольным пачку Мальборо. А перед этим он извинился за те «забавы», которые он устраивал несчастным рабам.

Рабовладельцы не считались ни с горем своих подчиненных, ни с их радостью, ни с их праздниками, традициями и обычаями. Новый год, Рождество и Пасха были у рабов обыкновенными рабочими днями.

Верующий Дед на Рождество и Пасху отказался работать. Оба раза он был избит и работать не мог по причине тяжких побоев. Бунтарь Капитан в такие минуты сидел в "штрафном

изоляторе".

Вадим, будучи по характеру ранимым и впечатлительным был глубоко травмирован смертью своего товарища. И циничность похорон, и бессердечие поработителей, и сама безысходность случившегося терзали душу. Изгнанник понимал, что случившееся с Костей, в любой момент может случиться и с любым из его друзей, особенно более старших по возрасту.

– А что с нами будет, когда строительство на этом участке будет закончено? – думал изгнанник – Куда Рашид денет своих рабов? Просто на улицу выкинет? Или убьет или продаст в рабство к другим бандитам или новым русским?

Эти вопросы мучили не его одного. Об этом часто говорили в бригаде. И все жили в ожидании и страхе, работая на износ и медленно приближая этот конец.

Вадим пережил раньше смерть матери, потом гибель друга, смерть отца и теперь смерть еще одного человека, ставшего ему другом. Каждая из этих смертей переживалась по-разному, ведь смерть настолько трагична, насколько дорог и близок умерший человек.

Однако изгнанник, прожив в порабощении, недоедая, недосыпая, терпя все трудности, через год почувствовал, что стал сильнее духом, выносливее, крепче душой и даже немного окреп физически. Он был еще молод. Этой весной ему исполнилось двадцать шесть лет и пережитые трудности закалили его. Он умел жить во всех этих лишениях, умел

терпеть и выживать и давно не боялся того, чего боится любой человек, не переживший подобного. Он по-прежнему часто вспоминал Оксанку и, вспоминая, поносил ее и Сергея последними словами, на которые только был способен человеческий язык. Года полтора назад он ни за что бы не поверил, если бы ему кто-нибудь сказал, что он, Вадим Александрович Дубинин, бывший курсант мореходного училища станет бесправным бомжем и рабом, на могилах которых даже не ставят ни крестов, ни надгробий.

Глава 10

На дворе уже был сентябрь. Погода в основном стояла ясная, несмотря на иногда случавшиеся теплые дожди.

Прошедшее лето было дождливым и мечта Рашида и его братьев – беспечно купаться и загорать на озере не осуществилась. Поэтому Капитана и Бороду сняли с плотницких работ и, дав им двух подсобников – Вадима и Деда, заставили строить бассейн, сауну, душевые и обкладывать все это вместе с полом плиткой. Эксплуататоры торопили. Им хотелось, чтобы бассейн и сауна были готовы, как можно быстрее.

Бежать ни этой зимой, ни этой весной никому из рабов не удалось. Капитан, хоть и помышлял об этом, но возможности не представлял.

– И так роту в Афгане погубил – вздыхая, думал он – что бы из-за меня еще кто-нибудь пострадал.

Чернов помнил угрозы Рашида. Остальные невольники

тоже не знали, как сбежать от эксплуататоров.

В бригаде не было ни одного сантехника, и семья бандитов наняла вольных работников для проведения всех сантехнических работ. Рабам было запрещено с ними общаться. То же самое было и когда Рашид и его братья наняли бригаду, которая за неделю вставила в коттедже пластиковые окна и застеклила на втором этаже два балкона, выходящие на озеро.

К концу лета мечта бандитов сбылась. Третий чердачный этаж был полностью готов. Помимо двух небольших комнат на нем был немалый бильярдный зал, который украшал бильярдный стол, два маленьких столика и несколько плетеных кресел.

Сауна, душевая и бассейн тоже были готовы, и теперь бандиты, довольные сладкой жизнью, могли подолгу купаться, париться, пить пиво и коньяк и, накурившись "травки" играть в бильярд. Остался недоделанным первый и третий этаж, там был не выложен паркетный пол, не построена винтовая лестница с красивыми резными перилами из красного дерева. Материал лежал в строящемся доме на первом этаже.

Снова случилось несчастье. В этот день на стройку привезли кирпич для строительства забора и черные большие металлические решетки. Во время разгрузки, одна из решеток упала с кузова машины и очень сильно придавила ногу Славе Бороде.

Борода дико взвыл. Упав на землю, он держался за ногу

и, корчась от боли, принялся кричать и звать на помощь.

Подоспевшие друзья вместе с Олегом и оказавшимися рядом Нюрнордом и Гасаном увидели, что нога бедного печника практически оторвана. Сильный открытый перелом на месте лодыжки. Из раны сочилась кровь и торчала толстая белая кость.

Ревущего Бороду невольники отнесли в сарай. Вокруг него собралась вся бригада, а следом за ней и все бандиты. По лицам последних было видно, что они не довольны происшедшим. Ни жалости, ни сочувствия их темные лица не выражали. Рашид ломал голову – что теперь делать.

Вадим догадался, о чем он думает – с таким переломом невольник не сможет работать, как минимум полгода. Ему срочно необходима операция, лечение в больнице. Вся эта забота падала на плечи отнюдь не сердобольного Рашидова семейства.

Изгнанник умел оказывать первую помощь потерпевшему и теперь они вместе с Капитаном возились с ногой Бороды, пытаясь остановить кровотечение.

К сараю подошли Айгюль и Зульфия. Они принесли обезболивающие средства. Женщинам было запрещено находиться в компании мужчин. Они никогда даже близко не подходили к рабочим. Теперь же передав лекарства одному из рабов, они тут же удалились.

Рашид ходил вдоль сарая вперед-назад. Видно было, что он что-то обдумывает. Лицо его искажала черствая и жесто-

кая гримаса. Он заговорил по-азербайджански, обращаясь к своим братьям. С минуту они вместе что-то обсуждали.

В сарае не унимались дикие вопли Бороды. Наконец ему дали обезболивающее, которое подействовало только через пятнадцать минут. Все невольники наперебой пытались подбодрить и утешить своего пострадавшего друга. Ему обещали вызвать скорую и отвезти в больницу.

– У меня паспорта нет и страхового полиса – проныл Борода сквозь вопли и стоны.

Вадим заметил, как хмурый и без того Рашид нахмурился еще сильнее.

– Вадим, ты остаешься со Славой – наконец сказал он – а все остальные продолжайте машину разгружать.

Невольники повиновались.

– Потэрпи, Слава, сэйчас рэбята машину разгрузят, отвэзем тэбя в больницу – сказал Бороде Рашид, когда бригада рабов покинула сарай.

Борода продолжал стонать, но постепенно тише и тише.

Работники все, кроме Вадима и Бороды вернулись к машине. К Капитану тут же подошли Меджит и Максуд.

– Рашид вэлэл посадить тэбя в будку – с самым непринужденным видом сказал Меджит.

Капитан недоуменно пожал плечами. Он был удивлен таким распоряжением. Да и не он один. Удивились и его друзья. Однако им никто ничего не объяснял. Капитана, как всегда, в тяжелые минуты держали в "изоляторе".

Разгруженная машина выехала со двора.

– Собэрайтэсь – тут же раздалась команда Максуда – бэ-ритэ с собой лопаты. Сэйчас всэ в лэс поедитэ.

Невольники были удивлены. Только теперь они догадались, что задумали бандиты. Но деваться было некуда.

Олег уже сидел в "пятерке". Рашид, Максуд, Ахмед, Гасан и Меджит открывали ворота гаража. Рабов усадили в автомобили и увезли.

Вадим сидел возле Бороды. Что происходило на территории участка он не знал. И был удивлен, когда, выйдя ненадолго из сарая, он обнаружил полную тишину и отсутствие людей.

На дворе был вечер, но еще не стемнело. Изгнанник сидел в сарае рядом с Бородой и недоумевал, куда делись его друзья и куда делись бандиты.

Вскоре из усадьбы вышел Нюрнорд единственный не уехавший с братьями. Он зашел в сарай и подошел к Бороде.

Вадим сначала ничего не заметил. Потом внезапно раздался пистолетный выстрел. Слава больше не стонал и не шевелился.

– Заворачивай эго в одэяло и нэси в машину – приказал Нюрнорд.

Машина, миновав озеро, быстро приблизилась к тому самому лесу, в котором полгода назад был так цинично предан земле Костя. Было уже около полуночи.

Бороду осторожно вытащили из Мерседеса и так же осто-

рожно отнесли к свежевырытой рядом с Костиной могиле.

Снова чувство собственного бессилия охватило Вадима. Ненависть к поработителям, ведущих их под дулами пистолетов закапывать в землю их друга, охватило его. Хотелось выть, кричать, вцепиться зубами в горло хоть одному из этих ненавистных тиранов.

По молчаливому сопению и нахмуренным бровям своих товарищей, Вадим понял, что в их душах творилось то же самое. У Деда и Алексея на глазах поблескивали слезы. Изгнанник сам едва сдерживал рыдания.

Под прицелом шести пистолетов семь беспомощных и беззащитных рабов опускали в землю восьмого. Рядом стоял Олег. Он поторапливал своих подчиненных.

Началось погребение. Невольники медленно, стараясь не смотреть в могилу, лопата за лопатой кидали землю на своего друга. Многие больше не сдерживали рыданий.

Бандитам это не понравилось. Они не любили, когда кто-то давил им на жалость. Дима, а следом за ним Алексей и Серега получили ногой в бок. Это было сделано для того, чтобы прекратить в бригаде "соплераспускание". Дима, Алексей и Серега были первыми, кто попался под руку.

Наконец на месте свежевырытой ямы появился свежена-сыпанный холм земли.

Была глубокая ночь. Небо было туманным. Моросил мелкий дождь.

Рабы и рабовладельцы рассаживались по машинам. В тем-

ноте бандиты светили фонариками, что бы никто из невольников не потерялся.

Все молчали и, молча, приехали на участок. Рабочие, молча, прошли в свой домик и, также молча легли спать. Рано утром их совершенно не выспавшихся снова погнали на работу.

Капитан в эту ночь остался в железной будке. То ли про него забыли, то ли специально не стали выпускать. О происшедшем событии он узнал лишь на следующий день, когда его выпустили из заточения и вкололи хорошую дозу.

Через два дня бандиты закололи барана. До поздней ночи из беседки-барбекю слышались их веселые крики, доносился беспечный девичий смех. Все было, как обычно, словно вовсе ничего не случилось. А бригада рабов долго не могла привыкнуть к тому, что с ними больше нет их веселого друга, вечного шутника Славы по прозвищу – Борода.

Еще одна смерть близкого человека поразила Вадима, оставив в душе сильный и глубокий рубец.

– Чем дальше, тем хуже и подлее! – думал он – Для чего человеку дается жизнь? Для того что бы промучившись свой век, а то и гораздо меньше, оказаться по ту сторону могилы? Кто в роскошных цветах в сопровождении тысяч рыдающих глаз, кто в цинковом гробу, обгоревший или лишенный конечностей, а кто и просто зарытый в лесу, где на могильном холме нет ни креста, ни надгробия, ни даже имени и даты рождения и смерти.

Глава 11

Золотая пора октября давно миновала и красивые желтые листья, обычно радующие глаз черно–желто–коричневой пестротой, давно пожухли, потемнели и потускнели. День был серым и мрачным. Рано темнело. В этом году первого снега еще не было, но по утрам и почти до полдня лужи и даже озеро покрывались тонкой кронкой льда.

Капитан и два подсобника – Вадим и Дед закончили класть кирпичную кладку забора и теперь занимались сварочными работами, приваривая чугунные решетки к столбам.

Шустрый Серега колот на зиму дрова. При легком морозе, особенно с утра они кололись легко. Ленивый нытик Васька, изо всех сил строя из себя отменного труженика, таскал их охапками, укладывая в огромный дровник.

Алексей, Вова и Дима заканчивали стелить паркет.

Работа невольников на строительстве подходила к концу. В ближайшие два месяца дом должен был быть сдан "под ключ".

Рабам предстояло еще собирать мебель, которую Рашид со своими братьями собирались закупать, чтобы обставить в доме все помещения.

Весной или в конце зимы бандиты собирались переселиться из усадьбы в коттедж.

Недавно закончился Рамазан и не особо набожное Раши-

дово семейство не отказало себе в удовольствии отметить очередной праздник очередным гулянием с шашлычком. Запах жареной баранины обычно распространялся из беседки далеко за пределы Рашидова участка и рабы-невольники, сидя в своем доме-сарая, жадно втягивали его носами. Все мечтали поесть шашлычку.

Через неделю у хозяев наступил другой праздник – сын Меджита вернулся из армии.

Этот рабочий день был короче обычного. Около семнадцати часов вечера, едва начало темнеть, рабов посадили в сарай. Олег наскоро выдал им бич-пакеты и хлеб, сказав, чтобы невольники больше сегодня не появлялись во дворе.

Возле гаража стояли новые машины – Вольво и Джип. Они стояли за воротами между гаражом и Олеговой будкой. Развалюху "пятерку" ради этого выгнали со двора, и она стояла за воротами возле забора.

В честь приезда сына Меджита был устроен шикарный пир. На веселье еще приехали невиданные невольникам до сих пор родственники темнокожих. Человек десять, если не меньше.

И снова та же картина: веселящиеся со своими гостями хозяева, похотливо обнимающие аппетитных девиц, девичьи визги и смех, и острый запах жареной баранины.

Невольники завистливо глазели в окошко сарая на царившее веселье.

Пир продолжался до полуночи. Затем половина гостей

стала разъезжаться. Деда забирали на "гастроли" и теперь еле-еле тащили его под руки Мухаммед и Меджит. Дед что-то бормотал и пытался запеть. Его бесцеремонно затащили в сарай и толкнули на настил.

– Вернулся Артыст! – весело проворчал Капитан – странно, что про меня забыли – в будку не посадили.

Олег тоже, заметно пьяный (ему выдали водку и отправили одного в сторожку), вывел из вольера собак.

– Все, концерт окончен! – прокомментировал Серега окончание веселья – пора и нам спать.

Вадим и Дима убирали с настила шашки.

Вдруг во дворе послышался громкий собачий лай и рев.

– Смотрите, волкодавы черножопого кусают! – злорадно сообщил Алексей. Он от нечего делать продолжал смотреть в окно. Невольники разом прилипли к окошку.

Один из оставшихся гостей, выйдя из усадьбы, направился в туалет. Волкодавы, почуяв чужого, тут же со злобным лаем накинулись на него. Раздались крики отчаяния, рев и лай собак. Из сторожки поспешно выскочил Олег. Затем из усадьбы появились хозяева и гости.

Собак оттащили от жертвы, но после этого, посовещавшись, бандиты посадили их в вольер. Азербайджанцы удалились в свою усадьбу, Олег, сильно шатаясь – в свою сторожку.

– Самый удачный момент для побега – сказал сообразительный Дима.

Он говорил это шутя, но его слова тут же всерьез воспринял Капитан.

– А ведь верно! – быстро подхватил он Димину идею – Олег пьяный, скоро заснет, чурки тоже пьяные, собаки в вольтере. Подождать надо пока "зверье" уснет и бегом отсюда, пока ночь. А утром попробуй нас найди!

– А куда бежать то, кругом степь? – недоверчиво спросил Вадим – В степи нас всю ораву видно будет.

– Тут недалеко отсюда соседняя деревня есть – начал Дима.

– В соседней деревне тут же искать начнут – перебил его Капитан.

– Там на окраине возле самого болота хутор стоит. В нем раньше цыгане жили, наркотой торговали. Сейчас сидят. Там и переночевать можно будет. А чурки наши неместные. Они, поди, и окрестности не знают.

– Возле болота говоришь? – спросил Капитан – где это ты в воронежской области болота видел? Степи одни, да немного леса.

– Там есть крошечное болото – ответил Дима. Он даже подскочил на настиле, оскорбленный неверием друзей. – Я сам там жил у цыган, пока Мишу не посадили.

– Какого еще Мишу? – не понял Капитан.

– Ну, так этого главаря звали ихнего.

– Вот что "Миша", раз места знаешь, дорогу показывать будешь –

– Да мы все это место хорошо знаем – сообщил Серега. – Там раньше такой притон был!

– Да там найти просто. Через деревню выходишь к лесу и прямо в этот дом упираешься – вдруг неожиданно подал голос Васька.

– А ты что, тоже бежать собрался? – насмешливо спросил Капитан. – А если поймают?

– А если нет? – Ответил за него Вова – что всем в этом рабстве подышать?

Разговор принимал серьезный оборот. Выяснилось, что бежать хотят все.

– А если не получится? – спросил робкий Алексей – с нас всех потом живьем шкуру спустят?

– Боишься – не беги – ответил Капитан – тогда с тебя одного шкуру спустят, а я, лично, в этом рабстве подышать не намерен.

– Да, бежать надо – подхватил Вадим – а не то все, как Костя и Слава в этом рабстве загнемся.

– Все так все – согласился Алексей – только вот как сбежать отсюда? Собаки лай поднимут, "звери" проснутся и Красноперый тоже и все – хана нам.

– Подождать надо, пока заснут, собак прибить придется и Красноперого тоже, а усадьбу поджечь – сказал Капитан после некоторого раздумья – пока "звери" проснуться, пока сообразят, что случилось, пока во двор в одних трусах выскочат, да тушить начнут, про нас забудут на время, а мы как

раз и уйти успеем.

– Красиво говоришь, складно все у тебя получается! – с сомнением проговорил Серега – а мы не мокрушники. Я лично никого убивать не буду.

– И я тоже – сказал Дима.

– И я тоже – добавил Вова – украсть – пожалуйста, а мокруха – не мое.

– Тогда ждите, пока вас всех убьют! – вскипел Капитан – Эти черножопые на нашей земле скоро хозяевами будут. Работают уже везде, квартиры скупают, рынки под их контролем. Баб у нас скоро поотобьют, а потом сравняют бульдозером могилы наших предков и будут хоронить на наших кладбищах своих черножопых. А вы сидите, рабы, да за свою шкуру тряситесь! Мало вам Кости?! Мало вам Бороды?! Так и будете на них спину гнуть, пока все не подохните?! Прав был Рашид, когда говорил, что мы русские – не народ, а быдло! Эх, Россию жалко!

– Прав Капитан – поддержал его Вадим – бежать надо.

– Бежать надо, а убивать никого не надо – вдруг сказал проснувшийся Дед. Он, проснувшись с похмелья, молча, лежал и слушал разговор. – Только Бог может решать, кому – жить, кому – умирать.

– Это Бог решал – вскипел Серега – когда Славу убивали и когда Костя загнулся?

– Бог попустил – спокойно ответил Дед.

– Справедливость должна быть – поддержал Серегу Капи-

тан.

– Милосердие выше справедливости – возразил Дед.

– Мы мокрить не будем – за всех уголовников ответил Дима.

– А отомстить надо – добавил Вова – вот только как?

– Дом поджечь – подсказал Вадим – мы его строили, мы его и спалим.

– Не поджечь, а взорвать. И гараж с машинами тоже, тогда они нас пешком век не отыщут – предложил Серега.

– А чем ты взрывать собрался – усмехнулся Капитан – у тебя, что взрывчатка есть?

– А я в армии сапером служил. Меня там научили кое-чему. Взрыв устроить можно. В твоей будке, Капитан, есть газовые и кислородные баллоны. Можно газовые в доме заложить, открыть сопло, весь газ вниз в подвал спустится. Потом фитиль сделать и в окно подвала провести. Тогда и дом взорвет, и убежать успеем.

– А фитиль ты из чего делать собрался?

– Канаты возьмем, на которых бревна поднимали, когда коттедж строили, распустим их и как следует в солярке замочим. Пропитаются – вот тебе и фитиль. Свяжем их подлиннее, чтоб дольше горели, тогда и убежать успеем. Надо только побольше баллонов в коттедж натаскать, да окна там позакрывать, чтоб газ не уходил.

– А солярка в гараже была в канистре – подсказал Дима.

– Тогда возьмем ее, перельем в отхожее ведро и будем ка-

наты замачивать. Надо только их из коттеджа забрать – решил Капитан.

– А что с Красноперым и собаками делать будем? Я убивать человека не буду – спросил и заявил Вова.

– Это не человек, это – убудок! – проворчал Алексей.

Многих это насмешило.

– Может ты этим, и займешься? – насмешливо спросил Серега.

– Я не смогу – виновато ответил Алексей.

– Красноперого связать надо и спрятать куда-нибудь – предложил Капитан.

– В туалет для рабов по шею опустить – пошутил Дима – там как раз говна по горло и будет.

– Так и сделаем – серьезно сказал Капитан – а на голову отхожее ведро оденем.

– Только сначала фитиль приготовим – напомнил Серега.

– Только не убивайте – настаивал Дед – может человек еще изменится, исправится – молодой еще все-таки.

– Горбатого только могила исправит! – заметил Вадим – А в говно окунуть надо.

– А волкодавов я на себя беру – заверил Капитан – у Красноперого пистолет был травматический. Из него и перестреляю.

– Как ты до Красноперого доберешься? – с сомнением покачал головой Вова – Собаки такой лай поднимут!

Словно в ответ на его вопрос волкодавы подняли лай.

Невольники посмотрели в окно и увидели вышедшего на крыльцо усадьбы гостя.

Волкодавы, бешено лая, метались по вольеру. Гость, не обращая на них внимания, дошел до туалета. Собаки продолжали лаять. Через пару минут гость снова появился во дворе и, не спеша, скрылся в двери усадьбы.

Капитан все это время смотрел на часы.

– Собака лаяла четыре минуты – сказал он, когда Рашидов гость скрылся в усадьбе. – За четыре минуты надо успеть скрутить Красноперого и убить волкодавов. В это время "зверье" будет думать, что кто-то из них в туалет пошел.

– Зря мы все это затеяли – со страхом сказал Алексей – попадемся и крышка нам!

– Не каркай, попадемся, попадемся! – обозлился Серега.

– Можно и просто сбежать, но отомстить охота – сказал Вова.

– Мстить грешно – наставил Дед. Он, кажется, не одобрял идею теракта.

– Да иди ты со своими грехами! – вспылил Капитан – Я русский, я хозяин на своей земле, а не какие-то черножопые и мое дело решать строить им тут свои дома или нет.

– Капитан прав – подтвердил Дима – и тем более заставлять их строить бездомных.

– Мы не мстим – объяснил рассудительный Вадим – мы уничтожим лишь то, что сами же и строили.

– Овчарню бы поджечь с дровником и курятником – меч-

тательно сказал Вова, да скотину жалко.

– Да, – подтвердил Вадим – скотина не виновата, что человек хуже скотины!

Невольники уже давно зевали. Была половина второго ночи. Всем давно хотелось спать, но тревога перед предстоящим побегом держала их вместе. Им было не до сна. Некоторое время была тишина. Слышно было лишь, как молится Дед. В сарае было темно и рабы, как всегда жгли лучины.

– Надо разделиться – сказал Капитан – одни идут к Красноперому и волкодавам, а после за баллонами и в гараж (надо только будет у этого козла ключи забрать), другие в это время коттедж минируют. Там с той стороны, где коттедж надо будет "козла" поставить. На него забраться и "колючку" перерезать, а дальше – через забор и фитиль провести.

– Во сколько начинать будем? – спросил Вадим.

– Часа в четыре надо – ответил Капитан – самый крепкий сон у господ будет. К восьми рассветет, так что на все про все у нас часа три с половиной. Но уложиться надо за пятнадцать-двадцать минут. Еще уйти надо успеть. До соседней деревни семь километров пешком идти.

– Рискованный ты человек, Капитан! – с легкой завистью восхищенно выговорил Серега – Мне бы все это организовать и в голову не пришло бы.

– Боевой опыт – не без доли хвастовства улыбнулся бывший "афганец".

– А если ты во время возни с Красноперым и волкодавами

попадешься? – спросил молчавший все время Васька.

– Тогда мне хана – ответил Капитан и мужественная улыбка самурая, готового к смерти озарила его суровое лицо. – Действовать придется возле усадьбы. Связать Красноперого и убить собак – самое рискованное дело. Поймают – хана нам всем и первым – тем, кто возле усадьбы окажется.

– Может просто ворота открыть и сбежать? – снова предложил свою идею Дед.

– Или всем за ворота выбежать, а Капитан пусть в пекло лезет – придумал Серега – если у него все получится, вернемся взрывать, а если нет – он один попадетсЯ.

– Хорошо – ответил Капитан – только мне для подстраховки еще один помощник нужен. Есть доброволец?

Александр внимательно обвел взглядом окружающих. Все виновато опускали глаза.

– Я пойду – вдруг вызвался Вадим – я, если чего и рукопашным боем чуть-чуть занимался. Правда, не мастер, но все же...

– Хорошо – Капитан был доволен – молодой, крепкий... От тебя и правда пользы будет больше чем от стариков.

– Не такие уж мы и старики – обиделись Серега и Вова – баллоны с газом кто будет в дом таскать?

Дед, как всегда в таких случаях промолчал.

– Возьмите меня к себе – попросил Дима – Вы с Вадимом Красноперого и собак усыпьяете, а потом мы втроем тащим баллоны и взрываем гараж.

– Хорошо – ответил Капитан – а они пусть впятером коттеджем занимаются. Все согласны?

Согласны были все. Даже Дед, не желавший принимать участия в теракте, под конец решил, что справедливость быть должна.

– Справедливости нет – говорил он, когда еще спорил с Капитаном – иначе бы не умирали от голода невинные дети.

– Справедливость есть – отвечал ему Капитан – надо только творить ее своими руками.

Капитан посмотрел на часы. Было пятнадцать минут третьего. В одном из окон усадьбы еще горел свет.

Обсудив еще кое-какие мелочи, Александр скомандовал всем отдыхать до без пяти четыре.

Выспавшийся Дед добровольно взялся следить за временем.

Иногда во дворе раздавался громкий собачий лай. Через несколько минут он смолкал. И было очевидно, что хозяйева перестали обращать на него внимание.

Вскоре в окне усадьбы погас свет. Время шло, но, не смотря на усталость и глубокую ночь, никто из рабов не сомкнул глаз. Все сильно волновались перед предстоящей "боевой операцией". Наконец, Дед подошел к Капитану.

– Саш, вставай, без пяти четыре – шепотом сказал он.

Капитан живо поднялся.

– Вадим, пошли, хватит валяться – скомандовал он – Дима, будь наготове. Махну рукой, – побежишь калитку откры-

вать. Остальные по одному тихо...

Его прервал Алексей.

– Скажи честно, Капитан – спросил он – а тебе не страшно?

– Я боюсь только одного – ответил Александр, помолчав несколько секунд – струсить или стать подлецом. Я на своей земле и, когда я прав, я ничего не боюсь.

Капитан открыл дверь и, развернувшись, смело шагнул в темноту.

Глава 12

Вадим еле поспевал за "афганцем". Капитан, пригнувшись, бежал со всех ног – собаки не должны были лаять больше положенного.

Добежав до сторожки, Чернов осторожно заглянул в окно. Довольно улыбнувшись, он энергично замахал рукой. Вадим оглянулся назад. Из сарая бегом выскочила невысокая фигурка Димы. Добежав почти до Вадима, Дмитрий пригнулся за стоящими между гаражом и сторожкой машинами.

Капитан показал Вадиму пальцем на окно и махнул рукой. Изгнанник, быстро оббежав друга, открыл дверь и проскользнул внутрь. Следом за ним прошмыгнул Капитан.

В сторожке горел свет и висел запах перегара. Олег лежал на спине, широко раскинув ноги в разные стороны и громко сопел.

На столе стояла литровая бутылка водки, выпитая почти

на три четверти и лежал травматический пистолет.

Капитан уже стоял наготове у изголовья Олеговой кровати. Вадим быстро нашел выключатель и выключил свет. Александр в это время взял с груди Красноперого пульт и сделал погромче звук телевизора. Вадим прикрыл дверь и подошел к кровати.

Справится с Олегом оказалось нетрудно. По Капитановой команде каждый делал свое дело. Вадим сжал Вертухаю ноги и быстро уселся на них. Капитан, выкрутив ему руку, одновременно перевернул лежавшего на живот и также быстро и ловко выкрутил ему обе руки за спину. Вадим уже к этому времени успел сделать свое дело – ноги Олега были связаны прихваченным из Дедова баула шарфом. Олег попытался вырваться, но это ему не удалось. Прежде, чем он успел поднять крик, возле его головы оказался Вадим. Он быстро засунул в рот Красноперому брезентовую рабочую рукавицу.

Олег был сильно пьян. Что с ним происходит до его сознания не доходило.

Полдела было сделано. Теперь надо было прибить волкодавов.

Друзья быстро выскочили из сторожки и сделали, как договорились: Вадим присел на корточки за сторожкой поближе к калитке, на всякий "пожарный". Капитан одним мигом очутился возле вольера. Лай усилился. Затем раздалось несколько тихих, хорошо заглушаемых собачьим лаем вы-

стрелов. Послышался визг. И все смолкло.

В рабочем туалете еле слышно раздался треск отдираемой доски.

– Плотники работают – с улыбкой подумал Вадим – Красноперому карцер готовят. Не пролезет в очко то.

– Вадим! – услышал изгнанник тихий шепот Капитана.

Вадим быстро вернулся к двери. Оба зашли в сторожку. Красноперый брыкался и мычал, но звук телевизора делал его усилия неслышными.

– Собак пристрелил – шепотом сообщил Капитан – в глаза стрелял обеим. Давай-ка для храбрости!

Он взял со стола бутылку и протянул ее Вадиму. Изгнанник сделал несколько глотков и, поморщившись, передал ее Капитану. Тот быстро допил остальное.

Вадим тут же почувствовал, как слегка охмелел.

Куртка Олега висела на гвозде возле двери. Капитан с пистолетом в руках уже собрался выходить во двор, как дверь усадьбы отворилась и на крыльцо вышла Кемали. Она сонно зевнула и быстро пошла в туалет между вольером и сторожкой.

Друзья замерли, глядя на нее. Красноперый брыкался. Один взгляд Кемали в сторону сторожки или в вольер и вся операция пошла бы насмарку. Впрочем, попались бы только Капитан и Вадим. Дима прятался возле калитки за воротами. Остальные должны были разломать в туалете дырку для Красноперого и, затем, перекусить за коттеджем над забором

колючую проволоку.

Ничего не заметив, Кемаля вышла из туалета и быстро скрылась в усадьбе. Тишина ее не обеспокоила – собаки лаяли только на чужих.

Капитан открыл вольер.

– Давай быстро – ты одну, я – другую – шепотом сказал он – за калитку вынесем. Пусть Димка их в какую-нибудь канаву бросит.

– Зачем? – не понял Вадим.

Ему стало жутко от того, что сейчас придется брать в руки мертвую собаку.

– Затем, что, если чурки проснутся – раздраженно прошептал Капитан – увидят, что ни Красноперого, ни собак нет, решат, что он с ними по-пьяни погулять пошел. А если мертвых псов увидят – тревогу поднимут, то хана нам.

Капитан схватил первого волкодава за передние ноги и поволок его за сторожку. Вадим с отвращением взялся за второго. Собака была еще жива. Она билась в предсмертных судорогах. От этого Вадиму было особенно не по себе.

Дима стоял за забором, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Капитан быстро объяснил ему, что к чему и бегом помчался назад к сторожке.

Красноперого взвалили на плечи Вадима. Капитан первый вышел из сторожки, держа под прицелом дверь усадьбы. Следом за ним, сгибаясь под тяжестью ноши, вышел Вадим.

Красноперый извивался всем телом и неистово мычал, ко-

гда его погружали на дно туалетной ямы. Теперь он стоял по самую шею в дерьме. Возле туалета стояло заранее приготовленное отхожее ведро. Капитан бесцеремонно вылил его содержимое на голову Олега. Возле сортира уже стояла вся бригада. Не было только Димы. Но вскоре появился и он, неся большую канистру с соляжкой.

Ее тут же налили в ведро. Пока Дима возился со связкой ключей, подбирая нужный, и отпирал дверь в будке, остальные невольники быстро понеслись в коттедж и, отыскав канаты, приволокли их к будке.

Капитан, Вадим, Алексей и Дима остались распускать канаты и связывать полученные веревки.

Дед, Серега, Вова и Васька начали таскать в коттедж газовые баллоны. Требовалось заложить несколько баллонов на всех этажах, чтобы газ, спустившись вниз по закону физики, мог при помощи фитиля взорвать все помещение.

Вскоре веревки были готовы. Их пропитывали соляжкой в отхожем ведре. Этим занимались Вадим и Алексей. Капитан и Дима понесли вдвоем газовый баллон в гараж.

В коридоре, соединяющим кухню с коттеджем слышался грохот. Кто-то уронил баллон. Следом за грохотом – чей-то приглушенный мат.

Железная будка находилась недалеко от кухни. Взяв из нее баллоны, Серегина группа быстро тащила их в коттедж, чтобы меньше светиться во дворе, и там ставила в определенном месте, сразу открывая сопло и проверяя все ли за-

крыты окна.

Капитану и Диме приходилось тащить свои баллоны гораздо дальше, чем Серегиной группе. Отнеся один, они вернулись за вторым. Один фитиль был готов. Вадим, смотав, как лассо, длинную двадцати пятиметровую веревку тихими шагами побежал следом за Димой и Капитаном.

Возле гаража все трое встали отдышаться.

Капитан посмотрел на часы.

– Не укладываемся – сказал он – рассчитывали все за пятнадцать минут сделать, а прошло уже двадцать пять.

– Как бы "зверье" не проснулось – встревожился Дима.

– Ничего – успокоил его рассудительный Вадим – еще темно, не увидят. А до взрыва ничего не заподозрят. Вертухая хватятся – мало ли куда делся. Может с собаками спяну погулять пошел.

– Дай Бог, что бы ни заподозрили – вздохнул Капитан – а не то ребятам хана. Мы-то убежать успеем.

– Ладно, пора за дело – сказал Дима.

Они с Капитаном подняли баллон и затащили его в гараж. Вадим размотал фитиль.

– Хорошо, что земля мороженая – думал он – и лужи коркой покрыты. Фитиль в воде не будет валяться.

Он размотал веревку по земле. Надо было кусок засунуть в гараж поближе к баллону. Остальное должно сгореть постепенно минуты за три. За это время надо было успеть убежать, как можно дальше и встретиться с друзьями по дороге

или, если они разминутся – в бывшем цыганском доме.

Вадим, Дима и Капитан стояли на углу и ждали условного сигнала. Все трое нервничали. Капитан то и дело смотрел на часы.

– Что случилось, не понимаю – раздраженно говорил он – десять минут назад все должно быть готово.

– Ладно, у ребят работы больше, чем у нас, не успевают – пытался успокоить его Вадим, хотя сам он за друзей переживал не меньше.

– К тому же там только Вова, да Серега способные – подержал Вадима Дима – а эти трое одни проблемы создают.

Наконец на другом конце забора появился маленький огонек сигареты. Его было видно за версту. Это был условный сигнал. Пора было браться за дело. Капитан чиркнул спичкой, тоже прикуривая сигарету. На другом конце забора огоньком очертили небольшой круг. Капитан сделал тоже самое.

– Пора! – скомандовал он и сам же зажег новую спичку и, аккуратно, прикрыв ее от ветра ладонями, поджег фитиль.

– А теперь бегом отсюда! – весело добавил он и побежал с такой скоростью, что любой чемпион по бегу позавидовал бы этому уже не молодому человеку с прилично утраченным здоровьем.

Вадим и Дима еле поспевали за ним.

Они были уже на другом конце деревни, когда ночную тишину внезапно разорвал грохот нескольких взрывов.

Друзья остановились. Вдали взвились ввысь два больших огненных столба. Слышался звон разбитых стекол и грохот падающих на землю бревен. На глазах у беглецов рушился огромный коттедж и гараж.

В окнах жилых домов зажигали свет. Вдали, где бушевало пламя пожаров, слышались встревоженные крики, женский перепуганный плач.

Полюбовавшись пожаром, друзья обменялись злорадными улыбками, затем снова принялись бежать.

Глава 13

В окнах цыганского дома свет не горел. Благополучно добравшись до него, трое друзей остановились в нерешительности. Никто не знал – жилой ли сейчас этот дом. И что делать, если в нем окажутся хозяева.

Сергея со своей группой еще не появлялись.

Капитан нервничал. Закурив сигарету, он ходил из стороны сторону, время от времени поглядывая на дорогу – не появились ли друзья.

Дима внимательно осматривал окрестности, изучал двор цыган.

Вадим также, как и его друзья, сгорал от нетерпения, ожидая вторую группу. Немного вызывала волнение неизвестность, связанная с неопределенностью ночлега. Надо было искать другой вариант, если дом окажется занят. Но сначала нужно было дождаться остальных, убедиться, что все в цело-

сти и сохранности и только после этого решать, собравшись вместе, что им делать дальше.

Деревня была жилая. Вдоль длинной дороги, проходящей вдоль пары десятков бревенчатых домов, стояли высокие фонарные столбы, освещающие всю окрестность.

– И все-таки вот она, долгожданная воля! – весело думал изгнанник. Сердце радостно билось в груди. Хотелось по-детски прыгать и кричать от переполнявшей душу радости и пьянящего восторга – все получилось! Все удалось на славу! Мы теперь свободны!

Довольная улыбка озарила лицо Вадима. Его товарищи, похоже чувствовали тоже самое, не смотря на волнение за отставших друзей.

Примерно через полчаса вдаль показались небольшие черные силуэты. Раздался собачий лай.

– Наконец-то – обрадовался Капитан – не прошло и года!

Все трое радостно замахали руками. Силуэты сделали тоже самое. Однако, двигались они слишком медленно, словно никуда не торопились. Прошло еще минут десять, прежде чем причина их медлительности стала понятна – Дед не пожелал расстаться со своим барахлом и, совершив побег, тащил на себе тяжелые сумки и здоровенный баул. Ему по очереди помогали остальные спутники.

Увидев это, Капитан, Дима и Вадим разразились дружным искренним смехом. Хохотали долго, держась за животы.

Наконец обе компании встретились, радостно привет-

ствуя друг друга. Еще несколько минут беглые рабы сердечно обнимались, словно не виделись очень долго.

Капитан вышучивал Деда. Ему помогал Вова, рассказывая, как Максим Витальевич, едва загорелись два фитиля, схватил свои пожитки и рванул с такой скоростью, что догнать его было невозможно. Дед стоял, молча, и смущенно улыбался.

– Дед, ты бы еще печку с собой прихватил и отхожее ведро – насмешничал Капитан.

– Руки были заняты – ответил за него Серега.

– Ведро мог бы и на голову одеть – не унимался Капитан.

– А бежать как? – с улыбкой спросил Дед.

– А бежать не надо было – острил Серега – все равно "зверью" дом жалко, а не твое барахло.

– А рвануло как! – восхищенно сказал Дима – Аж душа в пятки ушла.

– Да, здорово! – подтвердил Вадим – даже не верится, что все это мы устроили.

– Да, кому расскажешь – не поверят – радостно подхватил Алексей.

– Такое только в кино показывают – добавил Вова – и дом и гараж с машинами – в щепки.

– А главное, что мы все целы, невредимы и своей цели, наконец, достигли. – заключил Капитан.

– Это точно – подтвердил Серега – ты молодец, Капитан! Настоящий боевой офицер! На деле доказал, на что спосо-

бен. Мы все тебе благодарны. Я бы все это устроить не смог.

Сергея подошел к Капитану и горячо пожал ему руку. Его примеру последовали все остальные.

Несмотря на царивший шум, в избе бывшего цыганского наркоторговца стояла тишина. Похоже, в доме никто не жил. Компания беглецов открыла ветхую полусгнившую калитку и, быстро пройдя двор, вошла в незапертую дверь. Зачиркали спички, и вскоре в доме загорелся свет. Друзья огляделись. В избе стояла большая русская печь. У окна – большой стол, пара скамеек и несколько табуреток. Возле стены – еще один стол, заваленный разными инструментами: ножовка, шурупы, гвозди, рубанок... Рядом со столом находилась раковина, над ней висел рукомойник. По углам и вдоль стен валялся разный хлам: какие-то тряпки, запыленные тапки, сапоги, дырявые ботинки, грязная и рваная старая одежда. Так же выглядела и единственная комната, вдоль стен, которой стояли три двухъярусных топчана. На покрытом толстым слоем пыли полу валялись несколько таких же пыльных одеял и матрасов.

Хозяйственный Дед тут же раздобыл веник и принялся выметать пыль с пола. Серега нашел ведро и быстро сходил за водой на колодец. Вова и Вадим обнаружили во дворе сарай, наполненный дровами, и вместе с Алексеем натаскали их в избу. Капитан растопил печь. Дима быстро помыл все найденные кружки, тарелки, ложки, вилки и ножи.

Через полчаса порядок в доме был наведен.

– А теперь прошу к столу! – с загадочной физиономией торжественно сказал Серега.

Вадим, Дима и Капитан были приятно удивлены.

Дед раскрыл одну из своих сумок и извлек оттуда семь бутылок коньяка, два батона хлеба, и десяток шампуров с нанизанной на них жареной бараниной. Порывшись на дне сумки, он достал оттуда еще трехлитровую банку с помидорами и несколько пригоршней печеной картошки.

Серега и Вова хитро улыбались, с самодовольным видом поглядывая на остальных.

– Вот почему вы так долго – с восхищением высказал свою догадку Капитан – и дом взорвали, и "зверей" обчистили. Молодцы!

– Что там чистить-то – поскромничал Серега, открывая бутылку коньяка – заходи в беседку и бери все, что хочешь – все даром. Надо было ее тоже взорвать.

– Работа у нас такая – воровать – с гордостью добавил Вова.

– Бедный Дед! Как он все это тащил, да еще вместе со своим барахлом?! – улыбнулся Вадим.

Коньяк был разлит по кружкам. Шашлык, картошка и томаты разложены по тарелкам, толстыми кусками порезан хлеб.

Начался пир.

– За нашу свободу! – громко и торжественно провозгласил Капитан.

– Ура! – хором весело заорали бывшие невольники.

Было уже около семи утра. Вадим чувствовал себя счастливым и был искренне рад впервые за долгое время чувствовать себя таким и видеть своих друзей такими же веселыми, жизнерадостными и счастливыми. Он с любовью смотрел на них. Все они были совершенно разные: разными по характеру, разные по образу жизни, разные по складу ума, разные по уровню образования, культуры и моральных ценностей. Но вместе с тем, это были его почти родные люди, люди, с которыми он столько времени ел из общего котла, спал на одном настиле, терпел все невзгоды и горечь тяжелой рабской жизни с ее бесконечными лишениями, обидами и унижениями и теперь, пережив опасное приключение, он был рад видеть их всех такими радостными и счастливыми.

– Вот оно настоящее счастье – думал изгнанник – видеть счастливыми своих несчастных друзей, думать также, как они и в сердце своем иметь те же чувства, что и у них. То нас сближало горе, теперь нас еще больше сблизила радость.

С каждой выпитой кружкой друзья веселели все больше и больше.

Капитан и Дима рассказывали, как они с Вадимом проделали свою часть работы, готовясь к побегу. Серега, Вова, Алексей и Дед с большим интересом слушали. Затем наступила их очередь рассказывать.

– У нас тоже все удачно прошло – начал Серега. – я монтажкой аккуратно доски в сортире выламывал для Краснопе-

рого, Дед свое барахло эвакуировал поближе к забору, а пока Васька и Алексей в коттедже "козла" искали, Вова жратву с бухлом воровал. Потом "козла" поставили и "колючку" порезали. Дед свои сумки через забор перекинул, кроме той, что со жратвой была (боялся бутылки побить), потом начали баллоны в коттедж таскать...

– Васька – дебил безрукий, баллон уронил прямо мне на ногу – пожаловался Вова – я этому дураку сказал – иди отсюда, без тебя справимся.

Тут только бригада беглецов спохватилась, что с ними не было Васьки. Его не любили в бригаде. С ним никто не дружил и не общался. Васька если не надоедал своим нытьем, то обязательно молчал. В бригаде привыкли его не замечать. Не заметили его отсутствие и теперь.

– Ну, где он может быть? – удивлялся Дима – как он хоть потерялся?

– А пойди, уследи за ним! – проворчал Вова.

– Некогда было – оправдывался Алексей – баллоны таскали, фитили мочили, все на нервах...

– Мы думали, он с вами убежал – печально сказал Серега. Все немного помолчали, чувствуя угрызения совести.

– Странно, что его до сих пор нет – удивился Вадим.

– Может быть еще придет – предположил Дед – дорогу он знает.

– Ладно, подождем – решил Капитан, найдется еще, может быть.

– Если, конечно, с ним ничего не случилось – заволновался Дед.

– Дурак дураком ведь – с досадой проговорил Вова – не дай Бог, погиб при взрыве!

– Ладно, не каркай, найдется! – заверил Дима – Может, растерялся при взрыве и заблудился.

– Ну конечно, заблудился! – парировал Капитан – Дорогу он не хуже нас знает. Ох, не нравится мне все это, очень не нравится!

– Какой бы не был человек, а все же свой! – добавил Вадим.

– А взрыв сильный был! – продолжал рассказ Вова – Мы, правда, всего четыре баллона поставили – два на первом этаже, два – на втором. Больше не успевали. Два фитиля провели к окнам на всякий "пожарный". Потом за забор их перекинули, сами перелезли, пустили Деда с барахлом вперед бежать, подожгли с Серегой – он один фитиль, я – второй и бегом оттуда. А Васьки и не видели.

Настроение у всей компании было испорчено, несмотря на то, что все были уже порядочно пьяны.

– Ладно, давайте еще по одной и спать – предложил Капитан – на утро опохмелиться оставим, хотя уже утро. Нам еще решить надо, что мы теперь делать будем.

– Что делать, что делать – беспечно сказал Серега – мы с Вовой без работы не останемся, Дима тоже.

– Работа у нас простая – подтвердил Вова – украл, выпил,

в тюрьму.

– Вот только зима на носу – добавил Дима – летом хоть на лавке ночуй, а сейчас ночлег ищи.

– Да ладно – успокоил его Вова – я тут одну блат хату знаю. Там все свои. Живи – не хочу, пей – гуляй, знай только – воруй.

– Уезжать нам всем надо из воронежской области – серьезно сказал Капитан – Рашид со своими братьями нас искать будут, а найдут – на части порвут.

– Я воровать не собираюсь – твердо сказал Дед – воровать грешно.

– Не воруй, тебя никто не заставляет – ответил Серега – проповедник выискался!

– Расходиться нам придется, кто куда – сказал Капитан – всю компанию легче найти, чем по одному переловить. У "зверей" ведь и мусора куплены. А из воронежской области надо, как можно скорее когти рвать.

– Ладно, давайте спать – предложил Алексей – что сейчас на пьяную голову решать, проснемся – решим.

– А все же интересно, что сейчас у Рашида на участке творится – злорадно сказал Вадим – вот бы посмотреть!

– Сходи, посмотри, может Ваську отыщешь – съехидничал Сергей.

– Привет от нас Рашиду передавай – вставил Капитан – и Красноперому тоже.

– Хорошо – весело сказал Вадим и, встав из-за стола, на-

правился к двери.

– Ты что? Я же пошутил – испугался Капитан.

– Я тоже – Вадим остановился в дверях и с улыбкой посмотрел на Чернова – пойду воздухом подышу, спать что-то совсем не охота. Заодно воды принесу.

Он взял, протянутое ему Димой ведро и вышел во двор.

Не смотря на смертельную усталость, спать не хотелось. У Вадима слегка кружилась голова: не то от усталости, не то от свежего воздуха, не то от спиртного. Изгнанник немного постоял во дворе, наслаждаясь тишиной.

Рассветало. На востоке на ясном небе показалось красное утреннее солнце. Исчезали звезды. Было морозно.

Вадим, поеживаясь от холода, вышел за калитку и направился по дороге в деревню. От хутора до колодца было метров сто.

Возле него изгнанник присел на ведро и, достав "Приму", закурил.

– Свобода хороша! – думал он, в который уже раз за эту ночь облегченно вздыхая. Опьяненное сознание добавляло какой-то окрыленности к его внутреннему ощущению восторга и радости. Хотелось прыгать, плясать и кричать. Сидя на ведре, Вадим широко улыбался.

– Что теперь делать только? – вдруг подумал он – опять по подъездам шататься? Где жилье взять, работу, деньги?

Он вспомнил свое существование до рабства.

– А будь, что будет! – решил Вадим. Ему не хотелось пор-

тить себе настроение.

Уже почти совсем рассвело. Небо приобретало свой дневной цвет. Стали отчетливо видны, стоявшие вокруг домов деревья в садах, заборы. Послышался крик петухов, лай собак.

Вадим впервые за очень долгое время чувствовал радость как-то особенно, по-детски. Он курил и любовался рассветом, слушал крики петухов, чирикание воробьев и карканье ворон.

Где-то впереди послышался шум едущей машины. Изгнанник беспечно поднялся с ведра (из-за колодца ему не было видно, что происходит впереди в другом конце деревни) и, вытянув шею, внимательно посмотрел на дорогу. Затем, широко раскрыв рот от удивления и испуга, он на секунду застыл, словно парализованный, и в следующую секунду, сев на корточки, в ужасе спрятался за колодец.

Прямо по дороге быстро мчалась красная "пятерка" Олега. За ней следом неслась бандитская "Вольво". Оба автомобиля быстро проехали мимо колодца.

Изгнанник на корточках переместился вокруг своего маленького укрытия и с ужасом, осторожно высунув голову, стал наблюдать за происходящим.

Машины остановились прямо возле хутора. Из дверей тут же выскочили люди. В них Вадим узнал своих порабощителей и их гостей.

Вадим прижался к колодцу, наблюдая с замирающим

сердцем, как разъяренная толпа бандитов, быстро миновав маленький двор, ворвалась в дом. В ту же секунду началась стрельба, раздались истошные вопли, полные отчаяния и боли предсмертные крики. Раздался звон разбитого стекла. Кто-то стремительно бежал по двору. В бегущем изгнанник с трудом успел узнать Капитана.

Александр одним махом перелез через забор и исчез из виду. Преследователи выскочили из избы и помчались за ним. Снова слышались звуки стрельбы. Потом стрельба прекратилась. Слышались крики на азербайджанском языке, после чего раздался полный ужаса протяжный пронзительный крик. И все смолкло.

Вадим сидел, не шелохнувшись, словно прирос к колодцу. Пора было уносить ноги, но страх словно парализовал его. Тело покрылось холодным потом.

Опять слышались разговоры на азербайджанском. Убийцы шумно о чем-то совещались. Они быстро вернулись к дому. Теперь они стали заходить в избу по двое и, волоча оттуда труп, перебрасывали его через забор в том месте, в котором перелез Капитан. Вадим с ужасом узнавал своих друзей. Сидя в ста метрах от хутора, он со слезами наблюдал эту леденящую кровь сцену.

Побросав трупы за забор, убийцы вышли через калитку со двора и, пройдя вдоль забора, скрылись за поворотом. Через несколько минут они довольные сели в свои машины. Автомобили промчались мимо затаившегося и бледного от стра-

ха Вадима и, домчавшись до окраины деревни, скрылись из виду.

Страх пропал вместе с бандитами. Теперь Вадим, выйдя из своего укрытия, стоял на дороге. Его давило чувство полного бессилия после всего увиденного. Снова изгнанник остался один, чужой всем и всему, одинокий и никому не нужный в этом мире. Отчаяние от чувства одиночества и собственного бессилия полностью охватило его. Он стоял, потрясенный внезапной гибелью друзей, не веря в то, что это произошло на самом деле.

Вадим бегом помчался в цыганский дом. Все внутри ясно говорило о происшедшей трагедии: опрокинутый стол с остатками пира, разбитое окно, через которое, вероятно, выскочил Капитан, разбросанные по полу вещи из Дедовых сумок, валяющиеся вокруг стола стулья. И все это было кошмарно залито большими кровавыми лужами. Стены дома забрызганы свежей кровью. В довершение ко всему, в доме царила какая-то мертвая и зловещая тишина, в том самом доме, в котором еще полчаса назад царило дружное веселье.

Вадим завыл во весь голос от горя и выбежал вон из избы. Он добежал до болота. Оно было почти рядом с хутором. От забора до самой воды тянулись красные полосы – кровь его друзей. Изгнанник постоял возле того места, куда бандиты сбросили трупы. Не в силах поверить в случившееся, Вадим, молча, стоял возле болота и тихо беззвучно рыдал.

Глава 14

– Извините, можно я тут у вас за столиком посплю пару часиков? – спросил Вадим, зайдя в кафе, находящееся возле автозаправки на каком-то шоссе.

– Да, пожалуйста – ответил продавец – клиентов все равно нет.

Он несколько удивленно пожал плечами. Продавец был примерно одних лет с изгнанником. Он с любопытством оглядел его с головы до ног. Вид Вадима был до нельзя жалок. Грязная осенняя куртка без нескольких пуговиц, явно не по сезону, была одета прямо на рубашку. Ни шарфа, ни перчаток, ни шапки. На ногах летние полуразвалившиеся старые кроссовки. Лицо изгнанника было сильно измученным. В глазах застыло выражение страха и смертельной усталости.

Беспомощный, как ребенок, изгнанник второй день бродил без денег и теплой одежды и питался, чем Бог послал в подобных этому заведениях. Где он находится, Вадим толком не знал. Единственная его цель была: найти первую попавшуюся железнодорожную станцию и уехать, как можно дальше из воронежской области, лишь бы подальше от Рашида и его братьев, которые могли случайно встретить его где угодно. Спать в придорожных кафе было рискованно, но он чувствовал себя совершенно обессиленным от постоянной ходьбы, измученный страхом преследования и голодом. Идти приходилось только пешком, так как с его внешним

видом Вадима не брали ни маршрутки, ни попутные машины, ни автобусы.

Сейчас изгнаннику хотелось только одного – хоть немного поесть и погрузиться в глубокий до полного беспомыслия сон.

Кафе было небольшое – маленький прилавок и несколько круглых пластмассовых столиков с пластмассовыми креслами. В нем было тепло и уютно.

На одном из столиков лежал недоеденный чебурек. Вадим трясущимися руками жадно затолкал его в рот и, так же жадно жуя, уселся за столик, с наслаждением греясь после холодной ноябрьской улицы. На улице моросил дождь, и изгнанник порядочно вымок и продрог.

Продавец был достаточно дружелюбен и приветлив и вскоре на столике у Вадима стояла пластмассовая тарелка, на которой лежали два бутерброда с колбасой. Рядом стоял стакан горячего чая.

Чувствуя на себе сочувствующий взгляд продавца, изгнанник мигом съел свою пищу и, поблагодарив благодетеля, положил голову и руки на стол. Через минуту он уже спал богатырским сном.

С места гибели своих друзей Вадим убежал немедленно. Он опасался, что местные жители, обеспокоенные стрельбой, вызовут милицию. Ее изгнанник боялся, так как помнил, как представители власти вернули Рашиду, сбежавшего Капитана. Воронежскую область Вадим не знал и просто

шел, куда глаза глядят, спрашивая прохожих, как ему добраться до железнодорожной станции. Это оказалось делом нелегким, так как станция находилась достаточно далеко.

Через два часа продавец разбудил изгнанника.

За соседними столиками сидели несколько посетителей. Они тихо переговаривались, пили кофе.

Проснувшись, Вадим сидел за столиком. Два часа глубокого сна придали свежих сил его измученному телу. Мысли тоже стали яснее. Покинуть гостеприимное кафе не хотелось. Предстоял долгий путь.

Дверь отворилась, и на пороге появился новый посетитель. Глянув на него, Вадим обомлел. Перед ним в пяти метрах стоял Васька. На нем была одета новая, чистая и весьма приличная одежда: зимняя куртка, джинсы, зимние ботинки. На голове у Васьки красовалась новая спортивная шапочка.

Столик, за которым сидел изгнанник, находился в самом дальнем углу. Васька прошел мимо него, не заметив своего товарища, и оказался возле кассы.

– Мне пятнадцать сосисок с кетчупом, горчицей и майонезом, четыре яйца с майонезом, два бутерброда с ветчиной, салат "Оливье" четыреста грамм и кружку разливного пива – важным голосом сказал он.

В кафе повисла тишина. Все с удивлением смотрели на странного покупателя.

Вадим, из всех сил зажав рот, давился от смеха, но обна-

руживать себя до поры до времени не стал.

Продавец, постояв в недоумении, весело улыбнулся и поспешил выдать заказ.

Васька вынул из кармана большой тугой кошелек и, достав оттуда деньги, небрежно протянул их продавцу. Тот с улыбкой, молча, принял купюры и, также молча, выдал сдачу.

Сядясь за столик, Васька даже не снял шапочку. Ел он быстро, жадно и сосредоточено. Все посетители кафе вместе с продавцом с большим любопытством наблюдали за ним.

Вадим так и остался незамеченным. Он сидел напротив своего бывшего товарища и с завистью и презрением наблюдал, как Васька поглощает сосиски.

– Ты бы их жевал сначала – не вытерпел наконец изгнанник.

В кафе поднялся дружный хохот.

Васька вздрогнул и поднял голову. Глаза бывших друзей встретились. В одних был страх загнанного зверя, в других глубокое презрение и укор.

Встреча с Вадимом была Ваське явно не на руку. Он быстро покосился на дверь.

Изгнанник поднялся и, не спеша, вразвалочку подошел к столику своей жертвы.

– Может, для начала пивом угостишь старого друга? – насмешливо спросил он.

Бесцеремонно схватив сосиску, Вадим принялся ее мед-

ленно жевать.

– Да, конечно! – заторопился Васька. Он поднял вверх правую руку и с важным видом щелкнул пальцами – еще кружку пива.

В кафе снова поднялся хохот.

– Слышь, брателло, мы тоже хотим – вмешался один из посетителей.

Хохот поднялся снова.

Вадим подошел к продавцу и, взяв из его рук пивную кружку, не спеша, вернулся назад.

– Плати – надменно сказал он.

Васька тяжело вздохнул и вытащил из внутреннего кармана куртки кошелек. Кошелек был достаточно тугим. Из него выглядывали огромное количество денежных купюр. Васька трясущимися пальцами достал сто рублей и протянул их Вадиму.

– Сдачу оставь себе – робко сказал он.

– А теперь дай пожрать – так же надменно потребовал изгнанник и, не дожидаясь приглашения, с жадностью принялся поедать Васькину пищу.

– Теперь пошли на улицу, разговор есть – сурово сказал Вадим, когда с едой было покончено.

По выражению лица Васьки было видно, что он испытывает большой страх, но все же послушаться изгнанника он не осмелился. Они вышли на улицу, и отошли за угол кафе.

– А теперь рассказывай все по порядку – Вадим был строг.

Васька съежился и помрачнел, затем тихо сказал:

– А что тут рассказывать! Уронил я нечаянно баллон с газом прямо на ногу Вове. Он меня и прогнал. Ну, я ушел. Чем заняться не знаю. Пошел к гаражу. Подошел к машинам, которые возле гаража стояли и нечаянно что-то ногой пнул в темноте. Поднимаю – кошелек. А в темноте не видно, сколько там денег, но чувствую – тугой.

Васька все время рассказа опускал глаза, теперь же виновато посмотрел на Вадима.

– Ну, я и решил – не пойду с вами, а убегу в другую сторону, чтобы не делиться. У меня к тому же и дом почти рядом в Анне, мать, отец. Пару дней у них поживу, думаю, дальше видно будет. Вот одежду купил себе новую.

Изгнанник нахмурил брови.

– Вадим, я с тобой поделюсь – заторопился Васька – только остальным не говори.

Он достал кошелек и, вытащив оттуда тысячу рублей, быстро протянул их Вадиму.

– Так сколько ты денег нашел? – изгнанник презрительно улыбнулся.

– Немного – помявшись, ответил Васька.

– Говори, сколько! – прорычал Вадим, хватая своего приятеля за воротник.

– Четыре штуки баксов – выдавил из себя бледный от страха Васька – Вадим, я поделюсь.

– А теперь говори, убудок, как Рашид узнал, где мы на-

ходимся? – изгнанник угрожающе замахнулся кулаком.

– Я рассказал – ответил Васька – ну посуди сам, Вадим, они же меня нашли бы. Струсил я.

– Ах ты, гнида! – прошипел Вадим – знаешь, что с такими, как ты делать надо?

Васька издал неистовый вопль и, резко оттолкнув Вадима, выхватил из его руки воротник. В эту же секунду он, выскочив из-за угла кафе, побежал в сторону заправочной станции.

– Милиция, милиция! – что есть силы орал он, нелепо размахивая руками, при виде подъехавшей на заправку милицейской машины – Помогите, грабят!

Вадим мигом оценил сложившуюся ситуацию: прилично одетый Васька с туго набитым кошельком стремительно удирал от "грабителя" – грязного, плохо одетого бомжа. Доказать, что изгнанник – не грабитель будет невозможно, а такой подлец, как Васька, без всяких угрызений совести, чтобы спасти собственную шкуру, посадит своего друга в тюрьму.

Уповая на милость Божию и быстрые ноги, Вадим побежал в противоположную от заправочной станции сторону.

Темнело. Дул противный мокрый ветер. Изгнанник, не помня себя от страха, добежал до находящегося недалеко от АЗС леса. Ему удалось обмануть преследователей и скрыться в кустах. Теперь Вадима трясло от злости. Изгнанник познал еще одно чувство собственного бессилия, когда перед ним стояла не превосходящая по силе личность, а жалкий

трус, подлец и предатель, на совести которого гибель целой компании его друзей. И этот слабак, хитро вырвавшись от заслуженной расправы, подло обратился в бегство своего справедливого судью. И не было возможности воздать ему по заслугам.

Часть 2

Глава 1

В подвале было душно и сыро. Свет электрической лампочки плавно разливался по небольшой комнатке, освещая старый диван и большой деревянный ящик, заменяющий стол. Рядом с ящиком Вадим и его приятель Кузьмич, шестидесяти трехлетний старик сидели на старых стульях с продавленными сидениями.

– На, открывай – сказал Кузьмич, протягивая изгнаннику пузырек спирта.

Вадим открыл крышку, разлил содержимое пузырька в два пластмассовых стакана, стоящих на ящике и разбавил спирт водой из-под крана. Кузьмич достал из кармана маленькое яблоко. Они выпили.

– Я сегодня со своей поругался – начал рассказывать Кузьмич – вчера пьяный пришел с работы, проспал весь день. Сегодня получил от нее.

К Кузьмичу Вадим заходил частенько – посидеть погреться зимой в теплом подвальчике старой пятиэтажки, выпить

(если было) водки или спирта, покурить, а иногда и поесть.

Кузьмич часто выручал изгнанника. Он дал ему старую поношенную телогрейку, теплую шапку-ушанку, свитер, варежки и тренировочные штаны, купил рубашку и нижнее белье. И, благодаря стараниям старика, Вадим был одет и не мерз в эту минувшую холодную зиму. Лишь, зимнюю обувь изгнанник нашел сам на помойке.

Кузьмич работал дворником. В подвале пятиэтажки хранил инвентарь. Там же выпивал, принимая гостей-собутыльников. Старик не был интересен Вадиму, как собеседник: вечно жаловался на жену, рассказывал скучные подробности своего быта и всегда надоедал своими разговорами. Но у Вадима не было другого выхода, кроме как ежедневно навещать Кузьмича. Поэтому изгнанник чувствовал себя неловко, когда ел и пил за счет своего нового товарища и, при этом, погружаясь в свои размышления, совсем не слушал собеседника.

Старик был случайно встреченный в жизни Вадима человек, сделавший изгнаннику немало добра. Именно он помог ему найти на зиму жилье, когда Вадим, высадившись с электрички в городе Ефремов в Тульской области, печально бродил по новому незнакомому городу.

В тот день изгнанник сидел на лавочке возле старой пятиэтажки в полном одиночестве и унынии, горько вздыхая от своей нелегкой жизни. Кузьмич, как раз был на работе. Он подошел к Вадиму и предложил ему выпить водки, затем

повел в свой подвал.

За бутылкой изгнанник поведал ему невеселый рассказ о своей злосчастной судьбе. Старик внимательно слушал, сочувственно вздыхая, и предложил помощь. В этот же день он отвел своего нового знакомого к одному собутыльнику.

Первое, что испытал Вадим, войдя в незнакомую квартиру – это чувство отвращения от исходившей вони. Рядом с небольшой прихожей, как выяснилось впоследствии, находилась комната. В ней на полу – люк, ведущий в погреб. (Квартира располагалась на первом этаже в старом сталинском доме.) В погребе лежала протухшая рыба, которую никто даже не пытался убрать.

На кухне сидели несколько весьма помятого вида мужиков и одна пятидесяти лет на вид женщина – жена хозяина квартиры. На подоконнике стоял старый кассетный магнитофон. Звучали песни М. Шуфутинского. Неимоверно толстый, мускулистый, с огромным животом и неуклюжими быстрыми движениями тип, что-то оживленно рассказывал собравшейся аудитории, которая с веселыми, беззаботными улыбками с большим интересом его слушала. Лицо этого типа искажала дикая, жестокая гримаса. Смуглое лицо больше походило на обезьянью морду, покрытую двухнедельной щетиной. Голову, которую очень давно не мыли, украшали густые черные кучерявые волосы.

- Здорово, Леш! – сказал Кузьмич, протягивая ему руку.
- Здорово, Кузьмич! – ответил хозяин квартиры – А это

еще кто такой?

Он бесцеремонно показал пальцем на Вадима, недружелюбно уставившись на него своими черными глазами.

– Это Вадим, мой друг – вежливо ответил Кузьмич – прошу любить и жаловать!

– А-а – протянул страшила – ну, наливай, коль пожаловал! Вместо изгнанника Кузьмич достал из кармана недопитую бутылку водки и поставил на стол.

– Водку будешь? – спросил Леша у Вадима.

– Да – изгнанник утвердительно кивнул головой.

Ему протянули грязный, липкий, весь заляпанный непонятно чем стакан.

– А где его помыть можно? – спросил Вадим, поворачиваясь к раковине.

– Кран уже месяц, как сломан – обиженно сказала женщина – вон этот алкаш его уже месяц не может починить.

– А ты шо, интеллигент шо ли? – спросил Вадима один из алкашей – пей так, будешь, как все!

Страшила Леша рассказывал анекдоты. Его товарищи весело хохотали. Наташа, его жена обменялась любезными улыбками с одним из пьяниц. Затем, взяв за руку своего избранника, быстро увела его с кухни. Спустя время из одной из комнат раздались любовные стоны.

Леша сидел, как ни в чем не бывало.

– Наливай! – весело крикнул он.

За «наливай!» он, кажется, был готов на все.

Так началась новая жизнь Вадима. Он договорился со Страшилой, как прозвал изгнанник своего благодетеля о том, что цена жилья будет стоить – бутылка водки в день. Вадим не представлял, где он будет ежедневно доставать водку, также, как и не знал, где он будет доставать пищу. И каждый день, выходя утром на улицу, он не знал, как сложится день.

Но тем не менее зима была снежная, и изгнанник без труда устроился работать дворником и этим зарабатывал на жизнь. Часто, особенно в первое время, ему помогал Кузьмич. Старик частенько подкармливал и поил алкоголем своего молодого друга. Так проходил день за днем. Тянулись серые скучные будни. От них закрадывалась в душу тоска. В свободное от работы время (его было много, когда не было снега и было мало, когда снег валил бесконечно) Вадим бесцельно шатался по незнакомым улицам или сидел на какой-нибудь лавочке. Часто от этого бесцельного бессмысленного существования настроение было мрачным. Денег платили мало, но изгнанник умел экономить. Он покупал в магазине самые дешевые продукты, платил дань и оставшиеся деньги пропивал. Происшедшие недавно события сильно ранили душу. Вадим часто вспоминал погибших друзей. Дома изгнанник старался бывать, как можно меньше, чтобы не видеть того, что там происходило: бесконечные пьянки, драки, глупые похабные разговоры.

Наташа часто изменяла мужу в соседней комнате. Леше было на это плевать. Это сильно шокировало Вадима. Впро-

чем, не только это, но и многое другое.

Новый Год Вадим встретил скромно. Он выпил один пузырек спирта и, предавшись своим невеселым мыслям, лег спать. Но уснуть ему никак не удавалось. В голову лезли самые мрачные мысли. Вспомнился тот последний Новый год, который он встретил дома, то есть в Москве, в своей квартире. Настроение тогда, как и теперь было мрачное. В этот день он долго уговаривал Оксанку остаться с ним в новогоднюю ночь, но она, все-таки, ушла к Сергею. Вадим остался один. К двенадцати часам он был уже хорошенько поддатый и, тупо уставившись в экран телевизора, безучастно слушал новогодние поздравления. Потом так же безучастно щелкал телевизор с программы на программу и, не найдя ничего интересного, он раздраженно выключил его.

За окном взрывались петарды. Многочисленные голоса вразнобой кричали: «Ура!»

Вадим подошел к окну и, распахнув его, закурил, любуясь разноцветными огоньками петард. И тут раздался телефонный звонок. Вадим закрыл окно и пошел в коридор к телефону. Из трубки раздался пьяный и веселый Оксанкин голос:

– Алло, Вадик, привет! С Новым Годом тебя!

– С Новым Годом! – ответил Вадим недовольным голосом.

– Чо делаешь?

– Телевизор смотрю.

– А-а. А мы тут Новый Год по-русски отмечаем в настоящей русской избе. В настоящую русскую баню ходили днем. Тут у Сережи такие друзья крутые, все со стволами, целая бригада!

– От меня ты что хочешь?

Оксанка чуть помолчала, видимо обдумывая, чего она действительно от него хочет и, наверное, не найдя ничего лучше, решила поиздеваться:

– Вадик, а ты не хочешь с нами самогона выпить, настоящего русского самогона?

– Нет, не хочу.

– Киска моя, с кем это ты трепишься? – слышался чей-то мужской голос.

– Я что все должна тебе докладывать?

– Дай мне трубку.

– Зачем? Может у меня секс по телефону.

– Я тоже хочу с ним пообщаться.

– Алло, Вадик, с тобой Сережа пообщаться хочет. Я даю ему трубку.

У Вадима не было ни малейшего желания общаться с любовником его жены. Но его никто не спрашивал.

– Алло!

– Алло!

– Как тебя зовут?

– Вадим меня зовут.

– Ты считаешь, большая разница, как тебя зовут? Тебе

проблемы нужны? Будут проблемы.

– Сережа, успокойся, это мой муж – слышался взволнованный Оксанкин голос. Она взяла трубку – Алло, Вадик!

Вадим положил трубку. После хамского разговора с Сергеем его трясло от злости. Он вернулся в комнату, несколько раз прошелся по ней из угла в угол, затем, подойдя к столу, налил рюмку водки и, выпив ее, закусил кусочком сыра.

Стол был накрыт на скорую руку. С уходом Оксанки у Вадима опустились руки и целый день возиться на кухне, приготовляя салаты, он не стал. Ограничился лишь тем, что пожарил картошки, порезал сыр, копченую колбасу и сало, да трехлитровую банку огурцов выставил прямо на стол, не обременяя себя выкладыванием их на тарелку. Кухонный стол был перенесен в комнату – поближе к телевизору.

Вадим еще немного походил по комнате и, наконец, устав, сел на диван. Злость не проходила. Вдобавок, он представил, как его законная жена развлекается с бандитами в русской бане. Это представление вывело его из себя. Вадима все начало раздражать: и этот Новый Год, и этот совсем не новогоднему накрытый стол, и это его одиночество, и это беспощадное чувство собственного бессилия. Он выпил еще рюмку водки, закусил опять куском сыра и, посидев с минуту молча на диване, вдруг резко вскочил и заорал:

– Да пропади оно все пропадом!

Небольшая искусственная елка стояла на комодe рядом с телевизором. Вадим подскочил к ней и резко столкнул ее с

комода. Елка упала на пол. Раздался звон разбившихся игрушек.

– У-у, шлюха, устроила мне Новый Год! – с этими словами он пнул елку ногой.

Телефон опять зазвонил. Несчастный муж выскочил в коридор, схватил телефонную кому трубку и швырнул ее обратно. Кроме Оксанки звонить было некому.

От этих воспоминаний настроение изгнанника опять испортилось, но ненадолго. Вадим, вдруг вспомнил про своих хозяев и немного поулыбался.

У них в квартире даже не было елки. Хозяева Новый Год не отмечали. У них не было празднично накрытого стола. Леша и Наташа, напившись днем водки, пьяные проспали праздник. Проснувшись среди ночи, они устроили между собой драку, разбудив этим Вадима.

Леша и Наташа обыкновенно были дома. Если Леша иногда куда-нибудь отлучался ненадолго, он пристегивал супругу наручниками к батарее, что бы Наташа без него чего-нибудь не пропила.

Поначалу это сместило Вадима, но потом ее жалобные вопли и зов о помощи начинали раздражать. Изгнанник не вмешивался в отношения этой пары. Домой он старался приходиться только на ночлег, не редко пьяный. Питался Вадим на улице, съедая всухомятку дешевые продукты. Хранить их дома в холодильнике и тем более готовить было невозможно – хозяева и их собутыльники могли запросто все съесть сами.

Так прошла зима. Теперь изгнанник сидел в душном подвале у Кузьмича и, немного выпив спирта, ломал голову, как ему жить дальше. Сегодня на него свалились две неприятности. Первая – хозяин квартиры увеличил плату за ночлег. Он теперь требовал две бутылки водки в день. Вторая – Вадим накануне напился и на следующий день не вышел на работу. Несколько раз ему прощали подобные прегрешения, а теперь приговор был неумолим – увольнение. Ситуация была непоправимой.

Накануне Кузьмич познакомил Вадима со своей новой знакомой Леной, одногодкой изгнанника. Лена, как и Вадим, была бездомной, как и Вадим – сирота. Ее лучшая подруга навела на нее бандитов. Те, отобрав у нее квартиру в Пензе, отвезли девушку в багажнике машины прямо в Турцию и там продали в рабство в один из публичных домов. Там бедную девушку целых две недели постоянно насиловали и били. Потом из нее сделали проститутку. Полтора года Лена работала на своих хозяев бесплатно, обслуживая по двадцать клиентов в день. Девушку часто жестоко избивали. Она перенесла четыре сотрясения мозга и ее постоянно мучила головная боль. На глазах у Лены хозяева убивали ее подружек, которые пытались сбежать. Полиция беглянок привозила назад. Через одного клиента из России Лена умудрилась передать записку своему троюродному брату, сообщив ему свое место нахождения. Родственник помог – вытащил сестру из рабства через русское посольство. Вернувшись в Рос-

сию, Лена оказалась в положении бомжа. У ее единственного родственника была своя семья, и жить у него девушка не могла.

– Наверное, сам Бог свел две несчастные судьбы – думал изгнанник. Общего у него с Леной было немало.

Вчера, познакомившись у Кузьмича в подвале, Вадим и Лена целый день гуляли по городу. За день они выпили две бутылки водки. Вечером изгнанник повел свою спутницу провожать домой. Лена ночевала в колодезном люке. Они подошли к краю длинного пятиэтажного дома и под покровом темноты, что бы жильцы не вызвали милицию, осторожно открыли люк. Быстро спустившись вниз, Вадим и Лена оказались на большом двуспальном матрасе. Его подружка, пошарив в темноте, зажгла свечку. Хихикнув, озорная девушка полезла целоваться. Все остальное изгнанник помнил с трудом. Он был сильно пьяный. Утро следующего дня началось для него в два часа. Вадим долго лежал на матрасе, мучаясь похмельем. Через час, совершив над собой неимоверное усилие, он поднялся. Они с Леной выпили пузырек спирта и закусили снегом. Изгнанник пошел домой. Дома он едва вспомнил, что не был на работе. Как назло, этот день был очень снежным.

– Будь, что будет! – подумал Вадим, снова ложась спать.

На следующий день вдвое подорожала «квартплата», а на работе на беспечного пьяницу обрушился приговор – увольнение.

Теперь изгнанник сидел на стуле в подвале у Кузьмича, пил водку и слушал его скучные разговоры.

Кто-то робко постучал в дверь. Послышался беспечный голос Лены:

– Вадим, Кузьмич, вы здесь?

Через минуту озорница сидела на коленях у Вадима и, лукаво улыбаясь, смотрела ему в глаза. На столике стоял маленький флакон огуречного лосьона – Ленин подарок друзьям. Водка была допита, и Кузьмич быстро разлил содержимое флакона по стаканам.

Вадим еще ни разу в жизни не пил одеколон.

– До чего я опустился! – подумал он и, вдруг почувствовал, что ему стало глубоко безразлично – что он ест, что пьет, на чем спит и во что одевается. Это новое открытие приятно удивило его. – Оказывается можно просто жить и ни к чему не стремиться, ничего не хотеть и никуда не спешить – подумал он – и когда тебе ничего не надо – плевать абсолютно на все.

Он с веселой улыбкой опрокинул в рот содержимое стакана.

Выпить больше было нечего. Друзья стали расходиться. Вадим в обнимочку с Леной вышли из подвала. Изгнанник был заметно пьян. Они долго бегали по заснеженной улице, резвясь, словно дети, играли в «снежки». Наконец Лена, взяв Вадима за руку, повела его в свое нехитрое жилище.

Изгнанник был молод, и его похоть часто не давала ему

покоя. Находясь в рабстве у Рашида, Вадим за все время даже рядом не стоял с женщиной. Завязав же теперь роман с Леной, своей подругой по несчастью, он был очень доволен и благодарил судьбу за этот непредвиденный подарок.

– А жизнь все-таки прекрасна – думал он, открывая крышку люка – несмотря ни на что!

Глава 2

Прошел месяц, ставший для Вадима и его подружки медовым. Изгнанник так и не нашел ни нового жилья, ни новой работы. Но это его нисколько не беспокоило – рядом была девушка, с которой ему было хорошо.

Лена бомжевала уже около двух лет и умела выживать в любой ситуации. Для Вадима она была просто находкой. Небольшого роста, худенькая, с большими синими испуганными глазами, круглым симпатичным лицом и длинными белыми волосами, она казалась маленьким беспомощным котенком посреди большого грубого и беспощадного мира. Рядом с ней изгнанник чувствовал себя богатырем. Лена была добрая, очень чуткая и внимательная, робкая и, в то же время, достаточно решительная. Она много пила, мало ела и средства на свое непотребное существование находила без особого труда.

– На помойке можно найти абсолютно все – считала она – и пустые бутылки, и цветной металл, и одежду, и мебель.

Лена ежедневно ходила на «прииски», как она, шутя, называла мусорные бункера и контейнеры. Насобирав цветно-

го металла, пустых бутылок и картона, девушка неслась с ними в приемные пункты и, получив деньги, покупала выпивку и на оставшиеся гроши – дешевые, не нуждающиеся в приготовлении продукты. Она подключила к этому занятию и Вадима.

Выпив водки или спирта, а иногда и чего-нибудь еще: настойки, одеколона, розовой воды, духов, в общем – все, что содержало спирт, изгнанник притуплял стыд. К тому же, вместе с Леной ему было все равно, что о них думают прохожие. Девушка не гнушалась и воровством и брала все, что плохо лежало.

Иногда удавалось найти какие-нибудь хорошие вещи. Прожженная опытом, Лена искала покупателя и продавала все за копейки. Так игру «Ну, погоди!» в почти новом состоянии она отдала прохожему за двадцать пять рублей.

– Ты что, сдурела?! – негодовал Вадим – эта игра сто пятьдесят рублей стоит, не меньше.

– За сто пятьдесят ты будешь целый день, если не больше, покупателя искать, если вообще найдешь – спокойно возразила Лена – а за двадцать пять любой купит, не торгуясь. А это – два фурика спирта! Нельзя быть таким жадным, Вадим – она же нам, все равно, на халяву досталась!

Лена смотрела на изгнанника с лукавой, манящей улыбкой и Вадим забывал обо всем.

Ежедневно они заходили в подвал к Кузьмичу. Старик не одобрял их образа жизни, считая, что молодая пара может

найти себе работу и жилье, снять квартиру и жить по-человечески. Но Лене этого совершенно не хотелось. Глядя на нее, изгнанник тоже обленился.

Каждый день Вадим, Лена и Кузьмич пили водку или спирт. И если старик принимал алкоголь в меру, то молодая пара напивалась без всякой меры, мучаясь по утрам сильным похмельем.

Наступила весна, закончились морозы, таял снег. В колодезный люк постоянно просачивалась вода. Жить в нем больше было невыносимо. В этих условиях пьянство спасало изгнанника и его подружку – напившись спирта, они спали, как убитые, не чувствуя ни сырости, ни духоты. Так прошел месяц.

Лена научила Вадима попрошайничать, и они на пару кланчили деньги у прохожих возле какого-нибудь магазина или палатки. Изгнанник сделал открытие, что попрошайничать не так унижительно, как побираться. Правда, побираться тоже приходилось. Выпив на двоих пузырек спирта, Вадим и Лена приходили к церкви и, стоя у дверей храма, просили милостыню.

Верующие подавали охотно, хотя среди них находились и такие, которые осуждали и даже ругали несчастную пару.

Изгнанник и его подружка приходили к храму к воскресным и праздничным службам. В эти дни народу в церкви было много и, соответственно, прибыль получалась по меркам бедолаг не маленькая – в среднем полторы тысячи рублей на

двоих, а когда и больше. Этих денег хватало на несколько дней. Вадим и Лена жили очень даже неплохо. Даже иногда покупали горячую шаурму и чебуреки.

– Мы ведь тоже люди – говорил Вадим по этому поводу – нам тоже хочется вкусно поесть.

– Правильно – отвечала Лена – надо жить одним днем.

Жизнь была бы легкой, веселой и беззаботной, если бы не скорбь, которая терзала душу Вадима. У изгнанника после всех пережитых страданий была сильная обида на жизнь. Он часто вспоминал свой родной Мурманск, покойницу мать, Кольку, погибших друзей, Москву, Оксанку.

Однажды Вадиму приснился сон: детство, он, Вадим сидит дома в своей комнате и играет на скрипке. Мать слушает его музыку.

– Вот вырастешь, станешь известным музыкантом, закончишь консерваторию – говорит она мечтательно – у тебя, Вадюша, талант!

Наигравшись, он ложится спать на чистое белое постельное белье и, накрывшись одеялом, лежит и думает:

– А хочу ли я, действительно, быть известным музыкантом?

С этими мыслями изгнанник проснулся и не сразу осознал, где он находится. Не сразу понял, что он, Вадим – не маленький мальчик, играющий на скрипке, а взрослый мужчина, алкоголик, бомж и неудачник. Увидев разницу между тем, кем изгнанник хотел быть и тем, кем он стал, он чуть не

завыл от сильной душевной боли.

У Лены на душе тоже была скорбь, не менее сильная, чем у ее кавалера. Она переживала из-за навеки потерянного жилья, невинного позорного прошлого, сломанной жизни. Вдобавок, несчастную девушку постоянно мучила сильная головная боль. За время рабства в турецком публичном доме Лена приобрела сильную блудную страсть. Ей постоянно хотелось секса. Вадим был для нее утешением в страдании, как, впрочем, и она для Вадима. Вместе им было не так тяжело и не так одиноко.

Наступила Пасха, а за ней и Красная Горка. Вадим и Лена целый месяц лазали по местным кладбищам, находя на могилах стаканчики с водкой и вином, сигареты, крашеные яйца и пасхальные куличи. Хоть молодую пару и прогоняли кладбищенские сторожа, все же изгнанник и его девушка успевали и прилично выпить, и как следует закусить, и даже иногда украсть с какой-нибудь заброшенной могилы крест, чтобы сдать его в металлоприемный пункт.

В большом мусорном бункере они нашли небольшую сеть. Лена тут же предложила смастерить ловушку для голубей. Ловили их на крышах домов. Ошпаривали горячей водой на чердаке и там же ощипывали. Пищу готовили в лесу на костре.

– Ты знаешь, Вадим – сказала Лена – а ведь мы с тобой вполне счастливые люди! Мы живем, как хотим – едим, пьем, спим, трахаемся и ни от кого не зависим. Мы вольные,

как ветер. Люди живут – с детьми нервы мотают, с утра пораньше на работу идут, и целый день пашут, а мы с тобой с утра цвет металл сдадим, нажремся и никаких забот. Мне такая жизнь даже нравится, хоть и грустно порой бывает. Мне всю жизнь любви не хватало. Использовали меня мужики, когда я в рабстве в публичном доме жила, и никто не любил. А с тобой мне так хорошо! Хорошо, что мы встретились и вместе мы не одиноки!

Она сделала небольшую паузу и добавила:

– Кузьмич этот надоел своим ворчанием, все учит и учит!

– Да, нудный старик! – согласился изгнанник – Но я от него зависел всю зиму. Он меня поил и кормил.

– Давай больше не будем к нему ходить? – предложила Лена – теперь ты от него не зависишь. И вообще мы люди вольные. Давай путешествовать? Что мы все время на одном месте сидим?!

– Давай! – ответил Вадим – Мир посмотрим, себя покажем.

– На берегу какой-нибудь речки шалаш построим и будем рыбу ловить – размечталась Лена.

– И будет у нас рай в шалаше – добавил Вадим – и пойдем мы, куда глаза глядят.

Они долго лазали по мусорным контейнерам в поисках наживы, потом ходили в приемные пункты. В итоге получили три пузырька спирта, пачку дешевой «Примы», банку кабачковой икры и батон черного хлеба. Вадим нашел в контей-

нере почти новую осеннюю куртку.

Сборы в путь были весьма недолгими, так как собирать было нечего. Вадим и Лена сели на крышку люка и, выпив на дорожку спирта, тронулись в путь.

Глава 3

Изгнанник и Лена любовались пейзажем: огромное озеро, вокруг которого росли высокие березы, сгибали ветви плакучие ивы. С деревьев, кружа в воздухе, плавно осыпалась желтеющая листва. Шел сентябрь, но еще продолжалось лето. Было жарко. На противоположном берегу сквозь не густые деревья виднелись белые стены монастыря, большие синие купола которого упирались в чистое безоблачное небо, красиво сочетаясь с природой окружающего мира. Вокруг стояла полная тишина. Шел сентябрь – разгар бабьего лета, было жарко.

Сбылась Ленина мечта – она и ее друг жили на берегу озера в построенном ими шалаше. На самодельные удочки они каждый день ловили рыбу и варили ее здесь же, на берегу в небольшой, найденной на помойке кастрюле на костре.

Вадим и Лена были очень довольны своей легкой, веселой и беззаботной жизнью. Пропутешествовав месяц, то идя пешком, то добираясь на электричках, они дошли даже до города Осташков и, наконец, нашли то, что искали – остановились на берегу озера Селигер. Веселая пара каждый день ходила на «прииски» в город и возвращалась назад, изряд-

но подвыпивши, раздобыв сигарет, спирта и дешевых продуктов. Рядом с озером находился небольшой лесок. Там изгнанник и его подружка собирали грибы и ягоды. В городе в чужих садах и огородах они воровали овощи и фрукты. Жизнь была прекрасна! Так прошло лето. Наступила осень.

– Как там красиво! – с восхищением сказала Лена, глядя на золотые купола.

– Может тебе в монашки податься? – подразнил ее Вадим.

– Кому мы, бомжи, там нужны! Ходили – не пустили.

Недавно они были на другом берегу, пытались зайти вместе с паломниками на территорию монастыря. Их туда не пустил охранник.

– Еще раз я вас тут увижу – намылю шею! – свирепо сказал он – Идите к себе на помойку, ваше место там!

За эти слова изгнанник очень сильно хотел поколотить этого охранника, но Лена, видя, что дело принимает серьезный оборот, насилу оттащила своего друга от этого грубого и высокомерного типа. И не напрасно – охранник бы вызвал милицию и Вадим, все равно, оказался бы виноват.

– Ну, почему эти верующие такие сволочи?! – негодовал он – ваше место на помойке! Сказал бы я, где место таким вот козлам!

Вадим долго не мог успокоиться. Слова охранника сильно задели его за живое. Вспомнился священник, не пожелавший изгнаннику помочь.

– Нам нигде нет места – нас всюду гонят, дабы мы ничего

не украли, и никто от нас заразу не подхватил. В церковь – нельзя, в магазин – нельзя, в подъезд – нельзя, в подвал или на чердак – нельзя, на кладбище – тоже нельзя, на помойку скоро тоже будет – нельзя! – выпалил Вадим с гневом.

– Так мы и сдохнем! – печально вздохнув, поддержала его Лена.

После этого неприятного случая изгнанник не питал светлых чувств к, стоящему на другом берегу монастырю и в разговоре свою подругу не поддерживал.

– Какая там красота! – продолжила Лена – Ты знаешь, Вадим, там что-то такое светлое, чистое и далекое, и, вместе с тем совсем близкое, то от чего мы так далеки... Я даже не знаю, как объяснить это словами.

– Сходи туда опять, раз близкое – съязвил изгнанник – опять охранник прогонит. Наше место на помойке – вот это для нас, действительно, близкое!

– Ничего ты не понимаешь! При чем тут охранник?! Такой красоты, как в монастыре, как в церкви, больше нигде нет! И на душе так легко, даже словами не передать! Ощущение какой-то радости, тишины и покоя...

– Спиртику еще махни – и будет тебе и радость, и тишина, и покой!

– Дурак ты, Вадим! – одна пьянка на уме. Там душа просыпается. А охранник, между прочим, прав был – я-то, дура, туда шла, чтобы украсть что-нибудь.

– Этот козел! – ваше место на помойке! – изгнанник под-

нял вверх нос, передразнивая охранника.

– А мы того и не стоим, чтобы нас туда пускать! Кто вот, например, я такая? – бомжиха, алкашка, проститутка, воровка...

– Разве ты виновата, что тебе, как и мне жизнь сломали? И никакая ты не проститутка!

– А мне в детстве бабушка говорила, что невенчаный брак – есть блуд. Мы с тобой в блуде живем.

У изгнанника потонул поплавок.

– Без блуда не выловишь и рыбки из пруда! – сострил он, вытаскивая из озера большого пузатого карася.

Лена не засмеялась. Она, молча, сидела на пеньке и, глядя на противоположный берег, тихо рыдала.

– Грешница я большая! – проронила она сквозь слезы – Никому не нужна на земле, кроме тебя. И даже Богу я такая не нужна!

– Плевал на нас этот Бог – со злостью сказал Вадим – вот мы и живем так!

– Я не могу, я не хочу больше так жить! Понимаешь, Вадим, я очень устала от такой жизни!

– Я тоже. И что теперь, в озере топиться?!

Они допили последний спирт. Лена продолжала рыдать. Изгнаннику надоело смотреть на ее слезы и слушать ее рыдания. Он пошел в шалаш и лег спать. Но спать ему совершенно не хотелось. Вадим лежал на огромной охапке листьев и, подложив руки под голову, беспечно смотрел в потолок.

Вдруг рядом послышалось всхлипывание, и в шалаш вошла Лена.

– Вадим, я хочу тебя спросить – необычно торжественно сказала она – скажи – ты меня любишь? Я тебе очень нужна?

– Ложись спать – неохотно отозвался изгнанник.

– Нет, ответь на мой вопрос – настаивала его спутница – Любишь ты меня или нет? Нужна я тебе или нет?

– Нужна – ответил Вадим.

– Любишь ты меня или нет?

– Люблю – сказал Вадим и отвел глаза.

Он не знал, действительно, любит он ее или нет. Иногда по ночам ему продолжала сниться Оксанка. Чувства Вадима колебались и противоречили друг другу. Разобраться в них было сложно.

Лена внимательно на него посмотрела, желая понять, что творилось в душе у ее друга, затем, ни слова не говоря, вышла из шалаша.

Поворочавшись с боку на бок, Вадим, наконец, заснул.

Утром следующего дня, открыв глаза, изгнанник долго лежал на своей подстилке. Как обычно, с похмелья раскалывалась голова, ныл желудок. Вставать было лень. Он лежал и прикидывал, куда они с Леной пойдут, где найдут, чем поживиться. Рука его потянулась к пачке «Примы», лежащей рядом на журнале с кроссвордами и, вдруг, наткнулась на какой-то лист бумаги. Вадим взял этот листок и принялся читать:

«Вадим! Ты все равно не сможешь меня понять. Я больше не могу и не хочу так жить, как живу. Я очень устала и ухожу навсегда. Я предпочитаю смерть этому позорному, бессмысленному существованию. В этой жизни мы больше не встретимся. Прости меня, за все и прощай навсегда! Твоя Лена».

Прочитав записку, изгнанник тут же вскочил с постели. Не поверив в случившееся, он быстро выскочил из шалаша.

Лены нигде не было. Напрасно Вадим кричал ей, стоя на берегу – на его крик никто не откликнулся.

Недалеко от берега плавала лодка. Изгнанник и раньше видел ее привязанной к берегу недалеко от шалаша. На борту лодки висела черная куртка. Это была одежда его подруги. Вадим снова принялся кричать. Ответа не последовало.

– Нет, только не это! – простонал изгнанник.

Он отказывался верить в случившееся. Но оно было очевидным. Вадим еще долго продолжал кричать и кидать камешки в лодку, хотя с каждой минутой становилось яснее и яснее – Лены нет, лодка пустая.

– Может это шутка? – надеялся изгнанник, продолжая звать свою подругу. Но вскоре, выбившись из сил, он понял – бесполезно.

Вадим был чернее тучи. Он сел на пень и, обхватив голову руками, молча, сидел, пытаясь проанализировать случившееся. Он долго строил догадки, предполагал причины и варианты, куда могла деться Лена. Наконец, решил подождать – может она вернется. Он старался не смотреть на лодку, ко-

торая наводила на мрачные мысли. Но лодка сама по себе, то и дело мозолила глаза.

– Нет, она не могла, не могла этого сделать – цедил сквозь зубы изгнанник – этого не может быть!

Он прождал два часа. Лена не появлялась.

Небо заволокло тучами. Полил проливной дождь. Одинокая лодка качалась на волнах и, в конце концов, медленно прибилась к берегу.

Вадим, не лишая себя наивной надежды, заглянул в нее. Лодка была пустая. В ней лежала Ленина маленькая панамка. Изгнанник в отчаянии развел руками и пошел в шалаш.

Дождь лил весь день и всю ночь. Лена так и не появилась.

На следующий день Вадим все же допустил мысль, что она утопилась и, с горечью понял, что он бессилён что-либо изменить. Им снова овладело отчаяние от чувства собственного бессилия, которое до поры, до времени было забыто.

Он продолжал ждать дальше. Так прошла неделя. Лена не появлялась.

Через пару дней нашелся хозяин лодки. Он, накричав на Вадима, уплыл на ней.

Изгнанник ждал, когда на поверхность воды всплывет Ленин труп. Но он так и не всплывал. Правда, сомнений в гибели подруги Вадим уже почти не имел. Ждал же, не желая верить в случившееся. Теперь он снова почувствовал свое одиночество, от которого понемногу отвык. Смерть Лены выбила изгнанника из колеи. Вадим покинул озеро и ушел в город

в надежде отыскать свою подругу. Шатаясь в одиночестве по «приискам», изгнанник думал (помимо Лены, не выходявшей из его головы) в первую очередь о спиртном и ежедневно напивался вусмерть. Спьяну он часто рыдал, проклиная всех вместе взятых бандитов, ломающих вот так вот запросто человеческие жизни. Во время своих походов по городу Вадим всюду искал Лену и готов был бегом бежать за каждой показавшейся похожей на нее девушкой. Но Лена так и не нашлась.

Изгнанник пал духом и несколько дней пил, не просыхая. Очутившись на железнодорожной станции, он зачем-то сел в первую попавшуюся электричку. На станции Бологое он ненадолго пришел в себя, но вскоре опять напился.

Глава 4

– Москва, конечная, выход на левую сторону – услышал Вадим, просыпаясь.

Пассажиры презрительно косились на бомжа.

– Я в Москве?! Как я сюда попал?! – испуганно подумал он, поднимаясь с лавки в вагоне электрички.

В его планы совершенно не входила поездка в Москву. Между тем вагон опустел. Изгнанник нерешительно вышел на платформу. Он ругал пьянство последними словами. В голове вертелись обрывки мыслей. Идя по мокрому асфальту платформы и вдыхая свежий воздух, согретый лучами жаркого солнца, вышедшего после дождя из-за туч, Вадим пы-

тался припомнить события минувшего дня, но кроме вагона, в котором он куда-то ехал и вокзала – вероятно в Твери – где изгнанник ждал следующую электричку и пьянства, ничего больше на ум не приходило. Потом он с трудом вспомнил, что по-пьяни собрался мстить бандитам, безнаказанно ломающим человеческие жизни, и решил начать с Сергея и Оксанки.

– Ладно, Москва так Москва! Какая мне разница, где по помойкам околачиваться! Лены все равно больше нет – решил Вадим.

Он горько вздохнул, направляясь куда-то вместе с толпой. Изгнанник наскреб в кармане мелочь и, купив бутылку пива, выпил ее прямо на вокзале.

– Началось мое бесцельное существование в столице – горько усмехнувшись, мысленно прокомментировал он свой приезд в Москву.

Ноги машинально несли в метро. Улучив момент, когда сотрудники милиции отвернулись, Вадим перелез через турникет и быстро смешался с толпой. Он пытался собрать воедино мысли, вертевшиеся в голове, и не задумывался, куда едет. Спустя время, он спохватился, что машинально едет к себе домой, то есть в свою бывшую квартиру.

– Как это глупо и бессмысленно! – думал он, выходя из метро, но, несмотря ни на что, продолжал идти в том же направлении.

Изгнанник очутился на хорошо знакомой улице и медлен-

но, с наслаждением шел к своему бывшему дому. В душе щемилась тоска. Сердце билось в ностальгическом ритме. Осторожно оглядываясь по сторонам, Вадим приближался к дому. Ничего не говорило о грозящей опасности. Все было спокойно. Осмелев, изгнанник подошел к своему подъезду и позвонил по домофону в свою квартиру. Ему ответил чей-то незнакомый голос.

– Здравствуйте, Оксану можно? – спросил Вадим.

Если бы к домофону подошла его жена, он бы ничего не стал говорить.

– Здесь такие не живут – ответил тот же голос – вы ошиблись.

Изгнанник позвонил еще раз. Ответ был тот же.

– В этой квартире жила моя жена – возмутился он.

– Мы живем в этой квартире уже больше двух лет – услышал он спокойный ответ.

Следующая неделя прошла, как и обычно, с той лишь разницей, что Вадим сменил один город на другой. И теперь, наученный опытом бомжевской жизни, он весело вспоминал свои первые неуклюжие шаги, принимая свое горькое страдание. Теперь, закаленный изнурительным трудом и недосыпанием, привыкший к потере близких, измученный постоянным похмельем, привыкший скитаться и добывать себе на жизнь, изгнанник чувствовал себя сильным, окрепшим и повзрослевшим. Особенно он это чувствовал, проходя по знакомым улицам, местам, где когда-то ходил и откуда уез-

жал, чувствуя себя слабым, беспомощным и затравленным. Но скорбь по погибшей Лене (Вадим потихоньку привыкал к мысли, что она все же утопилась) отравляла всю радость существования.

– Все плохое к лучшему – думал он, саркастически улыбаясь – только не понятно, как можно считать этим лучшим самоубийство несчастного человека, вдобавок близкого?

Но жизнь, какая бы не была, продолжалась. Все шло своим чередом: попрошайничество, лазание по помойкам, хождение по приемным пунктам, питание дешевой пищей и пьянство. Только одиночество и смерть близкого человека выбили морально его из сил. На душе едва-едва зажили раны после гибели друзей бомжей, коллег по работе, а тут новая трагедия и вместе с ней – новое отчаяние. Вадим, как всегда, бесцельно ходил по улицам Москвы в одиночестве, предаваясь печальным переживаниям. Ночевать приходилось на лавочках – благо погода еще позволяла. Так прошла неделя.

– В жизни моей нет никаких перспектив – в который раз думал он, вздыхая – в лучшем случае – жизнь у какого-нибудь алкаша и пьянство или под забором и пьянство или рабство, или еще что-нибудь в этом роде и пьянство.

На Пушкинской изгнанник бесцельно спускался в подземный переход. Из невеселых размышлений его вывел хорошо знакомый голос.

– Да что вы все за люди за такие – стыдно нищему руку подать, сволочи поганые! Человеку плохо, а вы мимо прохо-

дите! До чего же русский человек опустился – никакого со-
страдания! Эх, Россию жалко!

Не помня себя от радости, Вадим со всех ног кинулся в
переход. Этот голос он не мог перепутать ни с каким другим.

– Капитан, живой!

– Вадим!

Друзья обнялись. Оба тут же прослезились.

Прохожие, брезгливо морщась, презрительно косились на
двух счастливых бомжей.

– Ладно, потом... – сказал Капитан – тут вот старику пло-
хо, помочь надо.

Прямо на асфальте, облокотившись спиной об стену, ле-
жал бомж – старик лет семидесяти. Его чумазое седобородое
лицо сильно искажала гримаса боли. Большой рот был ши-
роко открыт, глаза выпучены. Бедняга задыхался от сердеч-
ного приступа. Прохожие проходили мимо, отворачиваясь в
сторону. Капитан негодовал, глядя на них. Он достал почта-
тую бутылку водки и влил часть ее содержимого в рот стари-
ку. После этого «афганец» сделал ему искусственное дыха-
ние. Старый бомж ожил. Он медленно встал и сердечно по-
благодарил своих спасителей. Капитан снова протянул ему
бутылку. Тот схватил ее и трясущимися руками стал жадно
пить ее содержимое. Опохмелившись, он протянул капита-
ну руку.

– Мирон.

Вадим и Капитан представились.

– Вот видали?! – важно заявил Мирон, тыча себя пальцем в грудь – У меня медаль за Чечню.

На его пиджаке красовалась медаль «За боевые заслуги» советского образца.

Вадим заметил, как его друг, пряча улыбку, внимательно слушает их нового знакомого.

– У меня необычная биография – продолжал Мирон – своих родителей я не знаю. Меня нашли в ведре болгары, мои приемные родители в лесу. Я – подкидыш.

– Странный тип – подумал Вадим – первым делом незнакомым людям свою биографию рассказывает, да еще такую, которую только близким говорят.

Я в Чечне воевал – продолжал Мирон – в спецназе служил в секретном подразделении. «Черная кобра» называется. Я боевиков убил столько – не поверите! Я в плену был. А ты, пацан, еще жизни не видел!

Он ткнул Вадима в грудь.

– Да уж – подумал изгнанник – связались на свою голову! Не может Капитан жить без приключений!

– Ладно, ты полегче! – заступился за него «афганец».

У Капитана были деньги. Друзья купили водки, закуски и пошли искать уединенное место. Мирон увязался с ними. Они пришли на Страстной бульвар и расположились на лавочке. Мирон своим присутствием мешал друзьям поговорить по душам. Он то и дело хвалился своими боевыми подвигами, вызывая этим молчаливое недовольство изгнанни-

ка и сдержанную улыбку Капитана. В добавок у него были сильно отвисшие сзади штаны, на что их владелец не обращал ни малейшего внимания. За то вонь, исходившая от Мирона, портила воздух и стоять рядом с ним было противно. Вскоре старик, напившись водки (ему было надо не так уж и много), начал бормотать что-то нечленораздельное, а затем, отойдя в кусты, находящиеся не далеко от лавочки, лег прямо на землю. Потом послышался его богатырский храп.

Оставшись вдвоем, друзья рассказали друг другу про то, кто как жил. Вадим рассказал Капитану про все: и про то, как он прятался за колодцем, когда бандиты убивали рабов, и про предателя Ваську, и про зимовку, и, наконец, про Лену. Затем наступила очередь Капитана.

– Рашид со своими ворвались совсем внезапно – начал он – мы их совсем не ожидали. Сразу началась стрельба. Первым погиб Алексей. Шустрый Дима разбил табуреткой окошко, но его тут же сразили три пули. Меня спас Дед. Царствие ему небесное! – Капитан поспешно перекрестился и продолжил – Он мне крикнуть успел, что б я прыгал и заслонил собой. – Я в окно. – Последнее, что видел – Дед упал замертво. Выпрыгнул, бегу, перелез через забор, бегу к болоту – больше некуда – там, думаю, укроюсь – эти черножопые вряд ли к болоту полезут. А эти уроды за мной бегут, стреляют... Видишь?

Капитан закатал одну штанину и показал Вадиму шрам на левой ноге ниже колена.

– Сквозная, навылет прошла. Кость цела, слава Богу, не задета! Я по бревну пробежал, спрятался за деревом. За мной Нюрнорд пошел. У меня в руках Олегов пистолет травматический. Я в него стреляю. Этот козел падает в болото и начинает кричать. Все остальные – давай ему помогать, вытаскивать его. Я со всех ног бегом бежать по болоту, пока они им заняты были. Где-то спрятался, где-то отсиделся, благо, болото небольшое было. Не знаю, каким чудом уцелел. Потом до ближайшей деревни дошел. Там добрые люди попались: напоили, накормили, одели, помыли, рану перевязали, денег немного дали.... Отъелся я, отоспался – и странствовать, бродяжничать. Туго было поначалу, пока нога не зажила. Ходил по деревням – кому крышу починить, кому дров наколоть... Только в Москву все тянет. Ты знаешь, Владимир, предчувствие у меня нехорошее – чувствую, что недолго мне жить осталось. И так хочется перед смертью жену свою увидеть, хоть издалека, на дочку свою, хоть одним глазком взглянуть. Большая она уже, взрослая, почти твоих лет.

Капитан смахнул наворачнувшуюся слезу и, помолчав, продолжил:

– Я здесь, в Москве работу нашел. Два месяца, как приехал. По ночам вагоны разгружаю. Тяжело, но платят хорошо. Хорошо, что мы снова вместе! Вместе денег подзарабатываем. Как немного разбогатеем, комнату снимем где-нибудь в Подмосковье.

Было далеко за полночь. После окончания разговора дру-

зья улеглись спать на лавках.

Проснувшись утром, изгнанник застал Капитана в недобром расположении духа. Бесследно исчез спасенный ими Мирон. Вместе с ним исчезла недопитая с вечера водка и недоеденная еда. У Капитана из кармана пропали деньги.

– Вот и делай добро людям! – с досадой вздыхал он.

Глава 5

Погода еще стояла прекрасная. День был солнечным. Легкий ветерок приятно обдувал лица двух друзей и трепал волосы на их головах. Вадим и Капитан сидели на решетке подвального окна на одной из многочисленных московских улиц рядом с Миусской площадью, греясь на еще теплом октябрьском солнце. Улица была пуста. Капитан, лениво потягиваясь, зевал.

Прошедшая ночь выдалась тяжелая. Изгнанник и его друг разгружали вагон вместе с какими-то двумя мужиками. После этой работы болели все мышцы и суставы. Сильно хотелось спать.

Невдалеке на площади послышался шум, свист, крики толпы. Кто-то громко сканировал лозунги: «Путин, уходи, мы тебя не звали!», «Долой полицейский режим!», «Свободу политзаключенным!» Каждый лозунг повторялся три раза.

Раздираемые любопытством, друзья вышли к краю улицы, откуда была видна площадь.

В центре площади стояла огромная толпа. Над головами

митингующих висели плакаты и транспаранты. На рукавах, почти всех собравшихся были повязаны красные повязки с черным серпом и молотом в белом круге.

Вскоре появился ОМОН. Он начал разгонять митинг. Омоновцы жестоко били резиновыми дубинками всех, повернувшихся под руку. Некоторых, после длительного избивания, волокли в специальные автобусы. Из некоторых окон, стоящих рядом домов слышались крики:

– Что вы делаете, сволочи! Не трогайте ребят! Не бейте их! ...

Навстречу Вадиму и Капитану бежал невысокого роста паренек–панк. За ним гнался омоновец. Добежав до изгнанника и его товарища, подросток свернул на улицу, на которой раньше отдыхали друзья. Омоновец свернул туда же. Спустя время, паренек лежал на асфальте, сжавшись в комок и закрывая лицо и почки руками. Над ним возвышался представитель власти. Верзила держал одной рукой свою жертву за «ирокез», другой, вооруженной дубинкой, – зверски ее избивал. Бедный парень не проронил ни стона. Это еще сильнее разозлило верзилу. Он принялся пинать парня ногами. От сильного удара жертва перевернулась на спину. Омоновец наклонился над ней для нового и особенно эффективного удара. Паренек, вдруг, неожиданно выстрелил плевком прямо в забрало шлема своего врага. Представитель власти разразился матерной бранью.

Вадим с ужасом наблюдал за побоищем. Он не сразу заме-

тил, как вперед рванулся его товарищ. Капитан быстро поравнялся с омовцем. Изгнанник так и не успел понять, как это произошло, но через секунду жестокий верзила лежал рядом со своей жертвой. Бывший боевой офицер добивал его кулаком. Вадим со всех ног бросился к Капитану, не в силах вымолвить ни слова. Омовец не сопротивлялся. Он лежал бездыханно и даже не стонал.

Подросток поднялся на ноги при помощи «афганца». Оказалось, что это не парень, а девушка.

– Спасибо тебе, отец! – сказала она, корчась от боли и по-мужски крепко пожала Капитану руку – А теперь бежим отсюда!

Девушка пустилась наутек. Вадим и Капитан мчались за ней. Позади послышались злобные крики. Вадим на ходу оглянулся. Возле лежавшего представителя власти стояли еще четверо. Один из них остался возле потерпевшего, а остальные бросились в погоню. Беглецы ускорили темп.

– Сворачиваем во двор! – закричал Капитан – Прямо нельзя – догонят.

Все трое свернули в какой-то проулок. Слева от них стоял железный забор.

– Давай сюда! – проорал Капитан и, схватив девушку, ловко поднял ее вверх.

Та быстро перемахнула через забор.

– Вадим, давай! – нервничал «афганец», подсаживая друга.

Не заставляя себя уговаривать, изгнанник последовал примеру девушки. Капитан перелез последним, сделав это с невероятной ловкостью.

– Ну, слава Богу! – облегченно вздохнув, сказал он – успели!

Через секунду раздались злобные голоса –

– Ну, где их теперь искать?! Упустили!

Кто-то ругался матом.

– Тихо! – прошептал Капитан, приложив к губам указательный палец.

– Ладно, побежали прямо. Далеко уйти не успеют – слышался чей-то голос.

Беглецы оказались на территории строительного объекта.

– Бежим! – сказал Капитан, подавая пример.

Вадим и девушка еле попевали за ним.

Они нашли невысокий забор и, не спеша, перелезли через него. Погони не было.

– Скажи, зачем ты это сделал? – недоуменно спросил Вадим, когда они с Капитаном остались одни – Что ты за человек такой, постоянно ищешь проблемы?

– Я хотел справедливости – ответил его товарищ – ты видел, что этот ублюдок вытворял? Представитель власти!

– А твое какое дело?! Вечно ты лезешь со своей справедливостью! Ну чего ты этим добился?!

– Я спас девушку от побоев и тюрьмы.

– Далась тебе эта девушка! Что нам самим теперь делать?!

Нас же посадят!

– Далась, не далась, а помочь надо было. Нельзя допускать, что бы среди белого дня вот так вот подло и бесчеловечно избивали безоружных и беззащитных людей.

– Нельзя, говоришь? Да, плевать тебе должно было быть на этих демонстрантов! Какое твое дело, кто кого бьет! Это же надо ненормальным быть – избить омоновца! А если ты его убил?

– Я убил сволочь.

Капитан был спокоен и на все вопросы отвечал немного обиженным тоном.

– Потому что на таких, как он нет другой управы. Это нормально, что ОМОН безнаказанно избивает мирных демонстрантов, а потом тащит их в отделение и сажает в тюрьмы? Ты видел, как она в него плюнула? Вот это смелость! А за этот плевок она сядет, как за сопротивление сотруднику милиции.

– Да какое твое дело?!

– А такое, что это очень хорошие люди в стране. Они борются за другой мир, другую Россию, другой порядок, где нет ни бандитов, не продажных ментов. Я сидел с одним из этих ребят. Очень хороший парень. А общество их не понимает. До них просто дела нет никому. Они такие же, как мы – изгой и никому не нужные.

– О себе надо было думать, а не о других.

– Щенок ты еще, Вадим! И жизнь тебя ничему не научила.

Верни тебе сейчас твою жену и квартиру, – ты бы дальше пил водку и смотрел телевизор. И на все тебе было бы плевать. А еще на людей обижаешься, когда сам всюду таких же, как ты равнодушных уродов встречаешь. И очень справедливо, когда таким, как ты разная мразь в жизни попадается.

– За то где ты – там обязательно смерть. Мало тебе роты солдат в Афгане, мало тебе ребят в Воронеже? Теперь еще и омовца грохнул, а отвечать вместе должны? Я вместе с тобой за твою справедливость отдуваться должен?

– Я поступил, как честный и порядочный человек – гордо ответил Капитан – И, если бы все так, как я поступали, мы бы сейчас в совершенно другой стране жили. А кругом одни уроды! Эх, Россию жалко! Из-за таких, как ты и ваше сраное общество гибнет моя Родина!

– Ну и катись ты, знаешь куда со своей Родиной!

– А за это больше, что бы близко ко мне не подходил!

Капитан круто развернулся и пошел в противоположную сторону. Вадим остался один. Он долго раздумывал над сложившейся ситуацией и понял, что теперь все равно надо уезжать из Москвы. Работа на разгрузке вагонов была потеряна, а вместе с ней и надежды на то, что удастся где-нибудь снять жилье.

– Куда теперь деваться? – горько вздыхал изгнанник – медлить нельзя – на первый попавшийся вокзал, а там на первой же электричке подальше от Москвы. Дальше видно будет.

Вадиму предстояло обустроиваться в новом месте и готовиться к зимовке – самому тяжелому времени для бомжей.

Ближайший вокзал был Белорусский. Изгнанник шел по улице по направлению к нему, мысленно ругая последними словами своего товарища.

– А все же вместе нам было бы легче – думал он, вздыхая – и куда теперь, интересно, пойдет Капитан, где будет укрываться?

– Вадим, подожди! – услышал он знакомый голос.

«Афганец» быстро его догнал.

– Прости, погорячился – сказал он, глядя в глаза – но ты тоже хорош – нечего меня задевать за живое.

Друзья протянули друг другу руки и помирились.

– Ты на вокзал направлялся? – спросил Капитан.

– Да.

– Нельзя туда. Там менты будут всех проверять, попадемся. Нам надо до куда-нибудь в метро доехать, а там в электричку сесть. Пропал бы ты без меня.

Капитан весело посмотрел на Вадима.

Изгнанник ничего не ответил. Его товарищ был прав. Навивность Вадима могла его погубить.

– Скажи, Вадим, почему так? Я всю жизнь боролся за справедливость и всю жизнь страдал. Роту в Афгане спасти хотел – в результате погубил, да и в Афган попал за то, что правду в глаза сказал. Из рабства сбежали, все хорошо было. Ну, нет же! Нашлась сволочь, которая все дело испортила.

И какого мне теперь?! Выходит, и тут я опять виноват – не сбежали бы – все бы живы были. Теперь этот омоновец. Но ведь должна же быть справедливость, должна быть! Почему разной мрази всю жизнь все безнаказанно с рук сходит? Ведь если бы люди задумывались о своих поступках, мы бы сейчас все совсем по-другому жили, и вся страна была бы другой. Почему никто не борется за справедливость? Почему каждый только о своей шкуре думает? Почему черные друг за друга стоят, а мы – каждый сам по себе? Где единство между русскими людьми? Где сознание, что мы вместе – мы сила? Почему кругом столько трусости, подлости и равнодушия? Я ненавижу эту быдлу – я ненавижу прохожих на улице. Я им ничего плохого не сделал и всеми презираем. Эх, Россию жалко!

– Что ответить Капитану? – думал Вадим – Да, действительно, была бы справедливость, я бы не стал бомжем. Были бы люди другие, было бы единство между русскими людьми – не было бы ни бандитов, ни продажных ментов и квартира моя была бы цела и в рабстве мы бы не торчали. Эх, если бы, да кабы!

Друзья, дошли до Белорусского вокзала и, не заходя на вокзал, прошли в метро. Улучив подходящий момент, они перелезли через турникет и, быстро смешавшись с толпой, спустились вниз по эскалатору.

– Едем до Беговой – сказал Капитан – а там на электричку сядем.

Глава 6

Зима для друзей прошла относительно благополучно, хоть и были тяжелыми условия жизни и труда. Вадим и Капитан устроились жить и работать на полигоне. Жили в землянке на берегу крошечной узенькой речки. Работа была не замысловатая – вместе с другими бомжами они возились с мусором. Полигон являлся свалкой. Ежедневно туда приезжали газели и грузовые машины, груженные мусором, среди которого находилось немало почти новых хороших или нуждающихся в небольшом ремонте вещей. Эти вещи Вадим и Капитан чинили и отдавали бригадиру. Здесь же друзья находили одежду. Раз в месяц платили зарплату. Работать было холодно. Они согревались спиртом, да вечером, когда темнело, сидя в землянке возле бочки–печки, точно такой же, как в сарае в рабстве у Рашида. Жизнь была скучной, монотонной и однообразной. Зато на свалке друзья чувствовали себя в безопасности, вдобавок здесь прошла зима.

Изгнанник не был в восторге от ежедневного копания в мусоре, хотя успел привыкнуть к этому занятию еще, когда скитался вместе с Леной. Капитану работа тоже не нравилась.

– Где справедливость?! – ворчал он – Бывший боевой офицер, ветеран войны, имеющий несколько специальностей, никому не нужный копается в мусоре! Это все, что дало мне государство! Что за жизнь?!

Вадим не спорил со своим другом, считая, что в их участи Капитан виноват сам. У Чернова было немало знакомых в стране – бывших сослуживцев и сокурсников. Он вполне мог обратиться к ним за помощью и неплохо в жизни устроиться. Но бывший «афганец» жил с чувством вины за погибшую роту и стыдился к ним обращаться.

Изгнанник часто вспоминал Лену. Ее донельзя глупая и нелепая гибель заставляла содрогаться сердце Вадима. Лена вытеснила в его жизни Оксанку, которую он почти не вспоминал – если, только проклиная ее и Сергея – и своей смертью причинила душе изгнанника новые страдания.

Наступила весна. Друзья дождались, когда сойдет снег и разгуляется погода, которая позволит больше не быть прикованными к унижительной и вредной работе на свалке ради жизни в землянке у теплой печки (вдобавок, они напоследок поссорились с бригадиром, который обманывал их, выдавая зарплату) и уехали восвояси. Было достаточно тепло и изгнанник, и Капитан больше не боялись остаться без крова. Для ночлега годились любые лавочки, кусты, лес, а на помойках было все, что угодно, чтобы раздобыть пищу, сигареты и водку. Правда, Вадим и предприимчивый Капитан надеялись найти нормальную работу, а затем снять жилье и теперь, уехав с полигона, сидели в вагоне электрички и ехали в Москву.

Вадим с интересом разглядывал трех панков, сидевших напротив. Капитан угрюмо молчал, думая о чем-то своем.

Электричка остановилась. Послышались хулиганские крики, затем в вагон, толкаясь и наступая друг другу на ноги, влетела толпа скинхедов. Они недолго ходили по вагону, пристально вглядываясь в испуганные лица пассажиров и, наконец, выбрав жертву, остановились. Ей оказался старик кавказской внешности, сидящий недалеко от друзей.

– Зачем в Россию приехал? – строго спросил его один из скинхедов, видимо, главный.

– Я всю жизнь здесь прожил – ответил старик, испуганно глядя на него.

– Ну что, мочим? – обратился главарь к остальным.

– Россия для русских! – хором заорала толпа – Слава России!

Пассажиры испуганно смотрели на происходящее. Никто не проронил ни слова. Многие, наоборот, отворачивались и делали вид, что это их не касается.

В руках безумной толпы появились цепи и солдатские ремни с тяжелыми металлическими пряжками.

Старик согнулся и тут же на него посыпались удары.

Вадим с ужасом наблюдал за событием. Но тут в дело вмешался Капитан. Он неожиданно подошел к толпе и оказался возле главаря.

– Стоп! – громко прозвучала его команда.

Скинхеды остановились, прервав свое дело, и с удивлением посмотрели на «афганца».

– Ты себя русским считаешь? – с негодованием спросил

он у главаря.

– Да! – гордо ответил тот, с вызовом глядя в глаза Капитану – Слава России!

Чернов несколько секунд, молча, с обидой смотрел ему в глаза. Видно было даже издали, как дрожал его подбородок. Затем, резкий удар в челюсть сбил скинхеда с ног. Главарь грохнулся на пол. Толпа растерялась от неожиданности, глядя на своего поверженного вожака.

Пассажиры с любопытством и страхом, молча наблюдали за происходящим.

– А ты что сидишь? – Капитан обернулся к кавказцу – Я за тебя один драться должен?

Старик быстро поднялся. Он был еще достаточно крепок и широкоплеч. Вадим поспешил им на помощь. И не один. Рядом оказались три панка, которых разглядывал изгнанник. Вшестером они накинулись на струсивших скинхедов, которые попятились назад, защищаясь ремнями и цепями. Но Капитан смело лез вперед. Еще двое противников согнулись пополам, корчась от боли. Третьего сбил с ног старик, но тут же получил сильный удар по голове солдатской пряжкой. Его выручил Вадим, ударивший напавшего ногой в бок. Драться в узком проходе между сиденьями было тесно, но панки вскочили на лавки и напали с разных сторон на поредевшую толпу скинхедов. Последние, не выдержав натиска, обратились в бегство. Драка была окончена.

– Слава России, а сами даже друзей побросали – презри-

тельно сказал Капитан, глядя на корчившихся на полу.

Потерпевшие медленно поднимались и, держась за ушибленные места, стыдливо покидали место своего поражения. Их больше никто не бил.

Старик кавказец, глядя с уважением на Капитана, сердечно пожал ему руку.

– Спасибо! – сказал он – Ты настоящий человек, каких сэйчас мало.

На его лбу сияла огромная шишка.

– Болит лоб то? – спросил внимательный к людям Капитан.

– Да, эрунда! До свадьбы зажэвет! – отшутился кавказец.

Он также поблагодарил и Вадима с панками.

Панки тоже с уважением пожали Капитану руку.

– Спасибо, отец! Приятно таких, как ты людей встречать, не то, что эти уроды! – громко сказал один из них, показав кивком на, сидящих в вагоне, пассажиров – Эти только и могут, что сериалы смотреть, да бабки зарабатывать, а то, что они подлецы, даже не задумываются.

– Ладно, нам выходить – сказал другой – Удачи вам!

Электричка остановилась. Панки, попрощавшись, вышли из вагона. За окном мелькнули их «ирокезы».

Вадим, Капитан и старик уселись вместе на лавке. Они познакомились.

Старик оказался азербайджанцем. Он был высокого роста, крупного телосложения, смуглый, широкоплечий, с вы-

пуклыми карими глазами, черноволосый. На нем были одеты синие джинсы и серого цвета рубашка. Звали его Ахмед. В молодости, отслужив в армии в Москве, он женился на молодой русской девушке, студентке медицинского института, и всю жизнь прожил в московской области, работая шофером и автослесарем. Ахмеду было шестьдесят пять лет. Он был добродушный и простой, веселый и немного туповатый. Даже прожив в России почти всю свою жизнь, он так и не избавился от сильного кавказского акцента. Быстро узнав, что его новым друзьям негде жить, он ничуть не смутился, имея дело с бомжами, и пригласил их к себе домой.

– Живитэ у мэня, раз люды хорошие – сказал он – пока моя карга с внюками на юге отдыхает.

Жил Ахмед в деревне Перхушково недалеко от города Одинцово рядом со станцией в деревенском доме.

В этот же день отмечали знакомство. Старик, угощая Вадима и Капитана, сам пил и ел не меньше их. Новые друзья Ахмеда совершенно отвыкли от полноценной домашней пищи и были несказанно рады этому угощению.

Изгнанник после рабства у Рашида недолюбливал лиц кавказской национальности, но, видя гостеприимство и добродушие старика, постепенно проникся к нему симпатией.

Благородство Капитана поразило Вадима – вместо того, чтобы озлобиться на всех темнокожих, понаехавших в Россию, Чернов полез защищать азербайджанца, да еще не побоялся полезть в драку на целую толпу совершенно бездуш-

ных, тупых и жестоких подростков.

Вадим с уважением смотрел на своего друга, пока тот весело вспоминал вместе с Ахмедом, как они били скинхедов, приукрашивая рассказ веселыми шутками и небылицами.

– Какой же все-таки человек этот Капитан! – мысленно восхищался им изгнанник – Последнее отдаст, в беде выручит, мимо незнакомого человека, попавшего в беду, не пройдет. И всегда смеется, шутит, а у самого ни кола, ни двора и вечно на душе «кошки скребут». Жenu с дочкой перед смертью мечтает увидеть, а по ночам ему война снится. Скольким людям он помог, скольких выручил! А после рабства ему теперь всегда героина хочется, но он про это почти не говорит. Все молча переносит. Не были бы мы бомжами, может и дозу он себе нашел бы, да где бомж денег возьмет!? И за погибшую роту всегда себя винит, хотя виноваты комбат, да разведчики.

За последние полгода Вадим не раз был свидетелем многочисленных поступков своего товарища, за которые тот пользовался огромным уважением среди встреченных на их жизненном пути людей.

Капитан рассказал Ахмеду про их с Вадимом злключения, рабство.

– Нэ связывайтэсь с этими чэрножопыми – весело сказал Ахмед, вызвав этими словами взрыв хохота у своих новых друзей – гнать их надо из России и мэня вмэстэ с ними.

– А тебя за что? – сквозь смех, спросил изгнанник.

– А за компанию.

На славу попарившись в бане, постирав одежду, Вадим и Капитан легли спать на кроватях, на чистых белых простынях. От таких условий они давно отвыкли, и все происходящее казалось им каким-то хорошим, добрым и несбыточным сном.

Глава 7

Сидеть на шее у Ахмеда друзьям не хотелось, но с непрерывными пьянками найти работу не получалось. К тому же документы друзей остались в воронежской области у Рашида. Зато в деревне был большой мусорный бункер, и жило немало алкашей, которые в ближайшее время стали собутыльниками изгнанника и его друга. Правда, их интеллект и уровень культуры были значительно ниже Вадимовых и изгнанник в последнее время (особенно после работы на свалке) чувствовал усталость от общения с подобными людьми. Они были ему не интересны, но деваться от них было попросту некуда.

Вадим и Капитан проходили мимо монастыря, расположенного рядом с деревней.

– Давай зайдем туда? – предложил Капитан – в монастырях можно поесть попросить.

Они зашли через ворота, прошли по длинной аллейке, огороженной с двух сторон железным решетчатым забором и, обойдя небольшую белую церковь, в нерешительности

остановились возле красивого деревянного домика.

Из, стоящего рядом с ним, большого трехэтажного корпуса вышла красивая лицом монашка в белом платке и одежде поверх подрясника синем в белый горошек фартуке. Она несла в деревянный домик поднос с разными яствами.

Друзья с жадностью уставились на эту пищу.

– Здравствуйте! – сказал Капитан – Скажите, пожалуйста, а где можно поесть попросить?

– Вон там – красавица кивком указала на черную боковую дверь корпуса.

Она опустила голову и, дойдя до деревянного домика, скрылась за дверью.

– А монастырь то богатый! – завистливо сказал Вадим, глядя на красивый фонтан возле храма.

– Да – подтвердил Капитан – и питание здесь хорошее.

Они подошли к боковой двери корпуса и позвонили в звонок.

Дверь открыла молодая мордастая монашка.

– Здравствуйте! – сказал Капитан – Дайте нам, пожалуйста, что-нибудь поесть.

Монашка исчезла за дверью. Послышался ее голос:

– Там какие-то бомжи поесть просят.

– Ты знаешь, что матушка не благословила бомжей кормить – раздался еще чей-то женский голос – во избежание заражения инфекцией?

– А это по-христиански?

Несколько секунд стояла тишина. Видимо, кто-то обдумывал последнюю фразу.

– Ну, ладно, дай им что-нибудь. Только смотри, что бы никто ни заметил, а то сестры, сама знаешь...

Через минуту раздался крик, полный негодования:

– Ты что, сдурела – каких-то бомжей осетриной кормить?! Щей им налей в банку и хлеба дай. Там еще была картошка с огурцами. Да, смотри, чтоб матушка не увидела. Она сейчас в игуменском.

Вскоре дверь снова открылась. Мордастая монашка сунула в руки Вадиму большой целлофановый пакет.

Друзья расположились на лавочке возле фонтана.

– Странный монастырь – подумал Вадим – такой маленький и охранников нет.

– Может получится сюда на работу устроиться – мечтательно сказал Капитан – и жилье дадут.

– Хорошо бы – поддержал его изгнанник.

Из, стоящего рядом, двухэтажного домика из красного кирпича вышла пожилых лет монашка в сером платке и таком же сером подряснике.

– Ну-ка, немедленно убирайтесь отсюда! – заорала она – Нечего здесь рассиживаться!

– Да, что мы Вам плохого сделали?! – обиделся Капитан.

– Уходите отсюда! Вам нельзя здесь сидеть.

Пришлось повиноваться. Они вышли к еще одним воротам рядом со скотным двором. Недалеко от коровника нахо-

дилась большая навозная яма, наполовину наполненная навозом. На ней в два ряда лежали трапы, доходящие до свободного от навоза пространства. Прямо рядом с ямой стояли два мусорных контейнера. Слышалось мычание коров.

– Вот здесь наше место! – обиженно проворчал Капитан – Каких-то бомжей осетриной кормить! Ну и скоты зажравшиеся!

Друзья порылись в контейнерах, нашли большие настенные часы. Нашлись так же две пары почти новых джинсов.

– Хороший улов! – обрадовался Капитан – Часы Ахмеду подарим, а джинсы и продать можно.

– Надо сюда почаще наведываться – сказал Вадим – народ тут с жиру бесится.

Из-за огромного двухэтажного гаража, стоящего возле навозной ямы, показался рабочий. Он был среднего роста, примерно одних лет с Вадимом, очень худой, с длинными русыми волосами, завязанными на затылке в хвост. Короткая аккуратная бородка и такие же усики украшали его симпатичное лицо. На нем были одеты: синяя майка с короткими рукавами, поношенные черные джинсы и синие кроссовки.

Он вез одноколесную тележку, в которой лежал туго набитый мешок. Рабочий провез свой «багаж» мимо контейнеров и, не глядя на, стоящих рядом, Вадима и Капитана, завез тележку по выложенным доскам в навозную яму. Он быстро развязал мешок и высыпал из него на дно ямы картошку.

– Что же ты делаешь?! – вскипел Капитан – Целый мешок

картошки в навоз высыпал! Где-то люди от голода подышают, а ты тут добро переводишь!

– Эта картошка внутри вся черная – спокойно ответил рабочий – ей даже скотину кормить нельзя. И, вообще, не лезь-те не в свое дело.

Он развернулся и умчался с тележкой назад.

– Вот урод! – проворчал Вадим – его бы на наше место.

Друзья дружно кинулись в навозную яму и быстро набили карманы картошкой, затем, прихватив, найденное в контейнерах «добро», покинули монастырь.

Часы очень понравились Ахмеду. Они были рабочими. В них просто села батарейка. Ахмед, заменив ее, повесил часы на стену.

– Пусть моя карга порадует – сказал он – скажу – на рынке купил.

Следующие две недели друзья вели праздную и беззаботную жизнь. Утром Ахмед уходил на работу, а Вадим и Капитан промышляли, чем могли: ходили на «прииски», посещали деревенское кладбище и часто приходили в монастырь.

Монашки тайком от настоятельницы подкармливали их, затем друзья приходили к навозной яме и каждый раз выгребали оттуда картошку.

Рабочий был лоялен и не препятствовал. Он каждый день выкидывал в яму один-два мешка и, как ни странно, не больше. Картошку он обычно засыпал сверху свежим навозом и все это делал украдкой, с опаской озираясь по сторонам. По

отношению к бомжам он был не дружелюбен из-за постоянного недовольства Капитана, ворчавшего на счет справедливости и России, которую ему было жалко.

В контейнерах часто находились почти целые или чуть-чуть поломанные вещи, а однажды к ним даже выставили большой целлофановый мешок, наполненный разной одеждой.

Вадим и Капитан благополучно продавали свои находки на «толкучке» – небольшом рынке, на котором всевозможные забулдыги продавали очень дешево старые, но еще вполне пригодные вещи. Изгнанник и его товарищ подходили к торговцам и отдавали им свой товар «за копейки». «Толкучка» находилась недалеко от Ахмедова дома – всего несколько остановок на электричке.

Друзья добывали «на хлеб» регулярно, чаще всего помимо «хлеба», доставая спиртное. Вечером приходил с работы Ахмед и начиналась пьянка, хотя Вадим и Капитан к тому времени были и без того хорошенько поддатые.

Но однажды такой веселой и беззаботной жизни пришел конец. Друзья вернулись с «толкучки», везя с собой спиртное. В доме старика слышался чей-то разгневанный женский крик. Кто-то громко ругал Ахмеда. Изгнанник и его друг в нерешительности остановились возле двери дома. Через несколько минут на крыльцо вышел Ахмед.

– Карга вернулась – сказал он, грустно вздохнув – сказала: пусть свои вещи забирают и, что бы я их здесь больше не

видела.

На крыльце появилась старуха. Она гневно посмотрела на двух бомжей и швырнула им пакет с вещами.

– Убирайтесь вон отсюда! – со злостью прошипела она – И что бы духу вашего здесь не было! Развел тут вытрезвитель, старый осел!

Ничего не оставалось, кроме как забрать вещи (благо их было не много) и уйти со двора. Предстояло искать новое жилище.

– Стойте! – крикнул им вдогонку Ахмед – Карга новый телевизор купила. Старый себе заберите. Может, продадите кому-нибудь.

Он вынес на крыльцо телевизор.

Рядом с домом, в котором жил Ахмед, находился старый заброшенный пионерский лагерь. Его окружал бетонный забор. В лагере было немало сгнивших полуразвалившихся построек. В одну из них друзья притащили телевизор и здесь же расположились на ночлег. Скрытые от посторонних глаз, они чувствовали себя очень даже комфортно, хоть и сильно приуныли, вновь оказавшись на улице.

Шел конец мая. Погода была прекрасной. Вечерело. Солнце уже утратило силу, с которой весь день безжалостно палило.

Капитан и Вадим пили водку и курили, валяясь на небольшой полянке возле своей незамысловатой «хижины». Изгнанник, любуясь, время от времени проплывающими обла-

ками, думал о своей горькой бомжевской доле.

– А все-таки жизнь не так уж плоха – решил он – здесь и сейчас в этот момент я совершенно свободен, ни от кого не зависим, имею выпивку и пищу, хорошего друга и жизнь моя вполне нормальная, спокойная и беззаботная. Работать мне лень, а к своей участи я уже успел привыкнуть. Надо ценить в жизни каждый прекрасный момент, уметь радоваться любой мелочи. А впереди еще целое лето. Вот только сдохну под забором. Поскорее бы только!

Он горько вздохнул.

Выпив, как следует, друзья решили немного прогуляться. Они вышли за ворота из пионерского лагеря.

Навстречу им по неширокой асфальтированной дороге мчалось небольшое перепуганное стадо коров. Оно спасалось бегством от разъяренного пастуха, бегущего вслед за ним. Впереди неслись две белых козы, сзади – три телят. Пастухом оказался тот самый рабочий из монастыря, который выкидывал в навозную яму картошку. На одном его плече висела коричневая походная сумка. В одной руке рабочий держал гитару в синем клетчатом чехле, в другой – короткий самодельный кнут с, завязанным на конце веревки, узелком. Этим узелком пастух, что есть силы, лупил коров – всех, кто попадался ему под руку.

– Ты что делаешь, сволочь?! – не вытерпел Капитан, когда пастух поравнялся с ним – А еще верующий!

– Не лезь не в свое дело! – не глядя на него, ответил пас-

тух, продолжая преследовать стадо.

– А я сейчас тебя так же отлуплю! – заявил «афганец».

Он был, изрядно выпивши, и жажда справедливости ярко вспылала в его нетрезвом сознании. Недолго думая, Капитан сорвал с куста длинную хворостину. Он быстро оборвал, висевшие на ней листья и кинулся вдогонку за пастухом.

– Стоять! – неистово заорал он.

Пастух остановился. Он даже не положил на землю гитару и приготовился к бою.

Напрасно Вадим пытался удержать своего друга – Капитан лез на рожон. «Афганец» подошел ближе к рабочему и, размахнувшись прутом, собрался его хлестнуть.

Пастух опередил его движение. Метко ударив узелком кнута по кулаку Капитана, он выбил из рук нападавшего прут. Затем, посмотрев на обидчика со сдержанным превосходством, он совершенно спокойно сказал:

Пошел вон отсюда, придурок!

– А ты что, крутой что ли? – рычал Капитан, обиженно потирая кулак.

Пастух, молча, развернулся и быстрым шагом пошел догонять коров. Правда, он больше их не лупил.

Капитана кое-как успокоил Вадим.

Глава 8

После выпитого накануне литра водки утро было тяжелым. У друзей раскалывались головы и ныли желудки. Как

всегда, тяжелое похмелье являлось расплатой за бурное веселье. Необходимо было «поправить здоровье». Но тащить на «толкучку» телевизор с похмелья было делом не легким. Вадим и Капитан решили сначала поискать «счастья» на помойке.

Мусорный бункер находился рядом с небольшим, огороженным колючей проволокой пастбищем, на котором вчерашний рабочий пас свое стадо. Пастух был не один. Он стоял посреди поля возле крошечного домика в окружении трех фигур в платках и подрясниках.

Капитан с неприязнью посмотрел на пастуха.

– Хорошо устроился, гад! – с завистью сказал Вадим – Даже в поле у него свой домик имеется.

– Везет козлу! – добавил «афганец».

Друзья обрадовались – в бункере лежал старенький самовар. Тащить его до пункта приема металла было не далеко – до станции, которая находилась возле другого конца поля. Надо было только пронести его по неширокой асфальтированной дороге, проходящей вдоль пастбища.

Пункт был еще закрыт. Пришлось ждать. Капитан куда-то отлучился. Изгнанник, сидя на корточках, курил и жадно вдыхал запах жареного мяса, тянувшегося из, стоящей неподалеку, шашлычной.

Молодая монашка высокая и худая с симпатичным лицом прошла вместе с пастухом мимо Вадима. На бомжа они даже не обратили внимания.

– И зачем такие красивые в монастырь уходят? – подумал изгнанник, похотливо посмотрев ей вслед.

– Из наших коз, наверное, уже шашлык жарят – пошутил пастух, показывая рукой на шашлычную.

Они прошли дальше и вскоре скрылись за поворотом.

Вскоре появился Капитан. Дождавшись открытия пункта, друзья благополучно сдали самовар и, купив в аптеке пузырек спирта, немедленно его распили.

– Ну вот, полегчало малость – облегченно вздохнув, сказал Капитан – пора приниматься за телевизор.

По пути в пионерский лагерь им снова встретился пастух, гнавший своих коров в монастырь. Недовольно покосившись на Капитана, он, молча, прошел мимо.

В разрушенном здании, где жили друзья, они, к своему удивлению, обнаружили двух коз, спокойно стоявших возле телевизора.

– А вот и шашлык! – пошутил Капитан – Что вот только с ними делать?

Изгнанник вспомнил шутку пастуха, сказанную возле шашлычной. Было ясно – это монастырские козы.

– Монастырь грешно обворовывать – сказал Капитан, призадумавшись – коз надо вернуть. Правда, пастух мне этот не нравится.

Поразмышляв с минуту, «афганец» добавил:

– Вот что, Вадим, ты посиди тут, коз покарауль, а я до монастыря дойду, поговорю с этим пастухом – может за них

выпить чего-нибудь даст.

Капитан ушел. Изгнанник остался один. Козы спокойно стояли на прежнем месте и с любопытством глазели на сторожа. Сторожить их было не трудно.

Прошло полчаса. Капитан не возвращался. Вадим заскучал. Он выкурил последнюю сигарету и нетерпеливо раскачивался из стороны в сторону. Прошло еще полчаса. Возле ворот слышались чьи-то голоса, затем в «хижину» вошли два сотрудника милиции, пастух и две монашки.

– Пошли в машину! – сказал один из милиционеров.

В машине уже сидел Капитан.

– Будут бить, терпи – шепнул он украдкой – главное – ничего не подписывай, а то поедешь «отдыхать».

– Куда? – не понял Вадим.

– В тюрьму – усмехнулся Капитан, насмешливо глядя на своего наивного друга.

В отделении с бомжами церемониться не стали. Едва монашки его покинули, Вадима и Капитана бросили на пол и тут же сразу несколько человек принялись избивать их ногами. После этого друзьям сунули в руки протокол.

В протоколе было написано о целом ряде краж, «совершенных» Вадимом и Капитаном в деревне. О козах же не было написано ничего. Опера хотели «раскрыть» преступления, и нашли «виновных».

Глядя на Капитана, мужественно переносившего побои, Вадим делал тоже самое. Избиения продолжались еще око-

ло часа, после чего обоих друзей посадили в камеру. Ни изгнанник, ни его товарищ ничего не подписали.

– Да, влипли! – сказал Капитан, потирая ушибы.

– Что теперь с нами будет? – спросил перепуганный Вадим.

– Ничего хорошего – усмехнулся «афганец» – побьют с недельку и отпустят. Главное – ничего не подписывай, терпи.

Изгнанник помрачнел.

– Зато кормить будут бесплатно целую неделю – рассмеялся Капитан, пытаясь развеселить друга – еще бы водки и бабу!

– И сигарету – добавил Вадим, невольно улыбнувшись.

Он был поражен стойкостью «афганца» и заметно повеселел, глядя на своего не унывающего товарища.

Развалившись на лавке, бывший боевой офицер спокойно напевал детскую песенку: «От улыбки станет всем светлей».

– Расскажи лучше, что у тебя в монастыре произошло – не вытерпел изгнанник, продолжая улыбаться.

– Дурак я, Вадим, понимаешь? – медленно произнес Капитан, переворачиваясь на бок – Прихожу в монастырь, нашел этого пастуха. Иваном зовут. Говорю ему: мы твоих коз нашли. Отдадим за две бутылки водки. Мы их, говорю, можем продать чуркам – их в деревне полно – или сами шашлык из них сделать. Подожди, говорит пастух и ушел. Приходит. Пошли, говорит, возле гаража посидим, подождем. Я старшей, говорит, позвонил – сейчас подойдет. Сидим. Дол-

го так сидели. Я ему, козлу, все про свою жизнь рассказываю – про Афган, про зону, про Рашида.

Капитан горько вздохнул и, сделав небольшую паузу, продолжил:

– Он сидит, молча, слушает. А рядом с гаражом стройка, помнишь? Здание какое-то строят. Так вот: в ворота грузовик с прицепом заезжает и прямо возле нас останавливается. Ну, я не придал ему значения – подумаешь, грузовик на стройку приехал. Сидим дальше, ждем. Через минуту две монашки подходят. Одна из них, видимо, старшая, молодая, красивая улыбочку сладкую-пресладкую сделала – актриса еще та. Здравствуйте, говорит, Вы наших коз нашли? Спасибо Вам огромное! Мы Вам тут все приготовили. А сама пакет в руках целлофановый держит. Только, говорит, сначала коз нам верните. Хорошо, говорю, пойдете. Мы с Иваном встали, поворачиваемся спиной к грузовику, делаем несколько шагов. Из-за грузовика выходит мент. Пройдете в машину, говорит. А машина, оказывается, рядом, за монастырскими воротами стояла. Сзади подъехала и за грузовиком встала, когда мы к нему спиной повернулись. Садимся в машину, едем. Я говорю: вот и делай добро людям! А Иван мне отвечает: какое же это добро, если вы за коз выкуп требовали? Привели бы, да отдали – вот это было бы – добро.

Капитан опять горько вздохнул.

– Ну, скажи, Вадим, как надо было поступить? Мы же этих коз, черт бы их побрал, вернуть хотели. А самих трясет с

похмелья. Думал, должны же нам за них, что-нибудь дать?

– Должны – мрачно усмехнувшись, ответил Вадим – вот и получили.

Глава 9

Как и предполагал Капитан, избиения продолжались неделю. Опера били жестоко, мастерски и, что самое удивительное – на телах жертв не оставляя синяков.

– Больше я не выдержу – сказал Вадим, когда после очередного избиения друзья сидели в камере – Я лучше все подпишу и сяду в тюрьму, чем стану калеккой.

«Афганец» сочувственно посмотрел на друга и промолчал. По его лицу было видно, что он о чем-то сосредоточенно думает. Разговор не клеился. Так в полном молчании прошло два часа. Затем друзей снова вывели на допрос.

– Я признаюсь – неожиданно объявил Капитан – не бейте только. Я все подпишу. Я один совершил все эти кражи. Парень тут не причем. Я с ним познакомился всего-то с неделю назад. Отпустите его. Я один во всем виноват.

Вадим был поражен. Потеряв дар речи, он ошеломленно уставился на товарища. За то представители власти были несказанно рады такому внезапному обороту дела.

Следующие несколько минут майор милиции писал новый протокол обо всех «преступлениях», «совершенных» Капитаном, а еще через несколько – изгнанника выпустили на волю, не имея за ним никакой вины.

На воле Вадима охватило сразу два чувства: чувство радости от освобождения и чувство боли – изгнанник глубоко переживал за своего единственного друга, благородство которого в очередной раз тронуло до глубины души.

Был полдень. Вадим в унылом расположении духа шел по знакомой дороге, усыпанной коровьими «лепешками».

– Теперь Капитан получит несколько лет тюрьмы – печально вздыхая, думал он – а я даже не узнаю, где он будет сидеть. И письма ему не смогу писать. И он мне не напишет, ведь у меня даже адреса нет. И все из-за этих проклятых коз. Какие же сволочи эти верующие!

Как раз в это время навстречу ему шагало стадо коров. Две знакомые козы важно шли впереди. Позади стада пастух подгонял телят. Когда они поравнялись, он совершенно беззлобно посмотрел на Вадима.

За то изгнанник, смерив его гневным взглядом, гордо отвернул голову.

– Зря обижаешься – спокойно сказал пастух.

– Морду бы тебе разбить, козлу! – со злостью ответил Вадим – Из-за ваших коз человек теперь в тюрьму сядет и надолго.

– В тюрьму?! – удивленно спросил Иван.

– Да, пошел ты, ублюдок! Мы к вам по-человечески, а вы, как последние скоты – изгнанник ускорил шаг.

– Да, погоди ты! – закричал ему вслед Иван, совершенно не реагируя на оскорбления – Где он сейчас?

– В отделении – буркнул Вадим, не оборачиваясь, и ускорил шаг.

Вечером этого же дня в заброшенный домик в пионерском лагере, в котором в печали сидел изгнанник, веселый и довольный вошел Капитан.

– Вадим!

– Капитан!

Друзья обнялись, словно не виделись целую вечность.

– Ну, рассказывай, как тебя выпустили? – с нетерпением спросил Вадим.

– Иван помог – ответил Капитан.

– Пастух??

– Да. Сiju в камере, вдруг заходит мент. Выходи, говорит. Выхожу. В той самой комнате, где нас били, стоит Иван. С ним три монашки. Одна из них та самая начальница, которая на нас ментов вызвала. И с ними какая-то женщина в козынке с иконой в руках. Вот, говорит майор, скажи им спасибо. Хорошо дело твое в прокуратуру отправить не успели. Спасибо, говорю монашкам, а они мне в ответ – простите нас и такие кроткие стоят! – Капитан с умилением улыбнулся.

– Да, ты в рубашке родился! Только скажи, зачем ты все на себя взял?

– Молодой ты еще, Вадим. И в жизни у тебя может быть, еще все наладится. А я старый, жизнь свою прожил так – врагу не пожелаешь и помирать скоро. А тюрьма никому на пользу не идет. Мне-то терять нечего.

Телевизор так и стоял в развалине домика никем не тронутый. Друзья продали его на следующий день на «толкучке» за сто рублей. Вернувшись назад в деревню, они купили спирта, дешевой пищи, сигарет и собрались идти в заброшенный пионерский лагерь. В монастырь они решили больше не ходить и поэтому лишили себя возможности питаться в нем и лазать в «богатые» мусорные контейнеры. Вадим и Капитан проходили мимо знакомого поля, на котором паслись монастырские коровы. С ними были и злополучные козы. Друзья с улыбкой посмотрели на них, затем увидели пастуха. Он сидел рядом с домиком под широким вкопанным в землю тонарным зонтом и играл на гитаре.

– Знаешь, что – сказал Капитан – надо к нему подойти поблагодарить. Если бы не он, сидеть бы мне сейчас в тюрьме.

– Если бы не он – парировал Вадим – нас бы вообще не забрали.

– Что вышло, то вышло. А он все-таки молодец. Идем?

– Пошли – немного поразмыслив, ответил изгнанник.

– Иван, можно к тебе подойти? – вежливо спросил Капитан.

– Да, конечно – последовал короткий ответ.

На этот раз пастух был приветлив и доброжелателен. Друзья обменялись с ним сердечными рукопожатиями.

– Спасибо тебе, Иван, что выручил – сказал ему Капитан – если бы не ты и монашки, сидеть бы мне сейчас в тюрьме. Только ты нас пойми, мы, ведь, вам добра хотели. Мы могли

этих коз таджикам продать, а вместо этого вам вернули, а вы сразу милицию вызывать.

– Да, поймите вы, мужики – ответил Иван – я здесь ничего сделать не мог. Я работаю во славу Божию, то есть бесплатно, и у меня вам на водку денег нет. Я был вынужден позвонить старшей и все ей рассказать. В монастыре вина немало. Думал, даст вам что-нибудь. Я сам не ожидал, что она ментов вызовет. Но вы ее тоже поймите – молодая девчонка. В школе отличницей была, конным спортом занималась, да уроки учила. После школы сразу в монастырь ушла. Она ничего в своей жизни не видела. Ее представление о милиции, как о чем-то очень хорошем – преступников ловят, закон защищают. Это я ее уговорил заявление на вас не писать.

– Спасибо! – сказал Капитан.

– Нас и так целую неделю били – вставил Вадим – хотели на нас все кражи в деревне списать. Здесь же полно дачных домов, которые почти год пустуют.

– На то и менты – сказал Иван – но вы тоже хороши, привели бы коз, да отдали. Вас бы все равно отблагодарили. А вы – дайте нам две бутылки водки, а то коз не вернем. Сами же под статью лезли.

– Да, не соображал я ничего с похмелья – оправдывался Капитан – в башке туман, башка раскалывается, «трубы горят» и одна только мысль – где взять похмелиться.

– Ладно, главное, что все обошлось – заключил пастух.

– Иван, ты выпьешь с нами спирта? – спросил Капитан.

– Только немного и аккуратно. Я не могу напиваться – мне же за стадо отвечать.

Он достал мобильный телефон и завел на нем будильник.

– Это что бы время не прозевать, когда коров в монастырь гнать – пояснил он – у меня вся жизнь по расписанию. Сейчас закуску достану.

Иван достал из походной сумки консервную банку с сардинами и открыл ее складным перочинным ножом.

Все трое выпили и закусили.

– М-да! – проговорил Вадим – А мы к вам в монастырь на работу устроиться хотели. Теперь не возьмут.

– Да, и раньше бы не взяли. Наша матушка боится незнакомых людей и бомжей с улицы на работу не возьмет.

– А кто такая матушка? – спросил изгнанник.

– Так в монастыре настоятельницу называют.

– Кормят у вас хорошо – завистливо сказал Капитан.

– Скит богатый – ответил пастух – благодетели приезжают такие крутые, их целый автобус ОМОНа охраняет.

– А что такое – скит? – спросил Вадим – Это что, так монастырь называется?

– Скит – это, можно сказать, филиал монастыря. Сам монастырь, вообще, в Эстонии находится. Это мы привыкли скит монастырем называть.

В это время две коровы, сцепившись рогами, начали бодаться. Иван, недолго думая, встал и, взяв кнут, подошел к ним. Со словами: «Где дисциплина?» он врезал обеим коро-

вам. Те тут же разбежались в разные стороны. Пастух вернулся назад.

– А почему ты их все-таки так лупишь? – поинтересовался Капитан.

– Попаси сам – узнаешь. С этими коровами сплошные нервы. Попробуй, справишься с ними! Да, и приучили меня так монашки с самого начала, когда я только сюда приехал.

– Ты же верующий?

– Верующий – не значит святой. Я такой же человек, как и все остальные. У меня тоже есть нервы. Верующий отличается от неверующего тем, что осознает свои грехи и кается. Господь призвал к покаянию не праведников, а грешников. А коровы бывают «с характером», делают, что хотят, а кнут поддерживает в стаде дисциплину. При всех тиранах был порядок в стране. Вот и беру с них пример – улыбнулся Иван.

Они выпили еще. Вадим и Капитан закурили.

– Ты сам-то, откуда? – полюбопытствовал изгнанник.

– С Москвы, с Бирюлево.

– А зачем ты, если не секрет, в монастырь ушел?

– Да, есть причина – Иван тяжело вздохнул.

– В монахи хочешь постричься? – спросил Капитан.

– Нет. Здоровье поправить. Депрессия у меня сильная уже несколько лет. Духовник сказал – поживи в монастыре – пройдет постепенно.

– А кто такой духовник?

– Священник, у которого ты постоянно исповедуешься и

которому доверяешь.

– И давно ты здесь?

– Почти пять лет.

Друзья немного помолчали.

– А все-таки, Иван, объясни, пожалуйста – вежливо попросил Капитан – почему ты картошку в навозную яму выкидываешь?

– Видишь ли – пастух снова вздохнул – она внутри вся черная. В монастыре полно хорошей картошки. Настоятельнице плохую картошку жалко просто так выкинуть, и она благословила давать ее коровам. Сестрам дала послушание – отобрать плохую и сложить в мешки, а меня благословила каждый день давать коровам один-два мешка. Ветеринар сказал, что коров нельзя кормить такой картошкой, иначе они будут болеть. Матушка все равно сказала – давать, а когда коровы болеть начнут, она обвинит во всем старшую по коровнику. Я священника на исповеди спросил, как быть. Он сказал – выкидывай и никому не рассказывай. Вот и выкидываю каждый день один-два мешка.

– Такая глупая и настоятельница! – удивился «афганец».

– Ей восьмой десяток. Она уже ничего не соображает – немного обиженно ответил Иван.

– Да! Тяжело оказывается в монастыре – призадумавшись, произнес Капитан.

Они выпили еще раз.

– Ты монашек не трахал? – смеясь, спросили изгнанник,

повеселевший после выпитого спирта.

– Мне эту шутку говорили сто раз, и она мне очень надоела – на этот раз Иван сильно рассердился – ну, почему никого не интересует, что такое монастырь, что такое церковь, что такое православная вера? Почему всех интересует только грязь: как ты живешь без бабы, трахал ли ты монашек, как можно работать бесплатно... Ведь, русскому человеку дано до последних времен сохранить православную веру. Где же русские люди? Во что они превратились? Почему все кругом только пьют, трахаются и деньги зарабатывают, а до Бога, до спасения собственной души, до спасения России никому дела нет? Эх, Россию жалко!

Иван говорил пламенно, напористо, горячо и искренне. В глазах его горели боль и обида.

– Ну, извини, я же пошутил! – засмутился Вадим.

– Да, я не обижаюсь – ответил пастух – просто надоела эта шутка. А за Россию действительно обидно. Ведь, если русские люди уверуют в Бога, если обратятся к Нему с молитвами, Бог Россию помилует и не будет у нас преступной власти и чурки отсюда уедут и в стране порядок наступит. Мне за каждого обидно, у кого в душе нет света, который дает православная вера, за каждого, кто живет и не видит смысла жизни.

Изгнанник и Капитан с большим интересом слушали пламенную речь Ивана. По лицу «афганца» было видно, что пастух открыл ему что-то важное.

– Мне тоже Россию жалко – сказал Капитан – вот скажи, Иван, как, по-твоему, можно ее спасти?

Видимо, пастух думал об этом давно и был рад, что, наконец, представилась возможность выговориться.

– В Библии сказано: плодитесь и размножайтесь – начал он свою речь – Вот мусульмане этот закон соблюдают, а наши бабы делают аборт. Бог Россию и наказывает тем, что чурки сюда едут. Я бы под страхом смертной казни запретил аборт и казнил прилюдно сто женщин и сто врачей, их делающих. Не хочет женщина растить ребенка, пусть отдает его в детский дом. Только надо, что бы интернаты были на попечении РПЦ. Я где-то читал, что у нас в стране делается тринадцать тысяч аборт в день. Это пять миллионов в год. За двадцать лет это сто миллионов детей, которые могли бы вырасти православными христианами. Это честные менты, чиновники, депутаты, это армия без дедовщины, это все, что угодно... а нынешнее общество обречено. Оно вымрет от пьянства и наркотиков. А все от того, что люди не хотят жить с Богом. И всего-то расстрелять сто женщин и сто врачей. К тому же во все времена, когда человека приговаривали к смертной казни, его перед смертью священник исповедовал и причащал, и у любого самого закоренелого преступника была возможность покаяться в грехах, умереть и наследовать Царствие Божие.

– Ну, хорошо – не вытерпел Вадим – а нам, бомжам что делать? Мы должны, по-твоему, спать под забором и молитвы

ся за Россию? Почему нам Бог не поможет найти жилье и работу?

– Постарайтесь поменьше пить и молитесь, просите помощи Божьей и постепенно все у вас наладится.

Иван еще долго проповедовал, но Вадим его почти не слушал.

– Если Бог такой хороший и всемогущий, то почему он допускает, что люди, лишённые крова, обречены умирать под забором? И как не пить от такой жизни? – выпалил он, наконец, с обидой.

– И Христу было негде голову преклонить – спокойно ответил пастух.

– Легко ему говорить – думал изгнанник – сам живет в богатом монастыре, в тепле, одет, обут, накормлен и работа – «не бей лежачего» – сидеть в поле, на гитаре тренькать. На наше место бы его – посмотрел бы я, как бы он проповедовал. А парень, все-таки, хороший. Не буду ему это говорить, что б ни портить отношения.

Они снова выпили.

– А ты слишком умный для пастуха – похвалил Ивана Капитан.

– Я же не по призванию пастух – с улыбкой ответил Иван – мое призвание вот – гитара.

– Сыграй нам что-нибудь – попросил Вадим.

Играл Иван хорошо. Он спел несколько очень серьезных песен православного и патриотического характера и специ-

ально для Капитана – одну «афганскую». От этих песен на душе у изгнанника стало тепло и светло. Капитан же, вообще, был сильно тронут. Друзья сильно заужавали пастуха.

Зазвенел будильник.

– Мне пора – сказал Иван, вставая – пойду коров собирать.

– Прости нас, Иван – пожимая ему на прощание руку, сказал Капитан – мы сильно в тебе ошибались.

– Дай Бог тебе всего хорошего! – сказал Вадим.

– Да, я на вас не обижаюсь – ответил пастух – вы завтра с утра ко мне в поле приходите. Я вам продуктов принесу.

Он отнес в домик зонт и складной стул, на котором сидел, затем пошел к стаду и, обойдя его, начал погонять коров. Раздался его голос:

– Домой, домой, домой! Колбаса, шире шаг! Сиськина, не отставай!

Коровы не слушались. Пастуху приходилось, спотыкаясь, шагать по пояс в траве к каждой скотине и при помощи кнута гнать ее вперед. Так постепенно он согнал их с пастбища. Стадо остановилось. Одна корова осталась стоять посреди поля. Она громко мычала, но с места не двигалась.

– Пулей!! – заорал Иван.

Корова продолжала стоять на месте. Выругавшись, пастух пошел за ней назад в поле. Подойдя к скотине, он замахнулся кнутом. Корова его опередила. Не дожидаясь удара, она резко рванула с места и, по-смешному прыгая с передних ног на

задние, понеслась к стаду. Пастух от злости запустил в нее кнутом.

– И так каждый день – пожаловался он на ходу Вадиму и Капитану.

Улыбаясь, друзья весело и с уважением смотрели вслед этому парню с простым русским именем – Иван.

Глава 10

Давно прошло лето, и наступила осень. В самых первых числах октября территория заброшенного пионерского лагеря была густо завалена мокрыми желтыми осенними листьями, которые вместе с пожухлой травой по утрам покрывались инеем. Дул сильный ветер. Густые серые тучи сливались со скрывающим горизонт туманом. Видимость была всего несколько метров вокруг. Лужи покрывались тонкой кромкой льда.

Работу и жилье Вадим и Капитан так и не нашли, и по-прежнему жили в развалине в заброшенном пионерском лагере, несмотря на то, что октябрьскими ночами спать в «хижине» было холодно. Друзей согревал спирт и, разведенный посреди разрушенного домика, костер. Промышляли они все тем же: «прииски», сдавание цветного металла в приемные пункты, да иногда помогали местным жителям по хозяйству, за что были щедро накормлены и напоены. Друзьям, так же, приходилось ежедневно искать дрова, и они часто кланчили их у местных жителей, с которыми пили или ко-

торым помогали. Еще чаще Вадим и Капитан собирали хворост и ветки поваленных деревьев в находящемся неподалеку небольшом лесочке. Сырой хворост складывали на просушку в «хижине» вдоль стен.

Очень часто друзей выручал Иван. Пастух приносил им целые сумки с продуктами и иногда – одежду. Изгнанник и его товарищ частенько приходили к нему в поле, и каждый раз их новый приятель вел с ними духовные беседы и играл на гитаре. Неприязнь к нему сменилась на огромное уважение.

Сегодня друзья, навестив Ивана, получили от него сумку с продуктами и, вдоволь пообщавшись с ним, поспешили в пионерский лагерь, собираясь принять пищу и раздобыть спирта и сигарет.

– Фу, откуда так говном прет!?! – возмутился Капитан.

Они вошли в свою «хижину» и в недоумении остановились возле дверного проема. На полу, опершись спиной об стену, неподвижно сидел их давний знакомый – Мирон. Лицо его искажала гримаса боли, ужаса и отчаяния.

– Ну, что, знакомые лица! – с сарказмом проговорил Капитан – Опять тебе плохо?

Старик ничего не ответил. Он, молча, и неподвижно сидел и даже не моргал.

– Напоишь такого водкой опять – добавил Вадим – а он тебя снова обворует.

– А не напоишь – помрет – возразил «афганец» – везет же

нам на этого урода!

Мирон не шевелился. Изгнанник пытался его растолкать, но безуспешно. На помощь другу пришел Капитан, который пощупал пульс у старика. Рука была холодная, пульс отсутствовал. Мирон был мертв.

– Вот нам теперь хлопот прибавилось! – огорченно произнес Вадим – Что теперь с ним делать будем?

– Надо скорую вызвать – ответил Капитан.

Что бы вызвать скорую помощь, друзьям пришлось бегать по деревне в надежде попросить у кого-нибудь мобильный телефон.

Врачи приехали только через полтора часа. Изгнаннику и его другу пришлось все это время сидеть возле ворот пионерского лагеря, в ожидании их машины.

Покойного осмотрели – вероятно, смерть от острой сердечной недостаточности в результате сильного похмельного синдрома. У Мирона не было ни паспорта, ни тем более страхового полюса. Фельдшер вызвал «труповозку», после чего скорая уехала прочь.

За трупом приехали только к вечеру. Санитары были не в духе.

– Закопали бы, где-нибудь в лесу своего друга – со злостью сказал один из них – нам бы меньше проблем было.

– Вот ты, когда сдохнешь, тебя и закопаем – разозлился Капитан, с недобрый огоньком посмотрев на него.

Грубиян в ответ промолчал.

Покойного погрузили в машину.

– Куда вы его, хоть, повезете? – полюбопытствовал изгнанник.

– Понятно, что не в больницу – усмехнувшись, ответил все тот же санитар – на Ново-Архангельское кладбище. Там таких, как вы, как мусор сжигают. Положат в ящик и в печку. «Труповозка» уехала, увезя с собой труп Мирона.

– Вот сволочи! – с обидой сказал Капитан – Таких, как вы, как мусор сжигают! Его бы, гада, на наше место!

– За что мне все это? – с горечью думал Вадим – ни крова, ни работы, ни денег, никому не нужный, всеми презираемый. А помру, так сожгут, как мусор без всяких угрызений совести, словно я, вообще, не человек.

Друзьям снова не повезло – пока они ждали «труповозку», пункт приема металла закрылся. Похмелиться было не на что. Вадима и Капитана трясло с сильного бодуна. Курить тоже было нечего.

Ближе к ночи подул сильный ветер и пошел проливной дождь. В развалине бывшего домика затух костер. Через дыры с потолка на друзей полилась вода. В считанные минуты Вадим и Капитан вымокли насквозь. Спать в таких условиях было невозможно. Изгнанник и его друг сидели в «хижине», дрожа и ежась от холода. Наконец, Капитан нашел выход из сложившейся ситуации.

– Знаешь, что, Вадим – радостно воскликнул он – пошли-ка в монастырь к Ивану. Попросим, что б пустил нас,

хотя бы ночь переночевать, а не то к утру, не дай Бог, воспаление легких получим.

– А нас туда пустят? – с неуверенностью спросил изгнанник.

– Попытка – не пытка – ответил «афганец» – у нас нет другого выхода.

Монастырские ворота были закрыты. На них висел большой навесной замок. Друзья под проливным дождем в нерешительности прогуливались вдоль стен возле территории скотного двора. В одном из окон, стоящего возле коровника длинного двухэтажного дома горел свет. Вадим и Капитан увидели в этом окне голову Ивана.

– Хорошо ему сейчас – с завистью сказал изгнанник – одетый, обутый, в тепле, а мы тут промокшие, замерзшие, и колотит с похмелья.

– Не говори! – подтвердил Капитан.

Друзья, хоть и уважали Ивана, но все же, сильно завидовали ему.

«Афганец» поднял с земли маленький кусочек глины и, прицелившись, осторожно запустил его в стекло окна, в котором виднелся их товарищ.

Пастух немедленно открыл форточку.

– Иван, привет! Выйди на крыльцо, поговорить надо – попросил Капитан.

– Что случилось? – спросил пастух, когда выполнил просьбу друзей.

– Иван, слушай, тут холод такой и ливень – сказал «афганец» – не откажи бездомным, пусти на одну ночь переночевать.

Их друг на несколько секунд задумался.

– Сейчас, подождите – сказал он и скрылся за дверью.

Через минуту он снова появился, обутый в резиновые сапоги и одетый в солдатскую плащ-палатку. В руках Иван держал синюю телогрейку.

– Ты что, коров собрался пасти? – шепотом сострил Капитан.

Улыбнувшись, пастух спустился с крыльца и, выйдя из-под козырька прямо под ливень, подошел к забору. На острые колья заборной решетки легла телогрейка.

– Перелезайте, только тихо – зашептал Иван – я так иногда по вечерам в деревню хожу.

– Хитрец! – весело прошептал Вадим, первым перелезая через ограду.

Подождав Капитана, они поднялись на крыльцо.

– Заходите по очереди – шепотом сказал пастух – снимайте обувь и на цыпочках по одному поднимайтесь по лестнице. Только тихо, без шума.

Едва друзья оказались на втором этаже, как на первом раздался чей-то недовольный голос:

Кого ты там еще привел?

Следом послышался голос Ивана:

– Знакомых. Успокойся ты, Сергей, они только ночь тут

переночуют, а завтра с утра уйдут.

– Знакомых? Это не тех бомжей, случайно, про которых ты мне рассказывал?

– Ладно, ты только никому не говори.

– А у тебя есть на то матушкино благословение – по ночам сюда бомжей водить? Хочешь, чтобы они тут что-нибудь украли или инфекцию, какую принесли?

– Что ты так боишься всего?! – голос пастуха стал смел и напорист, хотя разговаривал он по-прежнему тихо – Вспомни, чему Господь учил: алкал Я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня... Его слушай, а не матушку. Матушка их отсюда просто выгонит и скоро ответ даст перед Богом за все свои поступки.

– Ну ладно – голос смягчился – только учти – если у меня что-нибудь пропадет – ты отвечать будешь.

– Хорошо, отвечу – последовал твердый ответ.

Наступила тишина, а за ней следом послышались осторожные шаги по лестнице и вскоре к друзьям поднялся Иван.

– Вот оно фарисейство! – шепотом возмущался он – Вместо того, чтобы людям добро делать, все кругом только за свою шкуру дрожат. Побывать бы таким на месте других!

– Слушай, Иван! – тихо спросил Капитан – Если мы тебе такие проблемы создаем, может мы лучше уйдем?

– Нет, не надо – ответил пастух – просто теперь делайте все, как я говорю. Куда я вас в такую погоду выгоню?!

В соседней с Ивановой кельи на потолке не горела лампочка. Пастух принес настольную лампу. Она осветила маленький журнальный столик, на который ее поставили, две кровати вдоль стен и комод, над которым висели несколько икон. Келья была просторной. Иван занавесил небольшое окно простыней, что бы со двора не было видно света – вдруг кто-нибудь пойдет.

– Ходите на цыпочках и разговаривайте шепотом – предупредил он – прямо под вами живет старая, сварливая монашка. Если она услышит здесь какой-нибудь шум и незнакомые голоса – такой крик поднимет! И мне первому достанется. На этот этаж никто не ходит и кроме меня тут никто не живет. Здесь будете спать, а с утра, что бы вас никто не видел, аккуратно отсюда уйдете.

Иван принес в келью обогреватель и Вадим с Капитаном с радостью развесили на просушку свои вещи.

– А теперь пошли ко мне – шепотом сказал пастух – выпьем для согрева.

В кельи у Ивана царил полный беспорядок. Похоже, в ней никто никогда не убирался. Келья была такая же просторная, как и предыдущая. В правом дальнем углу висел маленький иконостас – треугольник, выпиленный из куска фанеры. На нем стояли иконы и горел огонек в лампадке. Внизу на огромном покрытом пылью комодe – маленький телевизор, dvd-проигрыватель и целая свалка мелких вещей: кассеты, компакт-диски... Напротив комода находилась застлан-

ная покрытая покрывалом кровать. Другая такая же кровать была вся завалена вещами крупнее: кнут, походная сумка, рубашки, майки, рабочая одежда... Возле нее стоял шкаф. У самой двери – маленький самодельный столик, усыпанный печеньем, конфетами, консервами... На нем еще – электрический чайник, чашки, ложки и пластмассовая банка с медом.

– Времени не хватает, что бы порядок в кельи навести – пожаловался Иван, усаживая гостей на край заваленной вещами кровати и, пока его товарищи жадно пожирали глазами, лежащее на столике съестное, подошел к шкафу и достал из него чуть початую бутылку водки.

– У монашки выпросил, которая продукты выдает – с улыбкой сказал Иван, усаживаясь на, стоящую рядом со столиком, табуретку и, спустя секунду, глубоко вздохнув, добавил – устал я очень, сил больше нет. Вот решил выпить. Вы, наверное, есть хотите? Берите, ешьте, что захотите. Все на столе.

Только сейчас друзья заметили, что их товарищ прилично пьян, эта бутылка у него далеко не первая и ему хотелось кому-то высказаться обо всем, что творилось у него на душе.

– Я в этом монастыре столько нервов вымотал! – начал пастух, разливая по кружкам водку – Тут такой бардак творится! Настоятельница – игуменья Филимона сорок два года была помощницей Алексея Второго. Скит очень богатый. У нее денег – куры не клюют. Я, естественно, не знал об этом и

когда сюда приехал, и сказал, что хочу бесплатно работать – во славу Божию, она хитро избавилась от рабочего, который здесь два года трудился и получал зарплату. А мне сказали, что он чем-то провинился. После этого мне просто сели на шею. Я же сюда неофитом приехал и все воспринимал в «розовом свете». Я трудился с пяти утра до двенадцати ночи и по своей наивности считал, что так и должно было быть. Даже на Рождество и на Пасху, когда весь монастырь отдыхает, я целый день работаю в коровнике. Только прихожу в келью часок отдохнуть, как тут же звонок – Иван, приди, помоги, без тебя никак. Сестры раз в год ездят домой в отпуск. Меня же отпустили в первый раз только через два с половиной года и всего-то на две недели. И денег дали всего полторы тысячи рублей. Я эти две недели только в себя приходил после всего этого ада.

– Почему ты не уехал отсюда? – удивился Вадим.

– Духовник сказал – терпи, Бог воздаст – тяжело вздохнув, ответил Иван – ты больной, живи в монастыре. Так в Церкви учат – священник умнее, лучше знает, как тебе быть и нужно его слушаться.

Все трое выпили и закусили.

– Вернувшись, я попросил у Филимоны денег – зубы вставить. Это после всех моих трудов – с обидой продолжил пастух – так у нее сразу глазки забегали, вижу – в них страх. Сложно – говорит – сложно. А сама племянникам квартиру купила возле монастыря. И благодетели миллионы сюда

жертвуют. Тут я окончательно в ней разочаровался, поняв, какая она жадная. Эта мразь придумала, как меня обмануть. Как раз наступало лето. Вот она и решила – откажу – обидится и уедет. Кто тогда будет коров пасти? И придумала: попаси – говорит лето – некого вместо тебя на замену ставить, а осенью я тебе помогу. Не поверил я ей, да благочинная заявила – я хорошо знаю матушку – она не обманет. Осенью же матушка говорит с хитрой улыбкой – а я тебе ничего не обещала.

– И ты и после этого не уехал? – вознегодовал Капитан.

– Собирался – снова вздохнул Иван – да сестры уговорили остаться. Они все меня очень любят. В монастыре такой переполох поднялся – Иван уезжает! Монашки говорят – Бог ее накажет, а тебе за эту обиду воздаст. Так же и духовник сказал.

– Дурак твой духовник – вспылел Капитан – гордость надо иметь. И монашки твои – дуры.

– Ну, люблю я их, что поделать?! – Иван сжал кулаки – И монастырь этот люблю. Да и как уезжать, не поправив здоровье. Что мне так всю жизнь жить? У меня очень сильный творческий потенциал, который я со своей болезнью не могу реализовать. Что мне крест на всей своей жизни ставить? Сестры сказали, что я не первый, кого матушка так обманула. Раньше я этого не знал. Сестры живут, друг другу не доверяют – боятся сплетен, зависти и прочего, на что способны женщины и мне по этой причине раньше про матушку

не рассказывали. Здесь все делается при помощи подлости и лжи, и настоятельница первая в этом плане пример подаёт. Только тогда я понял, почему от того рабочего избавились – что бы ему денег не платить. Я же бесплатно работаю. Естественно, такая настоятельница, как наша не может нормально окормлять монастырь духовно. Сестры зажрались, избаловались, друг против друга интриги плетут, сплетничают.... На меня тоже то одна наорет, то другая.... И так каждый день. Они же бабы – орут из-за разной ерунды. Дружбы между ними никакой, духовности никакой. Я сначала долго все это терпел, потом тоже срываться начал, орать.

– А ты говорил – духовное возрождение России! – печально произнес Капитан – Если верующие такой пример подадут, кто, глядя на них, в Церковь придет?

– Мне очень обидно за Церковь и за Россию – Иван снова горько вздохнул, разливая по кружкам водку – и я очень не хотел бы, что бы Россия жила так, как живет наш монастырь.

– Что среди сестер совсем нормальных нет? – удивился изгнанник.

– Да нет, есть и нормальные, но их мало – ответил пастух – вообще, каждая сестра по-своему старается жить праведно, но это редко, кому удается.

– А священники чего же? – снова вознегодовал Капитан.

– А что они могут сделать?! – ответил Иван – их трое, у них на попечении весь монастырь и еще триста прихожан. Да и руководит всем в скиту настоятельница. Ладно, давайте

выпьём.

– За Россию и за православие – сказал «афганец», поднимая кружку – за то, чтобы в нашей стране когда-нибудь наступил порядок, и не было в Церкви таких, как ваша игуменья!

Все трое снова выпили и закусили.

– Я потом много, что узнал про Филимону, и она потеряла мое уважение и доверие – продолжил Иван – Я человек открытый, правдивый и честный и теперь всегда поступаю так, как считаю нужным и ее благословения не спрашиваю. А самое ужасное – я влюбился в одну монашку. Молодая, красивая, характер легкий. Общаться с ней легко и приятно. И каково мне было! Знал, что ничего мне с ней не светит, и смириться с этим очень тяжело было. Спустя время ее поставили благочинной, то есть старшей по скиту.

– Это не та, случайно, которая на нас из-за коз ментов вызвала? – догадался Вадим.

– Она самая. У меня с ней всегда хорошие отношения были. Я ее из-за ее характера и поступков на голову выше других сестер ставил, и я ей тоже нравился. К тому же – единственный мужик в монастыре – ее верная опора, помощник и советчик. И так хорошо мне было! Каждый день с ней общался, чем мог, помогал, по ее просьбе по монастырю разную работу делал, помимо коровника. Прошло три года. Она влюбляется в одного прихожанина. Он – состоявшаяся личность – два высших образования, бизнесмен, живет в котте-

дже, женат, трое детей. Я из тех мужчин, которые особенно руками ничего делать не умеют и не любят. Мое – музыка, стихи. А этот Сергей – мастер на все руки. Он и сварщик, и плотник, и электрик... Словом, за любую работу берется. Ну, она на него и запала, влюбилась без памяти, хотя он и старше в два раза и женат. А я – больной человек. И музыка моя никому в этом монастыре не интересна. Меня даже ни разу не пытались выслушать. И началось...

– Что началось? – с нетерпением спросил Капитан.

Иван снова горько вздохнул, затем снова налил в кружки водку и, аккуратно поставив пустую бутылку за шкаф – подалеже от посторонних глаз (вдруг кто зайдет), продолжил:

– Этот Сергей стал почти каждый день приезжать в монастырь трудиться. Раньше он редко у нас трудился. В основном на службы приезжал. А эта монашка постоянно с ним. Она же старшая – может устроить так, что у нее будет свободное время, чтобы побыть с ним. Он работает, а она ему помогает. И всегда, посмотришь на нее – такая счастливая! Или уедет с ним на машине, и целый день их нету. Настоятельница мозги вправит, как ей надо и делает, что хочет. А я ревновать начал. Она это увидела и давай надо мной издеваться. Каждый раз специально делает так, чтобы я их вместе видел и смотрит, сволочь, на меня со своей сучьей улыбочкой – наслаждается, гнида моим страданием. Или унижает меня, как мужчину, пользуясь своим положением старшей. Об этом даже рассказывать не хочу. И как будто ее подмени-

ли. Раньше я ее за ангела держал, а теперь увидел, сколько в этом человеке лживости, подлости и лицемерия. Раньше она специально передо мной из себя хорошую строила, что бы я ее любил и уважал, чтобы использовать меня, а теперь она из себя такую хорошую перед Сергеем строит. Как вообще после этого женщинам верить?!

Иван, горько вздохнув, поднял свою кружку.

– Последняя – огорченно сказал он.

Вадим и Капитан немедленно к нему присоединились. Все трое выпили и закусили.

– Это не тот ли Сергей с первого этажа, с которым ты разговаривал? – любопытствовал Капитан.

– Он самый. Приехал сюда с ночевкой. Этот друг ее стал на игуменской машине ездить. У Филимоны как раз лишняя в гараже стояла, а эта сучка ее ему выбила. Все это меня сильно унижало. Его приезды я ненавидел, но приходилось терпеть. Многие сестры видели, что происходит, но те, которые пытались ей что-либо сказать, страдали от нее. Она оказывается еще и мстительная. Сергей этот всюду стал на первом месте. Все это с моей болезнью стало очень тяжело терпеть. У меня усилилась депрессия, потом нарушился сон, который и без того на вес золота. Я стал очень раздражительный, потерял веру людям. Со мной часто случаются нервные срывы. Коров стал лупить пуще прежнего. Год назад я не сдержался и поколотил эту мразь.

– Монашку?! – ошеломленно воскликнул Капитан.

Изгнанник был поражен не меньше своего приятеля.

– И что же дальше было? – нетерпеливо спросил он.

– Надо отдать ей должное – исправилась, стала, как шелковая. Никому об этом не рассказала, что бы меня из монастыря не выгнали. Стала со мной, как раньше дружить, но любила своего Сергея. Только здоровье у меня так и не улучшилось. А через три месяца все повторилось. Моя ревность, ее издевательства и так далее. Я их с Сергеем убить готов. А сейчас, чувствую, нет у меня больше сил это все терпеть. Не знаю, как дальше быть. Завидую я вам – свободные, ни от кого не зависимые люди, вольные, как ветер, а я в этом рабстве и унижении.

– Уезжать тебе надо отсюда – посоветовал изгнанник – и обратиться к психиатру. Иначе только хуже будет.

– Духовник не благословляет – огорченно сказал Иван – говорит – терпи, Господь все управит. Бес – говорит – тебя крутит – это монастырское искушение. А к психиатру – говорит – не обращайся – положат в психушку, а там залечат, заколют. Да и куда я пойду? На шее у родителей сидеть не хочу, а работать нормально не могу. Делаю все очень медленно. Здесь к этому привыкли, а в миру такого работника никто держать не будет.

– Вот тебе на! – задумчиво проговорил Капитан – монастырь – и такое!

Иван снова горько вздохнул. Он сидел, молча, на табуретке и о чем-то сосредоточенно думал. Его друзья тоже сиде-

ли и молчали, впечатленные рассказом. Никто не знал, как помочь Ивану, чем утешить, что посоветовать. Вдруг пастух спохватился:

– Да, кстати, тут один знакомый есть прихожанин. Ему плотники нужны что-то строить – не то дачу, не то еще что-то. Вам зиму где-то перекантоваться надо. Осень уже, холодно. Он вам и жилье предоставит и платить будет. Хотите, замолвлю за вас словечко? Только Христа ради не пейте, а то я за вас поручаюсь, а вы меня подведете.

– Поговори, конечно – обрадовался Капитан – а мы уж постараемся.

– Спасибо тебе, Иван! – добавил Вадим – ты давай держись! Может и у тебя еще все образуется.

– Здесь я вас поселить не могу – продолжил пастух – матушка быстро узнает – сестры сдадут или этот Сергей. А вот в поле в пастушьем домике пока поживите. Туда, кроме меня редко, кто ходит.

– Спасибо тебе, Иван – снова обрадовался «афганец» – ты столько для нас делаешь!

Изгнанник был поражен поступками пастуха – у самого такие проблемы, а он еще о ком-то думает, кому-то пытается помочь.

Посидев у Ивана еще немного, друзья пошли спать в соседнюю келью. Утром их товарищ осторожно вывел их на улицу, затем Вадим и Капитан аккуратно перелезли через забор. Иван пошел пасти коров, договорившись с друзьями,

что они придут к нему в поле в течение дня.

Глава 11

Друзей разбудило громкое мычание коров.

– Иван пришел – пробормотал спросонья Капитан, переворачиваясь на другой бок.

Вадим открыл глаза. Вставать не хотелось. В уютном маленьком домике пастуха сквозь щели в ставнях просачивался свет. Помещение не отапливалось, и было холодно, особенно по ночам. Изгнанник и Капитан спали, не снимая одежды на большом двуспальном диване.

Иван позвонил тому прихожанину, который искал себе работников и замолвил словечко за своих приятелей. Этот прихожанин был в отъезде. Он обещал взять Вадима и Капитана на работу, но вернуться он должен был только к Покрову и приехать на службу в монастырский храм. К концу литургии Иван обычно пригонял стадо в монастырь на дневную дойку. (Настоятельница заставляла его пасти коров даже в большие православные праздники, когда все верующие шли на Божественную литургию.) Он должен был привести друзей в монастырь и познакомить их с этим прихожанином. Ждать пришлось целых две недели, которые изгнанник и его друг благополучно прожили в пастушьем домике посреди монастырского поля.

– Сегодня Покров – вспомнил Вадим и приподнялся на диване.

– Да! – многозначительно произнес Капитан – решается наша судьба.

На улице послышался топот копыт – коровы, резвясь, носились по полю. И вдруг раздался чей-то звонкий женский голос:

– Я все же не могу поверить, что Ивана больше нет.

– У меня это тоже в голове не укладывается – послышался другой женский голос низкий и бархатный.

Голоса медленно приближались. Друзья, быстро вскочив с дивана, и, припав к щели между досок в двери, смотрели на двух монашек, идущих по полю. Стадо коров вместе с двумя козами и тремя телятами, угомонившись, спокойно паслось возле ограждения из колючей проволоки. Монашки шли медленно, громко разговаривая на ходу. В поле стояла абсолютная тишина, поэтому каждое их слово было слышно отчетливо.

– Столько времени у нас прожил! – продолжала первая монашка – Работал, всем всегда помогал, настроение всем поднимал всегда, терпел нас всех, баб, а теперь раз – и нет его!

– Ой, тяжело это все – отвечала вторая – я вчера весь вечер ревела. Терпел, терпел и дотерпелся! Он давно устал от нас. Пахал, как проклятый, вот и сорвался. А какой человек был! Мы ропщем на послушании, а он нам: что вы ропщите? Для Бога же трудимся! Для всех сестер пример!

– Неужели Иван умер?! – в отчаянии подумал Вадим –

Сколько же можно друзей терять?!

– И зачем он этого Сергея послушал?! – снова заговорила первая – Надо было матушку дожидаться и самому ей все объяснить, а он взял, да уехал. Сергей его обманом выставил из монастыря, а матушке они с Арсенией преподнесли ситуацию, как им нужно и сами чистые остались. Ивана нет, про него теперь все, что угодно сказать можно.

– Да, Иван теперь в глазах матушки злодей, хуже некуда – печально отвечала вторая – и всего-то за глупую эсэмэску с угрозой, за которую он раскаялся. А Сергей ему сказал: матушка тебя отсюда выгонит, когда приедет. Если не хочешь, чтобы на тебя уголовное дело завели, я предлагаю тебе пять тысяч, чтобы ты собрал вещи и уехал.

– Откуда ты такие подробности знаешь?

– Иван мне звонил вчера, когда домой приехал и все подробно рассказал. Сказал, что морально сильно измучен и больше у нас оставаться не мог, вот и согласился.

– Бедный Иван! Довела его Арсения своими издевательскими. А он ее, оказывается, год назад избил, и об этом никто не знал.

– За то теперь Сергей матушке сказал – я сама слышала, как он ей по телефону говорил – он ее бьет, терроризирует, еще Вас, матушка, грязью поливает и бомжей к себе в келью водит.

– А матушка теперь в гневе. Говорят – он ей звонил, а она с ним даже разговаривать не стала. Конечно, сильно он

погорячился, когда ее избил и это теперь известно стало.

– Иван не из тех, кто чуть, что руки распускает. Пять лет у нас прожил, и от него, бывало, слова грубого не услышишь. А Арсения сама виновата – нечего романы крутить! Пришла в монастырь, постриглась в монахини, все – забудь о мужиках! Богу надо служить! Это до чего надо было Ивана довести, что бы он избил женщину, да еще – монашку!

– А матушке теперь ничего не объяснишь. Ты ее знаешь. Ей, как изначально ситуацию преподнесут, так она и думать будет.

– Да, старая она уже, ее не переделаешь. А Ивана жалко. Представляю, в каком он сейчас отчаянии! Пьет, небось.

– Мужик, есть мужик!

– А матушка все же хороша! Сколько Иван сделал для монастыря, как он трудился! Всем всегда помогал! Хоть и выпивал иногда, но всегда вел себя нормально. И человек он хороший, всегда шутил. Люди к нему тянулись и все его любили. А матушка даже разбираться не стала. Могла бы разобраться и наказать Арсению, а Ивана простить.

– Ты же знаешь матушку – она лицеприятная. Сергей – благодетель, вдобавок трудится в монастыре, а Иван – простой трудник – бесплатная рабочая сила. Он ушел – другой пришел. Она его за человека не считала, а он это все терпел – хотел здоровье поправить.

– Ой, прости, Господи, за то, что матушку осуждаем!

Монашки испуганно перекрестились.

– Ну, слава Богу, Иван жив! – прошептал Капитан

– Да, уж! – так же шепотом добавил Вадим – Только с работой теперь облом.

– Да и в домике в этом мы теперь больше жить не будем. Монашки, как нас увидят, так и погонят отсюда.

– Еще и коз припомнят. Что делать будем? Сваливать отсюда пора.

– Погоди, может они нас сейчас не заметят. Отсидимся, а, как уйдут, так и мы свалим.

– Ладно, слезами горю не поможешь – сказала первая монашка – пошли в дом, стульчики возьмем.

– Пошли – ответила вторая – там у Ивана еще зонт был большой. Возьмем его тоже. Солнце так и печет.

Надежды Капитана оказались напрасными – монашки, не спеша, приближались к пастушьему домику. Друзья переглянулись.

– Ой, что сейчас будет?! – с озорной веселостью прошептал Капитан.

Изгнанник, молча, улыбнулся, глядя на своего, неунывающего друга.

Монашки подошли к домику и остановились возле двери.

– А где замок? – недоуменно спросила первая, не обращаясь конкретно ни к кому.

– Что-то тут не так – отозвалась вторая.

Друзья снова переглянулись.

Первая монашка, нерешительно потоптавшись, подошла

к двери. Еще немного постояв, она резко ее распахнула. В ту же секунду раздался истошный, пронзительный крик. Она заорала так, словно увидела змею.

– Здравствуйте! – решительно сказал Капитан.

– Здравствуйте! – нерешительно промямлил Вадим.

В этот момент он чувствовал себя, словно пойманный вор.

– Что вы тут делаете? – возмущению монахини не было предела.

– Мы тут живем – спокойно заявил Капитан и не удержался от смеха.

Следом заулыбался и Вадим. На лица двух женщин нельзя было смотреть без иронии. Обе словно потеряли дар речи. Первая стояла, широко разинув рот, гневно и недоуменно глядя на улыбающихся бомжей. Вторая, молча, смотрела на них, выпучив свои большие красивые глаза. Лицо ее выражало испуг, растерянность и недоумение.

– Не бойтесь, мы не причиним вам никакого вреда – дружелюбно сказал Капитан и улыбнулся широкой, доброжелательной улыбкой.

Монахини немного успокоились, но все еще продолжали смотреть на бомжей недоверчиво.

– Как вы тут оказались? – строго спросила первая.

Вторая стояла, молча, глядя на двух друзей исподлобья.

– Сейчас мы вам все объясним – начал Капитан – вы только поймите нас правильно. Мы друзья Ивана...

– Поэтому вы пришли сюда и взломали замок – нетерпе-

ливо перебила вторая монашка и, обращаясь к первой, добавила – мать Зинаида, это те самые бомжи, которые у Ивана за коз выкуп требовали.

– Я знаю их, мать Ольга – сказала мать Зинаида – Иван за них заступался потом, рассказывал, какие они хорошие. Всему монастырю мозги проел со своими бомжами, дурачок. Прости Господи! Это он вас сюда пустил?

– Да – ответил Капитан – мы попросились тут пожить немного, пока он нам с работой и жильем не поможет. Он обещал. А идти нам совершенно некуда.

– А замок мы не взламывали – добавил Вадим – Иван нам открыл. Замок в доме на столе лежит.

– Вот сердобольная душа, Иван! – вздохнула мать Зинаида – И ведь даже ничего никому не сказал!

– Знал, что его за это ругать будут – улыбнулась мать Ольга – тем более матушка бы точно не благословила в домик бомжей пускать.

– Я так понимаю, нам теперь надо убираться отсюда? – спросил Капитан.

– Конечно – без всяких угрызений совести ответила мать Зинаида – нам из-за вас проблемы не нужны.

– Хорошо, мы сейчас уйдем – спокойно сказал «афганец». Он скривил рот в презрительной улыбке, но больше ничего не сказал. Вместе с изгнанником они вышли из домика.

– Вы нас, пожалуйста, извините – вдруг все же не вытерпел Капитан – но мы случайно подслушали ваш разговор про

Ивана и поняли, что произошло. А почему бы вам всем вместе не собраться и не рассказать вашей настоятельнице всю правду?

Монахини стыдливо опустили глаза и промолчали.

– Что же вы молчите? – с укором продолжил «афганец» – Не хотите невинного человека защитить, который вам всем столько добра сделал?

– Вы наших сестер не знаете – виновато ответила мать Ольга.

Обе женщины продолжали прятать глаза.

– Понятно – сдержанно проговорил Капитан и тут же сорвался – до чего же стал поганый дух в русском человеке! Даже в монастырях сплошная трусость и равнодушие! А Иван нам про духовное возрождение, про православие... Гроша вы ломанного не стоите вместе со всем вашим монашеством!

– Вы на себя посмотрите – тут же вспыхнула мать Зинаида – бедные несчастные бомжи! Только и делаете, что пьете! Не пили бы, так давно бы уже и жильё, и работу нашли.

– Давайте, уходите отсюда! – строго сказала мать Ольга.

– Как вас только Иван терпел?! – удивился Капитан – Счастлив, наверное, теперь, что уехал. А в вашем монастыре никогда не будет ни порядка, ни справедливости, пока настоятельницей будет такая мразь, как ваша матушка и будут жить такие гадуки, как вы. Эх, Россию жалко!

– Он еще и матушку обзывает! – возмутилась мать Зинаида – Уходите отсюда и, что бы духа вашего тут больше не

было!

– Жизнь коротка. О покаянии надо думать, душу спасать – сказала мать Ольга – а вы пьете, в церковь не ходите и еще верующих осуждаете.

– Да, глядя на вас и в церковь ходить не хочется – отозвался «афганец» – такой пример подаете. Обидно! Почему чурки все друг за друга стоят, а русские только каждый сам за себя? Почему православные, которые должны это первые понимать, не понимают? И не возродится Россия до тех пор, пока русские люди не научатся любить и уважать друг друга, поступать справедливо и друг за друга стоять. Пошли отсюда, Вадим! Ноги моей здесь больше не будет!

Оставив в поле двух разозленных монахинь, Капитан и изгнанник удалились восвояси. Настроение было не из веселых. Было жалко Ивана, и в их жизни все оставалось по-прежнему. Шла середина осени, приближалась зима. Не было ни жилья, ни работы. Возвращаться на свалку, на которой они прожили прошлую зиму, друзьям не хотелось. Они мечтали нормально устроиться в жизни, а не провести ее на помойке.

– Иван, конечно, сам хорош – вдруг, задумавшись, сказал Капитан – надо было сдерживаться. Какая бы ни была тварь, а все же – женщина, да еще – монашка. Нельзя на женщин руку поднимать.

– Ага, нельзя! – возразил Вадим – Женщины, знаешь какие бывают?! До чего угодно доведут! Хороша монашка,

которая в монастыре романы крутит, да еще над больным человеком издевается! Что делать с такой сволочью, которая пользуется своим положением?! Когда мужик становится полностью беспомощным и беззащитным в силу того, что он – мужик и не может ударить женщину, она будет делать с ним все, что захочет. Ты не был, Капитан, в такой ситуации, а я был. Я против того, чтобы чуть что сразу руки распускать, но иногда по-другому поступить невозможно. Ты же сам говоришь постоянно – должна быть справедливость и творить ее надо своими руками!

– Ты прав – немного поразмыслив, согласился Капитан – только за нее все время страдать приходится. Ты врезал жене – стал бомжом, Иван врезал монашке – стал изгоем. Я роту погубил в Афгане. Взорвали коттедж – погибли друзья.

– А с Иваном все точь-в-точь, как со мной произошло – задумчиво сказал изгнанник – я любил Оксанку, он – монашку. Оксанка мне изменяла и издевалась надо мной. Монашка так же поступала с Иваном. Я врезал Оксанке, он – монашке. Меня выгнали из квартиры, Ивана – из монастыря. Обоим дали немного денег, обоих обманули. И даже зовут этих людей одинаково – Сергей.

– Да, интересное совпадение – улыбнулся «афганец», прикуривая сигарету.

Запасы продуктов, принесенные заботливым Иваном в пастуший домик, кончились еще вечером. Вадим и Капитан пошли к мусорному бункеру в надежде найти что-нибудь,

что можно сдать в металлоприемный пункт или продать на «толкучке». Друзей ждало разочарование – бункер был пустой.

– Знаешь, что, Вадим – немного потоптавшись возле него, вдруг решил Капитан – пошли в монастырь, может чего в контейнерах найдем. Не выпить, так, хоть, пожрать раздобудем.

– Придется – согласился изгнанник – другого выхода похоже нет.

Новость об изгнании Ивана с быстротой молнии облетела деревню. Об этом говорили все местные жители, которых друзья встречали по пути в монастырь.

Иван был очень уважаемым и любимым всеми человеком. Выяснилось, что перед отъездом он заходил попрощаться с некоторыми деревенскими друзьями и, выпив с ними водки, рассказал о случившемся.

Местные мужики, выслушав его рассказ внимательно, были очень возмущены творящейся в скиту несправедливостью и, посочувствовав своему другу, пообещали встретить этого Сергея и, как следует, поколотить. Но Иван запротестовал. Он очень просил этого не делать, сказав, что Господь учил не мстить. Неверующие друзья пастуха были удивлены непонятным для них благородством, но от своего намерения отказались.

– Когда Господь на кресте висел – сказал им Иван слова из, слышанной им, проповеди – ангелы небесные хотели весь

мир разнести, а Он их удерживал. Бог всем судья. Он все видит и каждому воздаст по делам его.

– Неужели сделать ничего нельзя? – думал Вадим – Все Ивана любят, все жалеют, всем он нужен и какая-то жалкая кучка мерзавцев во главе с настоятельницей устроила все так, как им надо. Где же Бог? Почему Он не помог Ивану? И что может оправдать молчание монашек? Ведь, ни одна из них даже не попыталась заступиться за него! Ни одна!

С этими мыслями изгнанник вместе с Капитаном дошел до монастыря.

Служба в храме подошла к концу. Звонили колокола.

– Где-то здесь ходит наше счастье – горько усмехнувшись, сказал «афганец» – только без Ивана нам не найти того прихожанина.

– Все плохое – к лучшему – сострил в ответ Вадим, демонстративно залезая по пояс в помойку.

Им опять не повезло – оба контейнера были пустыми.

– Ладно, пожрать в деревне попросим – печально сказал находчивый Капитан.

Из храма стали выходить прихожане. Одни шли по узенькой аллейке к воротам и, выйдя за них, садились в свои автомобили или уходили пешком. Другие от храма доходили до гаража и дальше шли в разные стороны по широкой монастырской дороге к воротам, расположенным в ее разных сторонах. Многие из верующих проходили мимо, стоящих возле мусорных контейнеров, двух бомжей.

И вдруг Вадим вздрогнул от неожиданности – лицо одного прихожанина оказалось очень знакомым.

– Точно он – подумал изгнанник – ошибки быть не может. И все же удивительно, что это он.

Возле гаража стояла белая «десятка». К ней подошел мужчина в белой куртке, лет сорока пяти на вид, вместе с женщиной его же возраста и тремя детьми – мальчиком, лет десяти и двумя девочками–подростками.

– Не может быть! – прошептал Вадим – Неужели и правда, он?! Он, он самый!

Изгнанник сжал кулаки. В нескольких метрах от него стоял Сергей, тот самый, по вине которого Вадим стал бомжом.

Презрительно посмотрев на бомжей, бандит недовольно поморщился и, подойдя к автомобилю, принялся открывать дверцу.

Железная дверь гаража открылась и из него вышла монахиня Арсения.

– Сергей! – позвала она.

Бандит повернулся в ее сторону. Его жена и дети сели в машину. Сергей двинулся навстречу монашке. Поравнявшись, они остановились напротив друг друга.

– Сережа, помоги нам сегодня, пожалуйста – глядя на бандита с нескрываемым восхищением, попросила монахиня – надо стекло заменить в теплице.

– Хорошо, мать Арсения – ответил Сергей – сейчас жену с детьми домой отвезу и приеду.

– Спаси тебя, Господи!

– Что ты так на них уставился? – спросил изгнанника Капитан.

– Это тот самый бандит, который меня бомжом сделал – со злостью ответил Вадим – видишь, каков ублюдок?! – нагребил, потом фирму открыл и под порядочного человека заделался, да еще и якобы верующим стал. Это он Ивана из монастыря выжил. А все это вон из-за той монашки вышло.

– Да, ну и дела! – удивился «афганец» – Никогда бы не подумал, что верующие такие сволочи бывают.

– Убить бы его – стиснув зубы, проговорил изгнанник.

– Не надо – ответил Капитан – никогда не мсти, Вадим, это подло.

– Тебе легко говорить – парировал изгнанник – а мне этот выродок всю жизнь сломал и другим ее портит. Встал опять на моем пути. Если бы он Ивана не выгнал, у нас бы сейчас были бы и жилье, и работа.

– Что вышло, то вышло – возразил «афганец» – а смерть его тебе ничего не даст. Как был бомжом, так и останешься. И на душе легче не станет, только совесть мучить будет. Думаешь, легко убивать?

Машина медленно выехала за монастырские ворота.

– А как же справедливость? – съязвил Вадим – Кто говорил, что ее надо творить своими руками?

Капитан вдруг ни с того ни с сего привел себя в порядок: постирал носки, почистил куртку и джинсы, умылся и теперь, сидя на корточках возле огромной лужи, маленькой тряпочкой чистил ботинки.

– Жениться, что ли собрался? – насмешничал над другом изгнанник.

– Не справедливо это – невозмутимо отвечал «афганец» – где это видано, что бывший офицер советской армии – боевой офицер, между прочим – ходит весь грязный, как свинья.

Вид Капитана был весьма торжественный. Настроение его – каким-то взволнованным, словно перед какой-то, понятной лишь ему торжественной встречей. Хотя единственная цель его и Вадима была поездка на «толкучку» с целью продажи автомобильной магнитолы, найденной в мусорном бункере в деревне и починенной умелыми руками «афганца».

Спустя время друзья ехали в электричке. Изгнанник смотрел в окно на морозящий дождик. В вагоне было тепло и сухо, и Вадим с сожалением думал о том, что скоро предстояло выходить и зябнуть на холодном ноябрьском ветру. Капитан был угрюм, молчалив и задумчив. О чем он думал было неизвестно. Он лишь изредка кивал головой, словно с чем-то соглашаясь и бормотал себе под нос что-то невнятное, не обращая внимания на немногочисленных пассажиров.

Периодически по вагону сновали торговцы, рекламируя подолгу свой товар.

Вдруг в него зашел молодой парень, инвалид лет двадцати

пяти на вид, среднего роста, на костылях и в камуфляжной форме. Паренек медленно прыгал на одной ноге при помощи костылей.

Вадим сочувственно уставился на обрубок его второй ноги.

– Люди добрые! – обратился паренек к пассажирам – Помогите собрать на протез участнику военных действий. Дай вам Бог здоровья!

Капитан вышел из оцепенения. Он с готовностью полез в карман джинсов.

Видя его усилия, паренек остановился напротив бомжей и стал терпеливо ждать подаяния.

Капитан немного порылся в карманах и, наконец, достал из них десять копеек. Глянув на них, он чуть не завыл от досады и виновато посмотрел на калеку.

– Не обидишься? – робко спросил он – я думал, у меня больше.

– Спасибо, отец! – паренек сердечно поблагодарил «афганца» и протянул ему для пожатия руку.

– Сынок, прости меня! – быстро проговорил Капитан, схватив ладонь паренька обеими руками.

– Что ты, отец – улыбнувшись, ответил калека – ты же от всего сердца.

– Сынок, прости меня! – снова повторил «афганец», вцепившись в руку парня – Это я, гад, вас на смерть отправлял. Это я, подлец, вас в Афгане всю роту погубил. Это, благода-

ря мне, ты – калека.

Лицо Капитана передернулось, подбородок дрожал. Из глаз «афганца» полились слезы.

– Что ты, отец?! – попытался его утешить калека – Ты не при чем. Я же в Чечне воевал.

– Сынок, прости меня! – снова сквозь слезы заговорил Капитан – Я всю жизнь себе места не найду и в аду гореть буду, а себя никогда не прощу.

– Рабочий поселок – объявило радио.

– Выходим! – резко закричал Вадим, молча наблюдавший за происходящим – Чуть не проехали.

Друзья быстро выскочили из вагона. Капитан продолжал рыдать. Вместе с изгнанником они, спрыгнув с торца платформы, пошли по рельсам, ориентируясь на маленький рынок – «толкучку».

– Знаешь, что, Вадим – попросил Капитан, когда они, миновав платформу, оказались рядом с общественным туалетом – мне надо немного побыть одному. Пойди где-нибудь погуляй.

– Хорошо – ответил изгнанник – пойду пока схожу на рынок.

Вадим ушел, оставив плачущего друга одного и, успешно продав магнитолау на «толкучке», целых полчаса бесцельно бродил по улице, аккуратно обходя лужи. По-прежнему моросил дождь. Под ногами лежали жидкая грязь и мокрый асфальт.

– В такую погоду, наверное, и умирать легче – подумал изгнанник – чем, когда хороший летний солнечный денек, птички поют, дети на детских площадках играют...

Возле общественного туалета толпился народ. Люди были явно чем-то поражены. Кто-то кричал, что надо вызвать скорую, кто-то – милицию. Невдалеке Вадим заметил убегающую компанию подростков. В них он узнал знакомых скинхедов. С трудом протиснувшись через толпу, изгнанник с ужасом обнаружил, лежащего на земле в луже крови Капитана. «Афганец», корчась от боли, держался руками за живот, прижимая рану. Из нее текла кровь. Вадим, не помня себя от горя, бросился к другу.

– Россию жалко! – слабым голосом произнес Капитан, глядя на убегающих скинхедов, которых так никто и не пытался остановить.

Изгнанник присел возле товарища и приподнял его за голову.

– А на душе так тепло и спокойно – вдруг сказал Капитан – не поверишь, Вадим! Перекрести меня – добавил он, чуть помолчав.

Трясущейся рукой изгнанник неумело перекрестил умирающего. Глаза затуманили слезы. Вадим с трудом разглядел, как Капитан блаженно закрыл глаза, и его голова безжизненно повисла на руках рыдающего друга.

Вскоре приехала милиция, затем – скорая.

Глава 13

По мраморному полу ритуального зала крематория медленно проехал катафалк с гробом и остановился возле лифта для транспортировки трупа. Вадим и трое помощников аккуратно сняли крышку. Еще двое бомжей принесли и поставили возле гроба два венка с черными траурными лентами. В зале было тесно и душно. Желающих проститься с покойным пришло немало. Весть о его гибели со скоростью света разнеслась среди его многочисленных знакомых. Собравшиеся переговаривались вполголоса. Лица пришедших были пасмурными. Все хорошо знали и любили Капитана. Его друзья – бомжи, алкаши и прочие забулдыги не имели денежных средств и поэтому тело покойного, лежащее в красном гробу, было укрыто всего несколькими букетами цветов. На Капитане был одет черный костюм, черная рубашка и черные ботинки – подарок Ахмеда. Лицо гладко выбрито, глаза закрыты, рот плотно сжат, от чего губы покойного казались немного тоньше обыкновенного. Весь вид друга был совсем непривычным для Вадима. Изгнаннику казалось, что произошло какое-то непонятное недоразумение, какая-то страшная, чудовищная ошибка. Но вместе с тем он прекрасно понимал, что ошибки нет, все происходит на самом деле. Вадим стоял справа возле гроба, как самый близкий покойному человек и печально смотрел на лицо Капитана – лицо, которое он видел в последний раз. Сердце разрывалось от глубокой скорби. Сознание отказывалось верить в происходящее. Из-

гнанник крепился изо всех сил, отчаянно сдерживая слезы.

Началась церемония. Собравшиеся притихли. Зазвучала траурная мелодия. После ее окончания церемониймейстер – достаточно красивая пятидесяти на вид лет женщина в строгом сером костюме очень выразительно произнесла траурную речь:

– Сегодня, в этот скорбный час мы все собрались здесь, чтобы проводить в последнюю дорогу дорогого для нас человека – Александра Анатольевича Чернова. Все мы хорошо знали покойного. Для кого-то он был другом, для кого-то – просто хорошим, добрым знакомым. Александр Анатольевич прожил недолго и жизнь его была трудной, тяжелой, но не напрасной. Это был прекрасный, добрый, чуткий, яркий и отзывчивый человек, честный, смелый, благородный и справедливый, каких в наше время практически не встретишь. Многим из нас он сделал немало добра, многим помог. Свою молодость он отдал службе на погранзаставе, выполнял интернациональный долг в Афганистане. Для многих из нас он был близким и любимым человеком. Для нас потеря этого замечательного, этого светлого и хорошего человека – горе, но все, что не делает Бог – все к лучшему. Александр Анатольевич отмучился в своей короткой земной, полной скорбей и трудностей жизни. Его смерть благородна. Он был убит шайкой подонков за то, что защитил невинного человека. И теперь Господь забрал его к себе в Свое Вечное Царство, которое покойный вполне заслужил. Сегодня вы прощаетесь

с ним навсегда, но память о нем навсегда останется в ваших сердцах. Простите его от всего сердца за все, чем он когда-либо вас обидел и попросите у него прощения за те обиды, которые вы, может быть нечаянно причинили ему. Помните о нем только хорошее и пожелайте ему искренне, от всего сердца Царствия Небесного.

Сделав небольшую паузу, она добавила:

– Есть еще желающие что-нибудь сказать?

Желающих сказать траурную речь не нашлось. Друзья покойного не обладали ораторскими способностями, и сказать что-нибудь путное никто из собравшихся не мог. Вадим хотел взять слово, но так и не смог справиться с, вдруг вставшем в горле комом.

Начался обряд последнего целования. В зале воцарилась полная тишина. Изгнанник первый подошел к гробу. В горле продолжал стоять ком. Вадима трясло. Он вдохнул побольше воздуха – не помогло. Из глаз хлынули слезы. Не сдерживая больше рыданий, он, перекрестившись, поцеловал Капитана в лоб и, как смог, обнял покойного. Вадим долго обнимал друга, печально склонив голову над его лицом. Окружающие терпеливо ждали. Изгнанника никто не торопил. Наконец, нарыдавшись, он отошел от гроба. По очереди к покойному подходили остальные и вскоре прощание было окончено.

Началось кремирование. Служащая крематория подошла к гробу и закрыла лицо покойного покрывалом. Четверо бомжей аккуратно положили на гроб крышку.

– Чернов Александр Анатольевич закончил свой жизненный путь – сказала церемониймейстер – пусть добрая память о нем на долгие годы сохранится в наших сердцах. А теперь склоните головы.

Снова зазвучала траурная музыка. Собравшиеся склонили головы. Гроб с телом Капитана аккуратно перенесли с катафалка на лифт. Лифт заработал. Гроб медленно опустился в открывшиеся двери печи и исчез за ними. Двери закрылись.

– Как это цинично! – подумал Вадим – Двери прямо, как в метро – закрылись двери и нет человека, как будто никогда и не было. И ничего не сделаешь.

– Траурная церемония окончена – объявила церемониймейстер – примите мои искренние соболезнования!

Прощавшиеся медленно вышли из ритуального зала.

Небо было безоблачным, солнце светило ярко, было тепло и безветренно.

Недалеко от кладбища находилось летнее кафе. Посетителей не было. Друзья Капитана сдвинули пластмассовые столы и стулья один к одному и уселись за ними. Все не поместились. Многим пришлось стоять. На столах появилась нехитрая выпивка и закуска: пузырьки спирта, водка, недорогие консервы.

Начались поминки. Собравшиеся были угрюмо молчаливы. Разговоры не клеились.

Что можно сказать, кроме банального – «Царствие ему

Небесное» и «Пусть земля ему будет пухом», когда хоронят человека и даже неважно плохого или хорошего?!

Капитан умер от проникающего ножевого ранения в область живота. Убийц так и не нашли. Поминая его, его друзья и знакомые постепенно разговорились, вспоминая его добрые и благородные дела и сказанные им шутки.

– И такого человека не стало!!! – поразились многие из них, выслушивая разные истории.

На поминках не было только Ахмеда. Его сразу после кремации Капитана забрала домой жена, что бы он не напился вместе с бомжами.

Но все-таки Вадим был ей очень благодарен. Именно она помогла похоронить Капитана по-человечески, хоть и за счет государства. В день смерти своего друга, плачущий изгнанник прибежал к Ахмеду и рассказал о случившемся. Старик обратился за помощью к жене, которая работала главврачом. Как ни странно, но именно она проявила отзывчивость, узнав, что «афганец» погиб из-за того, что защитил от толпы подонков ее мужа. Она же смогла договориться на счет кремации и взяла вместе с мужем организацию похорон на себя, совершенно не жалея на это денежных средств. Благодаря этому Капитана похоронили «по-человечески», а не сожгли в ящике, как обычно хоронят бомжей. Покойного даже отпели в церкви, хоть и заочно. Благо Вадим вспомнил, что Капитан когда-то говорил, что он крещенный в младенчестве.

Слушая рассказы пришедших на поминки, изгнанник оставался молчалив, хотя и был покойному самым близким человеком. Сидя среди собравшихся, Вадим чувствовал себя очень одиноким. Последние два дня до похорон он тоже был один. И в дальнейшем ему предстояло одиночество. Прибиться к какой-нибудь группе бомжей изгнанник не хотел, прекрасно понимая, что большинство из этих несчастных людей – подлецы и общение с ними до хорошего не доведет. И теперь, поминая единственного друга, он нервно курил, думая и о своей злосчастной судьбе, в которой не было ни перспектив, ни планов на будущее. Заканчивалась осень, на пороге стояла зима.

Отчего-то вдруг вспомнился случай – всплыл в сознании ни с того, ни с сего: однажды они с Капитаном, найдя средства для существования, проходили мимо церкви. Был полдень. Служба была закончена. Вдруг Капитан внезапно, даже не посоветовавшись с Вадимом, пошел к дверям храма. Изгнанник с удивлением последовал за ним. В храм их не пустили – Вадим и Капитан были в грязной одежде. Но Капитан вдруг на удивление дежурной по храму заявил, что он пришел пожертвовать деньги на церковь. От грязного, вонючего бомжа этого никто не ожидал. Оторопев, дежурная по храму пустила «афганца» внутрь церкви, сказав ему кротким колосом, где находится ящик для пожертвований. Она долго провожала Капитана взглядом, полным удивления и уважения, когда тот, покидая территорию церкви, вместе с

Вадимом скрылся за входными воротами.

– Говорил же Господь – не суди о человеке по внешнему виду – сказала она сама себе.

Вадим был не доволен поступком друга.

– Ты отдал все деньги на какой-то храм! – в недоумении кричал он – а что мы теперь будем есть, пить, курить?

– Не хлебом единым сыт человек – спокойно парировал «афганец» – может это самый большой, самый значительный, самый сильный поступок в моей жизни. Я всегда только грешил и раз в жизни сделал хоть одно доброе дело для Бога.

– Да плевал этот Бог на твои добрые дела! Если б Он был – мы бы сейчас не были бомжами. Наслушался ты Ивановых проповедей, теперь дурию маешься!

– А может Иван прав и та вдовица, которая отдала на храм все свое пропитание, больше всех положила.

– Ты просто попов кормишь. Последнее отдал, что бы они на иномарках рассекали и думаешь – Богу угодил.

– Я не попам, а на храм пожертвовал и от всего сердца, а ты меня осуждаешь. Может это единственный праведный поступок в моей жизни.

Спорить с Капитаном было бесполезно. Он был упрям и стоял на своем. К счастью, в деревне нашлись жители, которые дали друзьям поесть и немного сигарет.

На следующий день, когда Вадим и его товарищ шатались по «приискаму», к ним подошел один местный житель.

– Ребята, хотите заработать? – спросил он.

– Хотим – обрадовались Вадим и Капитан.

– Тут одной бабке нужно дров наколоть.

Следующие полдня друзья выполняли порученную работу. Бабка была весьма доброжелательной. Она от души накормила друзей обедом и щедро заплатила за труд – тысячу рублей.

– Вот, видал?! – ликовал Капитан – Есть Бог! Это Он послал нам работу. Знает нашу нужду.

Вадим промолчал. Он считал случившееся случайностью, но спорить с другом не стал.

При встрече с Иваном Капитан попросил у него, что бы тот принес ему нательный крестик. Иван был очень рад такой внутренней перемене в душе у его товарища и на следующий день выполнил его просьбу. Капитан, умиленно поцеловав крестик, одел его на шею и временами доставал его, подолгу разглядывая. Относился он к крестику очень бережно.

– Скажи, Бог, если Ты есть – мысленно произнес Вадим – почему Ты так жесток? Почему Ты заставляешь людей страдать? Почему Ты не даешь людям счастья? Почему одни бьются с жиру, а другие умирают? И если Ты так добр и милостив, как про тебя говорят, почему Ты не пошлешь мне богатство, что бы я жил и не в чем не нуждался? А еще лучше пошли мне смерть. Ты же так добр, милостив и всемогущ! Неужели Ты не можешь сделать того, что Тебе сделать не составит труда?

Глава 14

Стемнело. Был первый час ночи. Густые черные тучи заволокли небо. Дул сильный холодный ветер, но дождя не было. Изгнанник, поеживаясь от холода, медленно шел по узкой асфальтированной дорожке, выслеживая свою жертву – пьяного уроженца Кавказа. Тот, ничего не подозревая, шел впереди метрах в тридцати от Вадима. Кавказец, видимо выпил немало. Он сильно шатался из стороны в сторону.

Со дня смерти Капитана прошло две недели. Вадим был одинок. Днем он по-прежнему находился в поисках дешевой пищи, спиртного и сигарет, а поздно вечером шел в подвал двенадцатиэтажной башни одной из единственных двух домов, которые находились возле скита. За неделю до своей гибели, Капитан, раздобыв у местных жителей ножовку, поздно вечером, что бы не помешали случайные прохожие, аккуратно спилил подвальный замок. Место для ночлега было найдено. Друзья притащили туда, оставленные в пионерском лагере, старые рваные одеяла – подарок Ахмеда. Утром, выходя из своего убежища, они вешали замок назад на дверь, и никто из жильцов дома не мог даже заподозрить, что в подвале живут два друга – бомжа.

После смерти товарища Вадиму было очень одиноко, особенно по ночам в подвале, когда не занятый, как днем, повседневными делами, он в одиночестве и унынии предавался своим невеселым мыслям. Капитана ему очень сильно не хватало. Изгнанник подолгу не мог уснуть, вспоминая по-

гибшего товарища. «Друг, оставь покурить – а в ответ тишина» – вспоминалась песня В. С. Высоцкого. Потеряв Капитана, Вадим озлобился на жизнь сильнее прежнего. Он пал духом и ежедневно пил, проклиная судьбу, бывшую жену с ее любовником, всех вместе взятых бандитов, кавказцев и скинхедов и, даже обычных прохожих на улице – каждого, кто косо на него посмотрел. Вадим с Капитаном давно собирались переехать в Москву, но мешало пьянство. В столице была работа – разгрузка вагонов, а с ней – надежда снять недорогую комнату. После похорон «афганца» изгнанник вполне мог не возвращаться в деревню и остаться в Москве, но этому мешала одна задумка, которая держала его на прежнем месте обитания.

Вадим раньше никогда не занимался разбоем и теперь, увидев сильно пьяного кавказца, решил сделать это впервые. Идея пришла в голову спонтанно.

– Должна же быть справедливость?! – рассуждал он – Они нас здесь рабами делают, совершают преступления, работу отобрали, расценки сбили и чувствуют себя хозяевами, а нас, русских за людей не считают. Так что ограбить такого вполне справедливо. Как говорил покойный Капитан – справедливость надо творить своими руками. Правда, Капитан был против того, чтобы ни то что кого-то ограбить, он был даже против самого элементарного воровства, считая, что никто не должен страдать из-за того, что нам нечего есть. В том, что мы бомжи, окружающие нас люди не виноваты – гово-

рил Капитан – почему мы должны у кого-то что-то воровать? Капитан был по-своему прав. Так что ж теперь, не грабить?

Изгнанник на несколько секунд задумался, но тут же нашел самооправдание:

– А может этот чурка сегодня сам кого-нибудь ограбил или русскую девушку изнасиловал? Нет, все-таки надо – пусть знает, что он не хозяин на русской земле. Но ведь так же поступают скинхеды?

Вадим снова задумался, вспомнив случай с Ахмедом.

Жертва, сильно шатаясь из стороны в сторону, шагала прямо по дорожке, всеми силами пытаясь сохранить равновесие. Справиться с ней не представляло особого труда. Вокруг не было никого.

– Эх, была не была! – решил изгнанник – Когда еще такой шанс представится?! И все же ненавижу я этих черножопых!

Вадим достал из кармана почти пустую водочную бутылку. Он и сам был порядочно пьян.

– Для храбрости – сказал он сам себе и быстро допил спиртное.

Кавказец поравнялся с, растущими вдоль дороги, длинными невысокими кустами и остановился возле них справиться нужду. Пора было приниматься за дело. Вадим осторожно оглянулся по сторонам. Дорога была пуста. Быстро догнав жертву, изгнанник остановился на миг.

– Не убить бы только – подумал он, неумело замахиваясь пустой бутылкой.

Кавказец даже не оглянулся. Он стоял, наклонив голову и тщетно пытался застегнуть ширинку.

– Раз, два, три – мысленно просчитал Вадим, решаясь на преступление.

Резкий и сильный удар по голове и жертва упала на асфальт. Бутылка разбилась на несколько частей. Изгнанник порезал ладонь. Он присел над несчастным. Тот лежал неподвижно и даже не стонал. Грабитель отволоч его за кусты, затем пощупал пульс. Жертва была жива, все в порядке. Вадим начал обыскивать карманы. Вскоре нашелся кошелек. Пора было уносить ноги. Изгнанник осторожно вышел из-за кустов и снова оглянулся по сторонам. Дорога по-прежнему была пуста. Он быстро зашагал прочь и вскоре скрылся в узком проулке, находящимся между деревенскими домами.

– Как бы здесь самого не ограбили – весело подумал он, прикуривая сигарету.

Руки тряслись от волнения. Настроение было злым и веселым.

Денег в кошельке оказалось с небольшим пять тысяч рублей. Вадим поздравил себя с удачей – для бомжа это слишком много. Он попытался вспомнить, когда в последний раз держал в руках такую сумму. Выходило – три с половиной года назад, тогда, когда изгнанник еще жил дома в Москве, работая менеджером по продаже бытовой техники. Это воспоминание навеяло грустные мысли, но Вадим их быстро прогнал – не хотелось портить себе настроение. Пора было ид-

ти в подвал на ночлег. Довольный собой, он быстро пошел в сторону монастыря. Оставалось только в ближайшее время осуществить задуманное, после чего, как можно скорее убраться из этих мест. Ветер усилился. Изгнанник прибавил шаг.

Глава 15

Утренняя служба в монастырской церкви давно закончилась. Прихожане разошлись и разъехались по домам.

Изгнанник, держа в руке короткую арматуру, притаился за кирпичными стенами гаража. Частенько выглядывая из-за угла, он выжидал удобный момент для внезапного нападения. Возле больших гаражных ворот стояла белая «десятка». Возле нее возился Сергей. Он менял на колесах проколотые шины.

В воскресный день в монастыре был выходной. Вокруг не было ни души. Редкие облака медленно ползли по голубому небу. День был солнечным, но несмотря на это иногда дул холодный ноябрьский ветер, и изгнанник, одетый по-осеннему, был благополучно от него спрятан за углом гаража. Шел конец месяца. Давно начались заморозки, выпало немного снега, и изгнанник, невольно вдыхая запах навоза, согревался на густом пару, шедшим из, находящейся рядом навозной ямы. Навоз не замерзал ни в какое время года.

План мести созрел давно, и Вадим тонко все рассчитал: с утра пораньше он явился в монастырь выследить Сергея

и убедившись, что тот действительно приехал на утреннюю службу, дождался, когда все пришедшие на службу прихожане соберутся в церкви и никто не будет мешать. Пока в храме шла литургия, изгнанник большим гвоздем проколол у Сергеевой машины пару колес, рассчитывая на то, что бандит отправит жену с детьми домой на электричке, а сам останется возиться с машиной. Это было нужно для того, чтобы разъехались прихожане, монашки разошлись по кельям, и никто не смог помешать осуществиться задуманной мести. Аналогичный сценарий Вадим видел когда-то давно по телевизору в одном из современных сериалов. В лесу напротив монастыря была спрятана, подаренная щедрым Иваном запасная одежда: осенняя куртка и джинсы, чтобы переодеться, если изгнанник запачкается в крови. За гаражом возле забора стоял высокий деревянный «козел», найденный Вадимом возле гаража. Изгнанник рассчитывал после мести не бежать к монастырским воротам – вдруг внезапно покажутся люди, которые заметят его и, не дай Бог, задержат, а забежать за гараж, залезть на «козла», перепрыгнуть через высокий забор и только тогда, никем не замеченный и ни в чем не заподозренный, добежать до леса, переодеться, прибежать на станцию, сесть в первую попавшуюся электричку и уехать куда глаза глядят. И даже если его кто-то заметит, то переодетого в другую одежду – не узнает. Все утро, пока в храме шла Божественная литургия, Вадим все подготавливал. Теперь же он стоял за углом гаража метрах в семи от своей жертвы.

Глядя на Сергея, он отпускал в его адрес проклятия. По возвращении бандита со службы изгнанник выпил «для храбрости» пузырек спирта, но, несмотря на это, продолжал сильно волноваться. Руки дрожали, сердце бешено колотилось.

– Главное – решиться – думал он – убивать все-таки страшно. Но эта сволочь должна за все поплатиться. Ишь, как изменился – из бандита в верующего переделался! Награбил денег, теперь монастырю помогает, ублюдох проклятый! Ничего, в этот раз все получится. Ничто не должно помешать. Прав был Капитан – справедливость нужно творить своими руками, тогда она будет. Заодно и за Ивана отомщу и за себя, и за Капитана. При чем здесь Капитан? – Вадим на секунду задумался, но тут же нашел ответ – При том, что Рашид со своими братьями тоже были бандитами и этот урод – тоже бандит. Всех их убивать надо! И за тех мужиков под Воронежем, что остались лежать в болоте. Смерть бандитам!!! Одним из них сейчас станет меньше.

Изгнанник снова задумался:

– А если подумают на Ивана? Решат, что это он убил Сергея? Да, да, именно так и решат. Ну и черт с ним, с Иваном! Зато меня никто не заподозрит.

Вадим опустил голову:

– А Ивана все-таки жалко. Он нам с Капитаном столько добра сделал! Так что же теперь из-за него от мести отказываться? Когда еще подвернется такой случай?!

Сердце было готово выскочить из груди мстителя. Нужно

было принимать решение.

Сергей, ничего не подозревая, стоял в двух шагах от изгнанника и менял колесо. Оставалось подойти к нему и объяснить за что, ударить его арматурой по голове. Потом добить при необходимости. Вадим осторожно высунулся из-за угла. Он долго колебался.

– Нет, убивать я тебя не буду – вдруг изменил решение мститель – твоя смерть мне ничего не даст. Я тебя искалечу, как ты искалечил мою жизнь. Так будет правильнее. Проживешь всю оставшуюся жизнь калекой, ссать будешь ртом, ходить на костылях, если вообще будешь ходить. Челюсть и нос тебе сломаю, позвоночник. Станешь уродом, жена тебя бросит и бизнес твой накроется. Будешь никому не нужен. Пострадаешь, как заставил меня страдать. Вот тогда, ублюдок проклятый, ты многое поймешь, когда посмотришь на жизнь глазами калек, глазами бомжей, глазами изгоев...

Пора было решаться, но Вадим медлил, смакуя предстоящее преступление.

– Ну вот он совсем рядом – думал он – всего в двух шагах. Какая удача! Сам Бог нас свел, что бы восторжествовала справедливость. Бог? – вдруг пришла в голову мысль – А Иван однажды сказал – что же Христос никому не отомстил, когда воскрес? Он ведь тоже и гоним был, и унижен, и били его зверски, и невинного распяли. Он на кресте молился за своих убийц, чтобы Отец Небесный их простил.

Перед глазами встал умирающий Капитан, доброта в

его глазах, с которой он смотрел на убегающих скинхедов и вспомнились его единственные слова, полные глубокой скорби, которые он произнес перед смертью:

– Россию жалко!

Потрясенный внезапным открытием, изгнанник медленно присел на корточки и, тихо положив на асфальт арматуру, глубоко вздохнул.

– А Иван, когда местные мужики хотели за него избить Сергея, долго уговаривал их не делать этого – вспомнил Вадим – он говорил – Бог все видит и каждому воздаст по делам его.

Еще несколько минут он сидел неподвижно, пребывая в глубоком размышлении. Мстить перехотелось.

– Какой же я подлец!!! – схватившись за голову, медленно прошептал изгнанник – Как же много я в жизни не понимал!!!

Вдруг вспомнился Дед, заслонивший собой Капитана от бандитских пуль. Дед был православным христианином.

– Если Бога нет – подумал Вадим – что тогда заставляет людей совершать такие поступки, страдать, как страдал Христос и отдавать свои жизни ради жизни других? Ведь Капитан, Иван и Дед – великие люди! А я, получается, хуже их. А ведь ни Капитан, ни Иван, ни Дед не одобрили бы моей мести. Конечно, есть среди верующих такие уроды, как этот Сергей, как здешняя настоятельница, монашка, из-за которой выгнали Ивана, священник, который мне не стал помо-

гать. Но ведь есть и другие люди, с которых надо пример брать.

Он снова тяжело вздохнул и, прикуривая сигарету продолжил свои размышления:

– А если Бог все же есть, то выходит, что Капитан и Дед за свои поступки в рай попали, а Иван, несправедливо гонимый, получит на том свете награду от Бога за свои скорби.

Вадим снова осторожно высунулся из-за угла. Сергей по-прежнему занимался колесами своего автомобиля.

– А я ведь могу тебя сейчас убить или искалечить – мысленно обратился к нему изгнанник – но я не буду, я не хочу этого делать. Я хочу остаться человеком, несмотря ни на что, а не уподобляться такой мрази, как ты. Я не хочу тебе мстить, ради Бога, если Он есть, ради памяти покойных Деда и Капитана, ради Ивана, ради всех благородных и порядочных людей. Да, воздастся тебе за все зло, которое ты причинил людям!

Вадим чувствовал себя настоящим победителем. Он вышел из своего укрытия и, посмотрев великодушно на, стоящего к нему спиной бандита, медленно, с чувством превосходства направился к воротам. Настроение было превосходным. Но, не успев пройти и двух метров, изгнанник вдруг услышал за спиной чей-то приятный женский голос:

– Сергей!

Вадим оглянулся. Из гаража вышла молодая монашка, мать Арсения и остановилась напротив бандита. Сергей,

бросив работу, быстро повернулся к ней:

– Да, мать Арсения!

Увидев Сергея с более близкого расстояния, чем в прошлый раз, изгнанник обомлел – это был не тот Сергей. Вадим обознался. Этот прихожанин был просто очень похож внешне на того бандита, который сделал его бомжом.

– Сережа! – заискивающим голосом попросила монахиня – У нас тут в теплице опять стекло разбилось. Ты не мог бы его заменить?

– Хорошо. Сейчас только с машиной возиться закончу и подойду. И какой идиот колеса проткнул?!

– Спаси тебя Господи!

Мать Арсения снова удалилась в гараж.

Изгнанник был поражен.

– Я только что чуть не убил невинного человека – ошеломленно подумал он, вытаращив на Сергея глаза – мститель хренов!

– Ты что-то хотел? – обернулся к нему прихожанин.

– Нет, ничего, обознался – смутившись ответил Вадим и, развернувшись, пошел восвояси.

Он глубоко вздохнул, затем махнул рукой и вдруг весело рассмеялся.

– Наверное, действительно есть Бог – подумал изгнанник, прикуривая сигарету – раз Он, не допустил смерти от моих рук этого человека. А за Ивана он еще перед Богом ответит. Надо с Ивана и Капитана пример брать и с Деда тоже.

Часть 3

Глава 1

– Господи, если Ты есть, дай мне умереть такой же героической смертью, какую Ты послал Капитану. Я совершенно не хочу жить, а такая смерть была бы благородной, честной и спасительной для меня. Очень молю Тебя об этом! Мне жизнь немила. Я ее ненавижу. Мне все равно в ней ничего не осталось: мерзнуть, мокнуть, лазать по помойкам, пить и, в конце концов, сдохнуть под забором от пьянства. Уж лучше я погибну, как Капитан.

Эту молитву изгнанник повторял каждый день по многу раз на протяжении последних двух месяцев. Неудавшаяся месть Сергею, благородство Ивана и покойного «афганца» оказали на него сильное влияние. Вадим начал задумываться о Боге. Молился он и в течении дня, подражая Ивану: когда грешил – пил спиртное, курил или выражался нецензурной бранью, вкушая пищу, и, когда случалось что-нибудь хорошее, всегда благодарил Творца и всегда обращался к Нему за помощью.

После смерти друга изгнанник был по-прежнему одинок. Новых друзей он не нашел, да и не особо искал. Заниматься разбоем он прекратил, осознав, что это нехорошо – Иван и Капитан этого бы явно не одобрили. Вадим стал стараться жить по совести, во всех поступках подражая своим друзьям.

За эти два месяца он сильно изменился, многое осознав и переосмыслив и учился в любой ситуации поступать честно, благородно и справедливо.

Из Перхушково изгнанник перебрался в Москву. Он добывал себе на пропитание в основном на помойках, проклиная свою несчастную судьбу и мечтая найти жилье и работу. Пока он не поселился жить на чердаке одного из домов, где, по примеру мудрого Капитана, он, раздобыв ножовку, аккуратно спилил замок на чердачной двери, Вадим бродил по ночам по московским улицам, замерзая на холоде. На дворе стоял декабрь. Погода была морозная и только водка или спирт согревали бедного горемыку, да и то это было больше самовнушение. Отсыпался и отогревался он на кольцевой линии московского метрополитена, катаясь часами по кругу или в электричках дальнего следования. Часто ему приходилось ночевать в подъездах жилых домов под лестницей или на батарее на первом этаже. В новостройках – на площадке черного хода.

Вскоре возле метро «Красные ворота» ему посчастливилось найти работу – чистить снег возле небольших магазинчиков и палаток.

– У меня теперь три палатки и два магазина! – шутил он по этому поводу – Я теперь бизнесмен!

Продавщицы его кормили и платили небольшую зарплату, но это не мешало ему и попрошайничать. Вадим за время своей горькой бомжевской жизни научился «чувствовать»

прохожих людей – кто даст денег, кто – нет. Этот опыт очень помогал ему. Чердак, на котором жил изгнанник находился неподалеку от «Красных ворот».

– У меня работа рядом с домом! – мысленно шутил Вадим – все, как у нормальных людей!

Через неделю ему повезло. В этот день была метель. Прикуривая сигарету, изгнанник зашел за палатку, возле которой чистил снег, чтобы укрыть огонек зажигалки от лютого ветра и нечаянно обнаружил под ногами пятисотрублевую купюру. Положив деньги в карман, он довольный постучал в дверь палатки.

– Это не ты пятьсот рублей потеряла за палаткой? – шутки ради весело спросил Вадим, высунувшуюся из-за двери, молоденькую продавщицу.

– Где??? – наивная девица в одной кофте и юбке выскочила прямо на мороз и, ежась от холода быстро забежала за палатку – Ой, и правда!

Довольная она подняла из-под ног вторую купюру – тоже пятьсот рублей.

– Вот я осел! – вслух отругал себя изгнанник – Надо было внимательнее под ноги смотреть. Впрочем, Бог велел делиться. Как будто Он специально их для нас приготовил, чтобы мы нашли каждый по купюре.

Не смотря на плохую погоду, настроение стало веселым. Еще через неделю ему опять повезло. К палаткам подъехал серый Джип. В нем сидели четыре молодых парня. Ма-

жоры. Увидев бомжа, они, быстро посоветовавшись, радостно замахали ему руками. Вадим подошел к машине.

– Хочешь денег подзаработать? – открыв дверное окошко, спросил один из них.

– Хочу – обрадовался изгнанник.

Следующие полчаса он собирал окурки, подметал возле палаток и стоял «с протянутой рукой». Все это снималось на видеокамеру дорогого смартфона. Зачем это делалось ему никто не объяснил, но после съемок ребята щедро его отблагодарили – дали целых пятьсот рублей.

А еще через неделю Вадиму повезло снова. Копаясь в помойке в одном из дворов, он услышал откуда-то сверху крик из окна:

– Молодой человек!

Изгнанник поднял голову. С восьмого этажа, стоящей рядом, многоэтажки ему махала рукой какая-то пожилая женщина:

– Поднимитесь ко мне, восьмой этаж, сто шестьдесят восьмая квартира.

Вадим поднялся.

– Вы знаете – начала она прямо с порога, пуская изгнанника в квартиру – у нас тут в подъезде жил один бомж. Он просил у меня денег или еды, а я ему не дала. В этот же вечер он умер и теперь снится мне по ночам и просит, чтобы я за него молилась. Я верующая, в церковь регулярно хожу. И вот молюсь теперь за него и чувствую угрызения совести.

Я теперь вашему брату всегда помочь стараюсь. Помогите вам, Господи! Вы такой тяжелый крест несете, так страдаете! Не каждому такое под силу. У меня тут есть вещи, вот возьмите. И еще вот...

Она протянула Вадиму пятьсот рублей и огромный целофановый пакет.

– Вы только верьте в Бога – сказала она на прощание – Он обязательно поможет. Если человек обратился к Нему, Бог его никогда не оставит.

Вещами оказались: старые, но еще крепкие зимние ботинки, которые пришлось изгнаннику как раз впору, теплые варежки и почти новая зимняя куртка.

Вадиму везло редко и эти три случая, происшедшие с интервалом в неделю хорошо подняли дух бедному страдальцу.

– Словно какая-то невидимая сила мне помогает – думал он радостно. – Я теперь уверен, что Бог действительно есть. Это Он мне помогает.

Несмотря на это изгнанник все равно ненавидел жизнь и, обращаясь в своих молитвах к Богу, искренне верил, что скоро умрет, чего очень хотел и постоянно ждал.

Через два дня произошло еще одно событие. День был солнечный. Редкие облака медленно проплывали по синему небу. Из-за отсутствия ветра на легком морозце не было холодно. Снег не падал ни с вечера, ни ночью, ни утром и на работе Вадиму было попросту нечего делать. Для очистки совести он все же пришел с утра к палаткам. Настроение из-

гнанника было на редкость прекрасным, что случилось с ним достаточно редко. Со вчерашнего дня в его кармане лежало сто рублей. Вадим вдруг решил отдохнуть от постоянного пьянства и эти деньги не стал тратить на алкоголь.

– Второй день буду трезвый – улыбнулся он, покупая в «своем» магазинчике дешевую пищу и сигареты.

Продавщица накормила его, специально принесенным из дома борщом и напоила чаем со сдобной булочкой.

– Чем бы теперь заняться? – думал изгнанник, беспечно идя по улице – Я весь день абсолютно свободен и делать мне нечего. И цели нет никакой. А, ладно, пойду, куда глаза глядят!

Он не спеша дошагал до проезжей части и остановился возле «зебры» в ожидании зеленого сигнала светофора. Беспечно прикуривая сигарету, он вдруг почувствовал на себе чей-то долгий, полный презрения и удивления, пронзительный взгляд. Вадим с любопытством посмотрел вперед.

Напротив него, на другой стороне дороги стояла его бывшая супруга. Оксанка выглядела великолепно. Она была одета в очень дорогой коричневый норковый полушубок с капюшоном, небрежно накинутым на ее светловолосую голову. На ногах – высокие черные кожаные сапоги. Короткая черная юбка соблазнительно обтягивала ее узкие бедра. Лицо по-прежнему было красивым, несмотря на то, что она выглядела немного старше, чем привык ее видеть Вадим. Изгнанник невольно залюбовался женой. Весь вид Оксанки яв-

но говорил о том, что это – вполне успешная и состоявшаяся личность, в то время, как ее бывший муж, весь грязный, помятый, вонючий, с заросшей щетиной лицом стоял напротив, держа в руке окурок «Примы». Расстояние между бывшими супругами составляло всего пять или шесть метров. Так они стояли напротив друг друга, разделенные проезжей частью улицы и в молчании смотрели друг другу в глаза. Вадиму казалось, что время остановилось, хотя любовь к Оксанке давно угасла в его сердце, оставив на душе лишь боль, обиду и презрение, с которыми изгнанник глядел на свою бывшую женушку. Взгляд Оксанки был холодный – ни раскаяния, ни сострадания, ни даже жалости, только смешанное с любопытством удивление, укор и тоже презрение. Глаза ее словно задавали вопрос: «Как ты мог так опуститься?» Так продолжалось с минуту, потом загорелся зеленый свет. Машины остановились. Водители автомобилей с нетерпением смотрели на идущих по «зебре» пешеходов. Вадим остался стоять на месте, ожидая Оксанку. Но гордая девица, перейдя дорогу, еще раз смерила мужа холодным, презрительным взглядом и, отвернувшись, прошла мимо.

– Постыдилась ко мне подходить, мразь – подумал изгнанник, с таким же презрением посмотрев ей вслед – будь же ты проклята за все мое горе!

Оксанка шла, не оглядываясь, с высоко поднятой головой и вскоре скрылась в метро.

Встреча с женой впечатлила Вадима не сильно, хотя и бы-

ла совершенно неожиданная. Изгнанник гораздо чаще вспоминал покойницу Лену, чья нелепая смерть глубоко травмировала его душу. Несчастливая девушка вызывала лишь теплые и светлые воспоминания. Оксанку же за все время бомжевания он вспоминал только с негативом, нередко проклиная ее и ее любовника.

В этот же день поздно вечером случилась неприятность. Несмотря на то, что Вадим старался не шуметь, ночью на чердаке, кто-то из жильцов этого дома вызвал милицию. Представители власти не стали забирать несчастного бомжа в отделение, а ограничились лишь тем, что выставили его на улицу. На чердачную дверь повесили новый замок. Чердак опечатали. Место для ночлега было потеряно. Изгнаннику пришлось до самого утра шляться на холоде, тщетно пытаясь проникнуть в какой-нибудь подъезд. Не зная кодов от дверных замков, он этого сделать так и не смог. Пройти в подъезд вместе с кем-нибудь из заходящих тоже не получилось – в ночное время жильцы не ходили. Да и кто бы пустил в него грязного, вонючего бомжа? За ночь Вадим изрядно замерз. Под курткой у него даже не было свитера. Изгнанник нервно курил, вздыхая о своей горькой участи, проклиная милицию и бессердечных жильцов.

Ночное небо было звездным, без единого облачка. День обещал быть, как и вчерашний – морозный и солнечный, без осадков. С утра Вадим должен был получить зарплату. Она была невелика, но на скудную пищу, спирт и сигареты хвата-

ло. Ожидание денег сильно утешало, но изгнаннику больше всего хотелось согреться и заснуть. Так прошла ночь.

С утра его поджидала еще одна неприятность. В недобром расположении духа Вадим явился на работу. Возле метро стояли трое бомжей. Изгнанник видел их впервые. Они завистливо смотрели, как их собрат по несчастью подметал возле магазина и палаток, затем прямо на улице ел из большой железной миски, заваренный заботливой продавщицей «Ролтон» и, наконец, собирал с каждой палатки положенные ему деньги. Судя по всему, к своему собрату по несчастью эти типы братских чувств не питали. Их недобрые лица явно ничего хорошего не обещали. Неприязненно глядя на Вадима, бомжи тихо о чем-то совещались. Заподозрив недоброе, изгнанник решил побыстрее уйти. Он отошел от палатки и, осторожно покосившись на неприятелей, быстрым шагом зашагал восвояси. Спустя несколько секунд, он оглянулся. Трое бомжей быстро следовали за ним. Изгнанник прибавил шаг. Преследователи сделали тоже самое. Вадим дошагал до светофора и, остановившись, еще раз оглянулся. Бомжи приближались. Их лица горели яростью. Не дожидаясь красного света, изгнанник выскочил на проезжую часть и, ловко петляя среди машин, успешно перебежал дорогу, дважды чуть не угодив под автомобиль.

– Теперь бегом – на ходу решил он – пока они дождутся зеленого света, успею скрыться.

Но тут ему не повезло – едва Вадим оказался на противо-

положной стороне дороги, как загорелся зеленый сигнал светофора. Расталкивая пешеходов, преследователи неслись по проезжей части навстречу жертве. Изгнанник пустился наутек. Часто оглядываясь, он быстро бежал вперед по тротуару. Неприятели молча мчались за ним. Прохожие брезгливо шарахались в стороны.

– Господи, помоги! – на ходу молился Вадим – Спаси меня от этих людей!

Погоня продолжалась долго. Обессиленный после бессонной ночи беглец, выбиваясь из последних сил, отчаянно мчался по тротуару, преследуемый тремя собратями по несчастью, совершенно не имевшими ни грамма совести и ни капли самого элементарного человеческого сострадания. Свернув с тротуара в какой-то проулок, изгнанник очутился в закрытом пустынном дворике и в растерянности остановился. Отчаянно оглядевшись по сторонам, он быстро понял, что совершил ужасную ошибку, попав в тупик. Бежать больше было некуда. Вадим в полном отчаянии метался из стороны в сторону, тщетно пытаясь найти хоть какое-нибудь укрытие. Но прятаться было негде. Маленький дворик был с трех сторон тесно окружен домами. Ни кустов, ни деревьев вокруг не существовало. Посреди двора находилась крошечная детская площадка – горка, пара качелей, да пара скамеек. Людей не было. Изгнанник отчаянно взывал к Богу, чувствуя себя при этом беспомощной жертвой. Бежать назад не было смысла – не успел бы.

– Ну все – печально вздыхал Вадим – конец мне. Сейчас прибегут. Господи, ну помоги же мне, смилуйся надо мной, если Ты есть!

Внезапно мелькнула мысль спрятать деньги. Изгнанник торопливо полез в карман джинс и отделив от купюр пяти-сотую, быстро закопал ее в снег.

– А эти пускай отнимают – подумал он, довольный своей выдумкой – все равно же они видели, как я с палаток деньги собирал. Сколько их они не знают. Пусть эти отнимут, зато меньше бить будут, чем если вообще ничего не найдут. Не убили бы только – не о такой смерти я мечтал, не от рук грабителей за просто так. Я хотел быть героем, защитить, спасти кого-нибудь, как Капитан.

Вадим быстро убрал в карман остальные купюры – триста рублей и, обернувшись назад, стал ждать преследователей. Изгнанника трясло от страха и волнения.

– Господи, помоги! – отчаянно продолжал молиться он – Если Ты есть, помоги мне, сотвори какое-нибудь чудо, спаси меня от этих людей!

Долго ждать не пришлось, но чудо не произошло. Сначала Вадим услышал яростные крики, а спустя секунду появились враги. Еще через секунду он стоял посреди дворика, окруженный ими с трех сторон.

– Ну что – с злорадной улыбкой сказал первый – двадцатилетний, маленького роста с серьезными и не по годам умными серыми глазами – думал не догоним?

– Мы что за тобой по всей Москве бегать должны?! – нагло и злобно спросил второй – высокий, полный, лет тридцати на вид.

– Хорошо устроился, ублюдок! – завистливо прохрипел третий – пятидесятилетний со шрамом на левой щеке – и кормят, и деньги платят!

Первый попытался ударить изгнанника ногой, но Вадим ловко отбил нападение – знание рукопашного боя не раз выручало его в трудную минуту, но нехватка мастерства и отсутствие регулярных тренировок мешали одерживать победу в неравных поединках.

– Еще и защищается, козел! – разозлился первый противник.

– Ладно, давай по-хорошему – предложил третий – гони «бабки», и мы отстанем и бить не будем.

– Варезки у тебя больно хорошие! – завистливо сказал второй – Давай их сюда!

– Все равно больше ничего не остается, кроме как повиноваться – подумал изгнанник, выполняя требования грабителей – с тремя мне не справиться.

Первый обыскал карманы жертвы и отобрал почти целую пачку «Примы» и зажигалку. Строя из себя благородного, он подарил Вадиму на прощание одну сигарету.

– А теперь слушай внимательно – властно прохрипел третий – чтобы ты возле метро больше не появлялся! Это теперь наше место. Понял?

– Понял.

– Повтори!

– Чтобы я возле метро больше не появлялся. Это теперь ваше место.

– Молодец! А появишься – пеняй на себя! Голову оторвем и в колодезный люк бросим.

Первый все же не сдержался и, обозвав Вадима нецензурными словами, на прощание дал ему хорошего пинка.

Довольные грабители удалились.

– Конечно, все могло бы быть гораздо хуже – пытался утешить себя изгнанник, выкапывая из-под снега спрятанную купюру – все, что не делает Бог – все к лучшему.

И все же Вадим, как ни старался сохранить бодрое расположение духа, сильно расстроившись после происшедшего, впал в отчаяние и начал роптать:

– К лучшему?! – думал он с гневом – А где оно, это лучшее?! Где этот Бог?! Я два месяца молюсь о смерти и где результат?! Что этому Богу так трудно послать мне смерть?! За что я, вообще, так мучаюсь в своей жизни?! Почему Он не наказал за меня Оксанку?! Почему Он не помог мне сегодня?! Я Ему молился, чтобы Он избавил меня от этих уродов! Я Ему каждый день молюсь по многу раз – где Его помощь?! Жилья опять лишился, так теперь еще и единственную работу потерял! И что мне теперь делать?! Как дальше жить?! Похоже ничего хорошего в моей жизни не будет и никакой Бог не поможет, если Он вообще есть! У меня даже

свитера нет, а теперь еще и варежек! Так и сдохну от холода и голода! И пропади все пропадом! Даже сигарету прикурить нечем! И куда мне теперь идти?! Что мне теперь делать?! Новую работу искать?! Где?! Если этот Бог такой хороший, всемогущий и милостивый, почему Он мне не даст хотя бы свитер?! Что я плохого сделал этим ублюдкам?! Да, я просто проклят этим самым Богом! За что только? Все нормальные люди живут себе припеваючи в своих квартирах и горя не ведают! И даже не знают, что такое – быть бомжом! Они меня презирают без всякой вины! Они даже не представляют, какое это горе! Им даже дела нет до меня! Чем я хуже их?! За что мне все это?! Сколько я горя хлебнул в жизни! Где был этот Бог?!

Мысли изгнанника были – одна чернее другой. Выйдя из тупикового дворика, Вадим быстрым шагом бесцельно шагнул по тротуару. Проклиная несчастную судьбу, Оксанку, бандитов, бомжей-грабителей и всех, кого только можно было проклинать, он в полном отчаянии дошел до Мясницкой улицы. По этой улице они любили когда-то гулять с Капитаном. Что-то постоянно тянуло на нее покойного, чего он никак не мог объяснить.

– Хорошо ему теперь! – завистливо подумал о нем изгнанник – Отмучался. Мне бы так! Эх, напьюсь сейчас с горя и пропади все пропадом!

Вадим дошел до хорошо знакомой аптеки и купил пару пузырьков спирта, затем в маленьком магазинчике (в супер-

маркеты его не пускали из-за грязного внешнего вида) – зажигалку, пачку «Примы» и два плавленых сырка. Выйдя на улицу, он прямо на тротуаре, не обращая внимания на прохожих, не разбавляя водой, выпил целый пузырек, съел один сырок и, закурив сигарету, продолжил свое бесцельное путешествие. Сто грамм чистого спирта быстро сделали свое дело. Идя по узкому тротуару, изгнанник заметно повеселел. Настроение стало злым и отчаянно-веселым. Вадим жаждал каких-нибудь приключений.

– А жаль, что я все-таки этим троим морды не набил! – думал он, тяжело вздыхая – Надо было все же подраться. Ладно, после драки кулаками не машут. Хорошо, что вообще цел остался! Эти трое и убить могли за триста рублей. Подонки, чего с них взять! И искать бы их никто не стал. Менты, наверное, даже дела не завели бы. Кому нужно расследовать дело об убийстве какого-то бомжа! Отвезли бы на Ново-Архангельское кладбище и сожгли бы в ящике, как мусор. Нет, я заслуживаю другой участи, гораздо лучше! Пусть даже сожгут, как мусор, главное погибнуть с честью. Ведь, неважно, как и где тебя похоронят – важно то, как ты проживешь свою жизнь, что в ней сделаешь. А что я сделал в своей жизни хорошего? Ничего. И не сделаю. Помереть бы красиво! Может быть это – единственное и самое главное в моей жизни. И пусть даже имени моего никто не узнает. Главное – Бог все видит! Ведь сколько, например, солдат на войне гибнет? Многие знают об их подвиге? Многие их помнят, кроме род-

ных и друзей? А большинству людей и дела нет, что где-то за них, подлецов, кто-то жизнью жертвует! Только Бог все видит и всех знает поименно и каждому воздает по заслугам. Бог? Где Он? Господи, если Ты есть, услышь меня! Почему Ты мне не пошлешь такую смерть? Я два месяца Тебя об этом молю! Мне больше ничего не надо. Смилуйся надо мной, грешным, дай мне умереть геройски! Не дай мне загнуться от пьянства под забором! Иван, помню, говорил – кто умирает в пьяном состоянии или от передоза наркотиков – сразу в ад идет. Не хочу я так! Только боюсь, что так и будет. Господи, ну пошли Ты мне геройскую смерть, если Ты действительно есть!

Изгнанник дошел до перехода и, остановившись возле светофора стал ждать зеленого света. Рядом стояла очень симпатичная девушка, шатенка с длинными до плеч, сильно выющимися волосами, выступающими из-под голубой вязаной шапки. Красавица была примерно одних лет с Вадимом, ростом чуть ниже него, стройная. Бугорки ее весьма аппетитной груди красиво выпирали из-под легкой белой курточки, очень элегантно смотревшейся в сочетании с голубым шарфом, намотанным поверх куртки, шапкой и тоже голубыми джинсами. Приятный запах духов невольно околдовал изгнанника. Она держала за руку раздетого во все красное – от шапочки и варежек, до крошечных сапожек, трехлетнего мальчишку, жадно поедающего небольшую плитку шоколада. Его серьезное перемазанное лицо вызвало у Вадима

ма улыбку умиления. Незнакомка приветливо посмотрела на бомжа, без всякого презрения и отвращения и даже совсем не поморщилась от исходившей от него вони. Ее смазливое личико, курносый нос, красивые зеленые глаза и добрый, ясный, полный сочувствия и понимания взгляд надолго запомнились Вадиму. Изгнанник сильно смутился, чувствуя к себе симпатию этой девушки.

Не раз за время своей несчастной бомжовой жизни Вадим мечтал о собственной квартире, нормальной работе и хорошей благополучной и счастливой семье и теперь, видя рядом с собой приглянувшуюся ему очень милую девушку, с которой ему ровным счетом ничего не светило, изгнанник воспринял это, как очередное издевательство своей злосчастной судьбы, которая, словно жестоко смеясь, говорила: «На-ка вот, посмотри какая хорошая девушка! Какая она красивая, добрая, приветливая! А теперь посмотри на себя – кому ты нужен такой!»

– Эх, не был бы я бомжом!.. – отвернувшись от красавицы, обреченно вздохнул он – Такая девчонка! Я бы такую на руках носил! И малыш такой милый! А у меня никогда не будет больше ни жены, ни детей.

В кармане у девушки вдруг зазвонил телефон. Заиграла мелодия из кинофильма «Профессионал». Отпустив руку малыша, она достала мобильник.

– Алле! Привет, мам! Нормально – сказала она в трубку – мы сейчас с Павликом в поликлинику идем.

– Какой приятный голос! – снова вздохнув, подумал Вадим – Сейчас перейду дорогу и больше ее никогда не увижу. И она меня тут же забудет и никогда больше не вспомнит, и не увидит. Молись, не молись – все без толку!

В ту же секунду, оставленный без внимания ребенок выскочил на проезжую часть и быстрыми маленькими шажками помчался вперед. Выбежав на середину дороги, он в испуге остановился – прямо на него на огромной скорости с большим шумом мчалась грузовая газель. Раздался пронзительный крик мамы, в ужасе схватившей голову обеими руками.

Все остальное случилось в одно мгновение. Как это произошло, Вадим так и не понял сам. Одним прыжком он очутился возле плачущего малыша. Газель уже была совсем рядом. Совершенно не думая о себе, изгнанник схватил ребенка на руки и, обернувшись назад, что есть силы швырнул его на тротуар. Мальчишка упал прямо возле ног обезумевшей от ужаса матери. Последнее, что успел сделать изгнанник – это повернуться лицом к неминуемой смерти. Вскрикнуть он даже не успел. Сердце замерло, дыхание перехватило. Но внезапно раздался резкий скрип тормозов и произошло неожиданное чудо – газель остановилась всего сантиметрах в тридцати от Вадима. Ужас в глазах водителя сменился на облегчение. Изгнанник нервно и тяжело дышал, глядя в стекло машины. Прямо на него на расстоянии вытянутой руки на уровне глаз смотрела большая икона «Неру-

котворный Образ Спасителя». Вадим на всю жизнь запомнил этот момент – Сам Господь смотрел ему прямо в глаза. А смерти не было.

Через секунду загорелся зеленый свет светофора. Пешеходы зашагали по переходу. Все было, как обычно, словно ничего и не произошло.

Изгнанник облегченно вздохнул и, глядя на икону, очень глубоко и трепетно перекрестился.

– Слава Тебе, Господи! – от всей души вслух произнес он.

Вернувшись на тротуар, он достал сигарету и нервно закурил. Руки дрожали. Глубоко затянувшись дымом, Вадим снова трепетно сказал:

– Слава Тебе, Господи!

Вылезший из кабины газели, шофер громко орал матом, но на него никто не обращал внимания. Девушка стояла на коленях и, крепко обняв ребенка, рыдала навзрыд, тщетно пытаясь успокоить своего плачущего малыша. Изгнанник, сильно потрясенный случившимся, молча прошел мимо них.

– Спасибо Вам огромное! – с трудом проговорила она сквозь слезы.

В ответ Вадим лишь небрежно махнул рукой. Он снова бесцельно зашагал по узкому тротуару, чувствуя на себе за спиной полный уважения и благодарности теплый девичий взгляд. После пережитого стресса изгнанник протрезвел и теперь сразу залпом прикончил второй пузырек спирта. В глубокой задумчивости он шел вперед, абсолютно не думая о

конечной цели пути. На секунду он остановился и, невзирая на прохожих, снова глубоко и трепетно перекрестившись, медленно произнес:

– Слава Тебе, Господи!

Смерти, которую он так ждал, не было, но сомнения в существовании Бога развеялись в пух и прах. Впереди предстояла долгая, лишённая счастья и радости, жизнь. Но все-таки это была жизнь, его жизнь. Вадим только теперь по-настоящему понял одно – он очень любил ее и очень хотел жить. Изгнанник с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух, любовался голубым безоблачным небом, окружающими домами, магазинами, проезжающими машинами, идущими навстречу прохожими... Впервые, наверное, за всю свою жизнь он чувствовал огромную любовь ко всему, что видел вокруг, ко всему, что его окружало. Желание умереть пропало раз и навсегда. Вадим даже не замечал презрительных и высокомерных взглядов. В этот момент он очень любил людей и ему казалось, что окружающие его люди стали как-то добрее, приветливее, лучше, чем были обычно. Это и была любовь к жизни, жизни, которую он впервые по-настоящему научился ценить. Предстояло искать ночлег, но изгнаннику совсем не хотелось об этом думать. Он просто шел по узкому тротуару Мясницкой улицы и просто любил жизнь. Вадиму хотелось петь, прыгать, кричать, но вместо этого он молча, не смотря на сильную усталость, бодро шагал вперед. Такого превосходного настроения у изгнанника не бы-

ло очень давно. Вскоре одна улица сменила другую, другая – третью, а впереди была целая жизнь и он ценил каждый ее момент. Проходя мимо православного храма, Вадим почтительно остановился.

– Слава Тебе, Господи – глубоко вздохнув, от всей души сказал он – что Ты не внял моим глупым мольбам о смерти! Слава Тебе, что Ты оставил меня в живых!

В который раз за этот сумасшедший день изгнанник глубоко и трепетно перекрестился и, открывая калитку церковного забора, решительно вошел на территорию храма.

Глава 2

В храм его не пускали из-за того, что Вадим был весь грязный и отвратительно вонял. Изгнанник, пороптав, кое-как с этим смирился и теперь стоял возле входа в церковь, крестился и слушал вечернюю службу. На улице по-прежнему стоял мороз и бедному бомжу, даже не имеющему под курткой свитера, было очень холодно. Но Вадим решил твердо – замерзну, а службу все равно отстою! После случившегося чуда изгнанник был настойчив и каждый день стоял возле храма. Он не знал ни одной молитвы и молился своими словами. О смерти он больше Бога не просил. Вадим решил жить, во что бы то ни стало, назло всем трудностям и неудачам. Перед началом утренней или вечерней службы он побирался и на полученные деньги, как обычно, покупал недорогие продукты, спирт и дешевые сигареты.

В ближайшие дни не было ни воскресения, ни большого православного праздника. В храм приходило мало прихожан и заработок изгнанника был невелик. Вадим еле сводил концы с концами, но упорно продолжал каждый день стоять возле входа в церковь, смиряясь со своим незавидным положением. Окончательно уверовав в Бога, он постоянно обращался к Нему за помощью и даже самое маленькое подаяние воспринимал, как Божью милость. Правда, каждый день его подкармливали, работающие в церковной трапезной повара, выносившие Вадиму на улицу что-нибудь съестное. Днем изгнанник все же покидал территорию храма и отправлялся искать помойки или кланчить деньги у прохожих, но к вечерней службе он обязательно возвращался к церкви. Как ни странно, нищих возле этого храма, кроме Вадима почему-то не было. Изгнанник воспринимал это, как Божью помощь – и без того скудный заработок не приходилось ни с кем делить.

За время проживания в Москве Вадим не раз пытался пойти на разгрузку вагонов, но каждый раз по каким-нибудь причинам ему это не удавалось. Сначала он роптал из-за этого, но, уверовав в Бога, кое-как смирился, решив, что нет на то Божьей воли. Смирился он наконец и со своим горьким положением бомжа. После этого жить стало намного легче – стало меньше уныния, ропота, обиды на жизнь и на людей.

По вечерам после окончания Божественной литургии изгнанник ждал, когда разойдутся верующие, после чего осторожно, чтобы его не заметил охранник, шел в туалет для при-

хожан. В сортире было достаточно тепло – возле стены проходила горячая труба. Вадим, на всякий случай, чтобы не вызывать подозрений, гасил свет и, заперев дверь, укладывался спать возле этой трубы, с большим наслаждением греясь после проведенного на холоде дня. Перед сном изгнанник выпивал пузырек спирта, съедал заранее припасенные продукты, курил и, засыпая молился Богу, прося у Него помощи в завтрашнем дне.

На территории церкви на ночь обычно оставался один охранник. Но он посещал туалет для работников храма и в сортир, где приютился несчастный бомж, не заходил. Тем не менее Вадим прекрасно осознавал, что рано или поздно его выгонят из этого теплого и уютного места и каждый день, молясь Богу, просил не лишать его своего единственного жилья. Так прошло несколько дней. Приближался новый год, и Вадим с горечью думал о том, что в новогоднюю ночь он будет так же в полном одиночестве и страхе изгнания валяться на полу сортира никому не нужный и не имеющий в жизни никаких перспектив.

Вечерняя служба закончилась. Прихожане, клирики и работники храма разошлись и разъехались по домам. Изгнанник заперся в своем убежище и, улегшись возле трубы, закурил. Едва он успел как следует отогреться, как вдруг раздался сильный стук в дверь.

– Кто здесь есть, выходи! – послышался строгий мужской голос.

Вадим сильно огорчился, прекрасно понимая, что, если он выйдет из этого сортира, ему предстоит в лютый мороз бродить по улице (возможно всю ночь) в поисках другого ночлега. Все же надежда умирала последней.

– Подождите, я скоро выйду – непонятно на что надеясь, жалобно проныл он.

Спустя несколько минут стук раздался снова, и изгнанник услышал тот же строгий голос:

– Выходи немедленно, даю одну минуту!

Тут же раздался чей-то недовольный женский голос:

– Эти бомжи совсем обнаглели, скоро в храме будут ночевать. Давай, выходи немедленно!

Ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Тяжело вздохнув, Вадим открыл дверь туалета и вышел на улицу.

Возле сортира стоял охранник – мужчина лет сорока на вид в камуфляжной форме и бабка в черном в белый горошек платке, работающая за свечным ящиком. За несколько дней нахождения возле этого храма изгнанник видел их не раз. Старуха с самого появления Вадима у церкви невзлюбила его, хотя бедный страдалец не сделал ей ничего плохого. Именно она не пускала его в храм за его внешний вид и, каждый раз, выходя из церкви на улицу, она гневно косилась на Вадима, нередко осуждая его и выговаривая ему свои глупые укоры и упреки.

– Давай, уходи отсюда! – властно скомандовала она – Ишь, устроился тут!..

– Да, что я вам плохого сделал?! – обиделся изгнанник

– Это туалет для прихожан, а не ночлежка – продолжала нападать старуха – еще и курит! Вон, как из туалета дымом несет! Курить – бесам кадить!

– Мне некуда идти – печально ответил Вадим – посмотрите, какой мороз, а у меня даже свитера нету.

– Потому что ты не работаешь – уверенно заявила работница храма – работал бы – все бы имел и не жил бы в туалетах. Давай, Георгий, выводи его за ворота! Я про таких книжку читала. У них появляется страсть к бродяжничеству. Они работать не хотят, только пьют, воруют, собираются и живут, где попало. И жалеть их не надо!

– Не судите, да не судимы будете! – вдруг заступился за изгнанника, все время молчавший Георгий.

– Ой, прости, Господи! – осеклась старуха, и, суетливо перекрестившись, чуть мягче добавила – Но все равно уходи отсюда!

– Ты посмотри на себя – спокойным и тихим голосом по-доброму сказал охранник – грязный, вонючий, небритый! Пока не приведешь себя в порядок, тебя отовсюду гнать будут. У людей в наше время нет ни жалости, ни сострадания. Помойся, побрейся, одежду постирай, тогда никто не узнает, что ты – бомж. В любой подъезд спокойно зайдешь и переночуешь. Найдешь газету, например, «Из рук и руки», находишь там объявление, например, листовки возле метро раздавать. Не пей только! Паспорт потерял? Неделю поработай

– зарабатываешь, восстановишь. Попытаешься неделю чаем с хлебом, за то зарабатываешь на паспорт, потом отъешься. Влип в такое дерьмо – поставь себе цель – выбраться из него. Ладно, Лидия Ивановна, пусть тут до утра остается. Замерзнет – на нашей совести будет.

– Вот батюшка приедет, я ему все расскажу, как ты тут в его отсутствие бомжей ночевать пускаешь! – пообещала Лидия Ивановна – Охранник называется!

– А чего Вы боитесь? Храм заперт, никто его не обворует, а человеку действительно идти некуда – спокойно ответил Георгий и, обращаясь к Вадиму, спросил – скажи, ты хочешь в люди выбиться или хочешь на помойке сдохнуть от пьянства?

– Хочу выбиться в люди – опустив голову, словно школьник, тихо ответил изгнанник.

– Тогда с завтрашнего дня ты будешь делать все, как я скажу, а сейчас ночуй здесь. Утром моя смена заканчивается. Я поеду домой, потом вернусь. Ты меня обязательно дождись.

– Ну ты даешь, Георгий! – удивилась старуха – Гнать его надо, а ты до утра оставляешь!

– Выгнать – проще всего – твердо сказал охранник – тут человека понять надо, помочь ему. Через таких Сам Господь подаяния просит, а потом припомнит на Страшном Суде. Батюшка послезавтра приедет, пусть он решает, что с ним делать.

– Ладно – смягчилась Лидия Ивановна – пусть, правда,

батюшка решает, ему виднее.

На следующее утро литургии не было. Изгнанник, проснувшись, вышел из своего убежища. Георгий уже уехал домой. Вместо него дежурил другой охранник, который был весьма лоялен к Вадиму и даже принес ему из трапезной пару бутербродов с рыбой. Немного раздосадованный отсутствием утренней службы и прихожан, которые подавали ему милостыню, изгнанник стал дожидаться Георгия, абсолютно не представляя, что его ждет в дальнейшем. Лидии Ивановны не было. Ее отсутствие очень нравилось бедному бомжу, привыкшему за несколько дней, проведенных возле храма, видеть от нее совершенно незаслуженное негативное отношение.

Георгий вернулся только через два часа, тогда, когда несчастный изгнанник окончательно замерз на морозе. Он принес ему целую сумку вещей.

– Сначала вымойся и побрейся – строго сказал он, протягивая Вадиму одноразовый станок – потом на себя все чистое оденешь.

– А где же я буду мыться? – приуныл изгнанник.

Мытье все-таки оказалось возможным. Георгий раздобыл большой пластмассовый таз и кусок мыла. Вадим прямо в туалете, набрав в таз горячей воды, разделся и, постепенно намыливая части тела, смывал их водой. Закончив, он как следует протер тряпкой пол. Через полчаса, глядя в висевшее над раковиной зеркало, изгнанник не узнал сам себя

– чистая причесанная голова, аккуратно побритые подбородок и щеки. Георгий принес ему всю необходимую одежду, включая нижнее белье. Он даже купил ему дешевенький дезодорант и дал сто рублей.

– Только не пропей! – строго сказал он.

– Сам Господь послал мне этого хорошего человека – подумал Вадим, посмотрев с благодарностью на своего благодетеля.

Георгий оказал ему еще одну услугу. Он договорился с коллегами, чтобы они не выгоняли Вадима из туалета до приезда старшего священника, и следующие два дня изгнанник чистый, побритый и одетый в новую одежду продолжал побираться возле церкви. Он по-прежнему ночевал в туалете – без благословения настоятеля храма, протоиерея Романа, который был в отъезде, никто из работников не решался поселить Вадима в сторожку – единственное место, где изгнанник мог бы ночевать. За то охранники пускали его в нее погреться, но только при своем присутствии. Привыкший к холоду бедолага был несказанно рад и этому.

В храме служили два молодых иерея и средних лет дьякон, но даже они, имея власть, хоть и относились к Вадиму вполне дружелюбно, без старшего священника ничего сами не решали. Так было заведено. Правда, один из иереев, отец Евгений все же благословил поваров кормить изгнанника и теперь тот питался, как следует, но без решения отца Романа в трапезную его все равно не пускали – к никому не зна-

комому бомжу никто не питал доверия. Пищу выдавали в пластмассовых баночках. Второй иерей, отец Гавриил подарил изгнаннику почти новые зимние ботинки, а дьякон, отец Михаил по собственной инициативе на личном автомобиле отвез Вадима в баню, чтобы тот, после ночевок на чердаках, в подвалах, подъездах и туалетах, отмылся, как следует – не так, как в сортире. Не доверяя бомжу, отец Михаил не стал давать ему деньги на баню – вдруг Вадим их пропьет – а отвез его туда сам и сам все оплатил.

Изгнанник бесконечно благодарил Творца, за то, что Он привел его к этой церкви, при которой Вадим встретил таких, хороших, добрых и отзывчивых людей.

Единственным неприятным человеком была Лидия Ивановна. В храм она теперь изгнанника пускала, но при этом всегда пристально следила за ним – как бы чего не украл. Нередко злая сварливая старуха говорила Вадиму неприятные слова. Она осуждала дьякона, священников, поваров и Георгия за оказанную изгнаннику помощь, выговаривая это не им, а непосредственно Вадиму, постоянно высказывала свои опасения подхватить от бомжа заразу или быть им обворованной или просто смотрела на него с нескрываемой неприязнью. Все это приходилось терпеть. Лидия Ивановна проработала при храме у отца Романа целых пятнадцать лет и, хоть ее никто не назначал на руководящую должность, считала себя в праве командовать всеми работниками, кроме дьякона и священников – единственными, кто мог по-

ставить ее на место – и очень любила лезть не в свое дело. Свой эгоизм она не осознавала и, прожив на свете семьдесят два года, менять характер не собиралась. Она часто грубила за свечным ящиком, пишущим записки, прихожанам, которые в свою очередь нередко жаловались на нее настоятелю. В коллективе ее недолюбливали, но никто не связывался со старухой. Лидия Ивановна ребенком пережила войну, рано овдовела и, похоронив единственную дочь и зятя, утонувших во время шторма в Тихом океане, одна воспитывала двух внуков. По этой причине отец Роман относился к ней снисходительно. К тому же свою работу старуха выполняла очень ответственно, была честной, прямой и правдивой, как свойственно многим людям ее поколения и хорошо знала все церковные порядки. Найти ей замену было сложно, и отец Роман, привыкший к ней за много лет, сам смирялся с ее тяжелым характером. Невзлюбив Вадима, Лидия Ивановна искренне верила, что настоятель по приезду непременно выгонит бомжа восвояси.

Изгнанник добровольно стал чистить снег на территории храма и, когда его об этом просили, выполнял ряд других работ: таскал баки со святой водой, носил ящики с просфорами, помогал перевешивать иконы, разгружал машины с церковной утварью или продуктами и всегда старался быть на подхвате.

При каждой встрече Лидия Ивановна к нему придиралась: то Вадим не так нес бак с водой, то медленно рабо-

тал, то «Источник Заразы», как она прозвала несчастного бомжа, прикасался при разгрузке к продуктам или к святым иконам... Бедный изгнанник никому не жаловался и все это молча терпел, но с огромным трудом. Деваться ему было некуда. С большим нетерпением Вадим дожидался приезда «батюшки», как почтительно называли отца Романа.

Иерей, отец Гавриил, случайно услышав ворчание старухи, сделал ей замечание, после чего Лидия Ивановна немножго приутихла.

– Терпи и смирайся – посоветовал он Вадиму – через нее тебя Сам Господь терпению и смирению учит, а ее Он накажет, если она не покается. Ее тут многие терпят. Молись об ее вразумлении. Как Господь учил: молитесь за обижающих вас.

– Как же Господь может через кого-то делать зло – не понял изгнанник – если Он такой добрый, милосердный и милостивый?

– Да, Он такой – ответил священник – и Его воля – чтобы человеку всегда было хорошо. Но есть Его воля, а есть Его пощущения, когда Он попускает человеку скорби, болезни, обиды, притеснения... Он может тебя от них избавить в любую секунду, но тебе эти беды – или наказание за грехи, или месть бесов за добрые дела (тогда ты от Бога мученический венец получишь), или для чего-то тебе полезно это испытать. Вообще христианство – религия мученичества, единственная – не угодная дьяволу. Не в одной религии нет такого. За

все приходится страдать. Господь за нас пострадал, Апостолы за Него пострадали. И сколько святых мучеников за Него жизнь отдали! На их крови Православная Церковь и создана. Глядя, как они стойко переносили мучения, столько людей в Бога уверовало! А мы сейчас в наше время духовно очень слабые. По мне – так я и службу служить не достоин. Вот и страдаем в основном за свои грехи.

– Неужели я так тяжело нагрешил, что стал бомжом? – удивился Вадим – Что же я такого плохого сделал? Чем я хуже остальных?

– Не обязательно быть хуже. Просто тебе это для чего-то нужно, раз Господь попустил такое. Бывают же и больные люди, и калеки... и они ничуть не хуже остальных. А почему так – один Господь знает. А грехи свои большинство людей и не знают и даже о них не задумываются. Вот ты, например, в Бога не верил, в церковь не ходил, посты не соблюдал, не молился, не причащался, не исповедовался, пил, жил невенчаным браком... И чего ты заслужил? Ада! И Господь по своей милости попустил тебе этот ад в короткой земной жизни, чтобы ты здесь, на земле отмучился и наследовал Царствие Небесное.

– Но ведь так, как я живет большинство людей?

– Ну так это большинство в ад и идет. Что в этом хорошего? А ты вот теперь в Бога уверовал – может и в жизни у тебя все еще наладится: работу найдешь, жилье, женишься... Дай того, Бог! – отец Гавриил неторопливо перекрестился.

– Так, если Бог такой милостивый – вознегодовал изгнанник – почему тогда люди за такие пустяки в ад идут: в Бога не верили, в церковь не ходили, не молились, не постились, не причащались, не исповедовались...? Где же тут милость?

– Видишь ли, Вадим – спокойно ответил иерей – ад это – не то, что мы думаем. В аду у человека очень сильно болит душа от нераскаянности и от того, что он не познал Бога. Там человек все свои грехи знает, а покаяться уже не может и очень страдает. А милость Божья – вечный огонь, который дан грешникам, чтобы облегчать душевные муки. Настолько сильно там человек страдает, что жгущий его огонь оттягивает, облегчает боль. Вот ты теперь уверовал – значит и у тебя теперь есть надежда на спасение. Только обязательно слушайся батюшку, все делай так, как он тебе скажет.

– Разве батюшка ошибаться не может?

– Ошибаться могу я, отец Евгений, любой другой священник относительно советов, как поступать в разных ситуациях, а наш батюшка – человек особый, Богом одаренный. Таких сейчас очень мало. Он и молитвенник сильный, и прозорливый – насквозь тебя видит и все о тебе знает. Он видит, как тебе лучше поступить. Его обязательно слушайся.

– Он что, ясновидящий что ли? – с сомнением усмехнулся изгнанник.

– Я же тебе говорю – прозорливый.

– А в чем отличие?

– Ясновидящий контактирует с бесами. Они ему все по-

казывают. Бесы ведь тоже правду знают, но и обмануть могут, когда им надо. Вот и получается, что обращается человек к ясновидящему, ему раз правду сказали, два, три... и он верит, а потом в четвертый раз обманут и ты в такую яму упадешь!.. А прозорливость – духовный дар от Бога. Его еще заслужить надо смирением, кротостью, добрыми делами, покаянием... В наше время мало кому такое дается. Вот наш батюшка такой.

– И что, он все, все, все обо мне знает?

– Ну не все – поправился священник – а только то, что ему Господь открывает.

Батюшка приехал только к вечерней службе. Вадим увидел его, когда отец Роман вышел из Царских Врат. Старик был высокого роста, крупного телосложения с густыми длинными седыми волосами и такой же длинной седой бородой, почти достоящей до, висящего на груди большого креста. Отец Роман носил огромные очки, почти наполовину закрывавшие его строгое и вместе с тем доброе лицо. В батюшке было что-то непонятно-неуловимое, что-то располагающее к нему сразу, с первого взгляда, и Вадим, увидев старца впервые, тут же проникся к нему глубокой симпатией.

Когда служба закончилась, все, кто нуждался в благословениях и наставлениях отца Романа или имел к нему вопросы, выстроились в очередь к двери длинной одноэтажной постройки, размещавшей в себе и кухню, и трапезную, и бухгалтерию, и подсобные комнаты. Батюшка принимал в своей

маленькой кельи.

Дошла очередь и до Вадима. Возле двери священнической комнаты стояла, следившая за порядком, Лидия Ивановна. Именно она по очереди пускала прихожан к старцу.

– Вот погоди! – пообещала она изгнаннику – Выгонит тебя сейчас батюшка вон отсюда! Пойдешь под забором валяться!

Ничего ей не ответив, Вадим вошел в комнату и остановился напротив старика. Его трясло от волнения. Отец Роман сидел в большом кожаном кресле возле маленького журнального столика, на котором стояла зеленая настольная лампа. Ее неяркий свет тускло освещал помещение. Над головой у батюшки висела большая икона Богородицы.

– Зачем ты пьешь? – без всяких предисловий строго спросил старец, внимательно посмотрев на Вадима сквозь свои огромные очки.

В ответ изгнанник лишь виновато опустил глаза. Чувствуя на себе пристальный взгляд отца Романа, он был готов провалиться сквозь землю. Старик смотрел так, как будто знал о Вадиме абсолютно все заранее.

– Бомж?

– Да.

– Как звать то тебя? – священник смягчился.

– Вадим.

Отец Роман опустил голову и о чем-то призадумался, затем снова спросил:

– В люди хочешь выбиться?

– Хочу.

– Значит так: первое – что б не пил; второе – следи за собой, чтобы всегда был чистый, умытый и одежду чтобы стирал. Будешь у меня при храме трудиться?

– Буду.

– Поживешь пока в сторожке с охранниками. Потом со временем жилье найдешь. Придешь к ним, скажешь – я благословил. И питаться будешь в трапезной, но посуда у тебя будет отдельная – вдруг ты заразный какой – по помойкам лазил. Парень ты, я вижу, хороший. Я тебе верю. Зарплата у тебя будет. Сколько – посмотрим. Но будешь пить – я тебя выгоню. Потерпи, все у тебя будет хорошо.

– Скажите, батюшка, за что мне Бог послал все эти страдания? – вдруг осмелев выпалил Вадим – Я осиротел, бандит жену отнял, квартиры лишил. Я в рабстве был полтора года. Друзья все погибли. Где справедливость? Почему Бог допускает такое?

– Скажи, Вадим, а справедливо, что самого Господа на Кресте распяли? Невинного, с разбойниками вместе! Ему всего тридцать три года было! Раз Бог попустил тебе эти испытания, значит для чего-то Ему это было нужно, для твоего же блага. Смиряет тебя Господь, значит твоей душе это полезно. Радуйся, что ты жив-здоров, руки-ноги целы, работать можешь, а об остальном не нам судить. Ты вот нищий, побираешься, а знаешь, какая это высокая честь для человека – быть нищим?! Ты – озолотитель мира! Через тебя Сам

Господь подаяния просит! Люди души спасают тем, что тебе милостыню подают. А сколько людей живут с чувством вины за разные поступки?! Вот они тебе подают и рады, что хоть какое-то доброе дело сделали. Все грешат, а за добрые дела воздаст им Господь. И тебе воздаст за твои страдания.

– А почему одни живут в богатстве и роскоши, а другие в бедности или нищете?

– Сильные мира сего – как правило ничего не могут без денег. Катаются, как сыр в масле и не терпят ни скорбей, ни притеснений. Людей обирают, зарплату своим работникам урезают и даже нищим не подают. И считают себя пупами земли, а лиши их богатства, и они с ума сойдут или повесятся, а твой крест им вообще не по силам. Богатство редко бывает нажито честным путем. Господь знает, что богатый все равно в ад попадет, если свое богатство не употребит на добрые дела. Вот Он и дает богатому хотя бы короткую земную жизнь прожить в свое удовольствие. По милости Своей дает, по жалости. А бедняк, если праведен будет, наследует Царствие Небесное и за свои страдания получит награду. А справедливость на земле редко бывает, но и выше сил испытания не посылает Господь.

– А почему в церкви встречаются такие священники, из-за которых и в храм ходить не хочется? Меня вот обидел один – снова спросил изгнанник, вспомнив, как став бомжом, он в воронежской области, имея последнюю надежду выбраться из этого положения, пришел в церковь, в которой священ-

ник, даже не выслушав его, захлопнул дверцу своей иномарки и без всяких зазрений совести уехал восвояси.

– Один из Апостолов тоже был предателем. А священники на Страшном Суде первыми перед Богом предстанут и каждый без исключения будет судим Господом. И если священник тебя чем-то обидел – это не значит, что Бог тебя отверг. Если человек по-настоящему обратился к Богу, Бог его никогда не оставит. А в храм ходи и священника не осуждай. Он может быть в своих грехах покается, и Господь его простит. А ты если в храм ходить не будешь, как тогда Царствие Божие наследуешь? А если бы ты тогда к другому священнику обратился, может быть твоя жизнь совсем по-другому сложилась.

– Понятно – задумчиво произнес Вадим – как я многого не знал!

– Ты еще ничего не знаешь – с доброй улыбкой ответил старец – бери за свечным ящиком Евангелие и православные книги, с верующими общайся. Ты будешь сильно удивлен, сколько в церкви знаний.

– Батюшка, а почему так получилось? У меня работа была – снег чистил возле палаток, жилье было на чердаке. И вдруг меня с чердака милиция выгнала, а наутро такие же, как я бомжи ограбили и с работы прогнали.

– Это тебе по грехам – священник пристально посмотрел прямо в глаза Вадиму – Скажи, а ты сам никогда никого не грабил?

– Грабил – опустив голову, тихо ответил изгнанник, вспомнив, как он, озверевший после гибели Капитана, выследил пьяного кавказца и ударив его бутылкой по голове, обчистил карманы.

– Ты человека чуть жизни не лишил. И за что? За несколько «бумажек»? Ты ведь у него последнее отнял. А Господь милостив и сердце твое видел, когда ты Его душой искал и сердце твое все больше и больше открывалось к Нему. Когда ты стал готов Его принять, Он попустил тебе лишиться жилья и работы, да еще и быть ограбленному, чтобы ты имел нужду и сюда пришел. И чудо Он сотворил, чтобы ты окончательно уверовал в Него. Если бы не эти бомжи, ты бы сейчас до сих пор возле палаток работал, пил и жил, где попало.

– Об этом я даже и не подумал! – Вадим был поражен – Как же у Бога все мудро!

– Ладно, у меня мало времени. Иди и помни, что я тебе сказал.

– Спасибо Вам огромное! – радостно закричал изгнанник, направляясь к двери.

– А скрипочку ты зря бросил – хитро улыбнувшись, произнес на прощание отец Роман – играй на ней.

– Вы и это знаете?! – Вадим растерялся от неожиданности – Да где же я ее возьму?

– Найдешь. Всему свое время. Ладно, иди!

Изгнанник вышел от старца, как на крыльях – на такую удачу он даже не рассчитывал – он разом нашел и жилье,

и работу, да еще накануне нового года, который теперь не придется отмечать в одиночестве на полу сортира. К тому же после беседы со старцем у Вадима стало легко и тепло на душе.

– Ну что, дождался?! – победно взглянув на него, злорадно осведомилась Лидия Ивановна.

– Дождлся, дождался – с насмешливой улыбкой посмотрев на нее, весело ответил изгнанник, и больше не удостоив старуху своим вниманием, быстро зашагал к сторожке.

– Ишь, какой, еще и лыбится! – услышал он за спиной.

Даже не обернувшись, Вадим снова улыбнулся, почувствовав себя победителем перед своей постоянной обидчицей. Он не шел, а летел. Настроение было превосходным.

Глава 3

Следующая ночь была новогодней. Изгнанник, как и обещал отцу Роману, не стал пить спиртное, даже несмотря на праздник, а побеседовав с Георгием, дежурившим в эту смену, улегся спать в сторожке на стареньком диванчике. Настроение было превосходным. Вадим долго не мог заснуть и, лежа, радовался внезапной смене обстановки. И сама сторожка, и столик возле окна, и микроволновая печь, и синий электрический чайник, и маленький холодильник, и сам диван, на котором валялся измученный горем и лишениями несчастный бомж – все отдавало теплом и уютом, таким приятным и непривычным, что даже не верилось, что это проис-

ходит на самом деле, что он, Вадим, волею судьбы вдруг оказался в нормальных человеческих условиях и, что больше ему не придется бродить по ночным улицам, норовя попасть в какой-нибудь подъезд или подвал, валяться под запертой дверью метрополитена, греясь, сочащимся сквозь щель теплым воздухом или отсыпаться днем на кольцевой линии и в электричках дальнего следования. Теперь были и жилье, и работа. Изгнанник сердечно благодарил Бога за все, что с ним случилось за последнее время и так же сердечно – отца Романа, к которому сразу проникся любовью и уважением. Так началась новая жизнь.

Георгий, ставший вскоре ближайшим другом и помощником Вадима, был очень давно воцерковленным человеком. Он был хорошо начитан духовной литературы, отлично разбирался в православных праздниках и традициях, соблюдал все посты, регулярно молился, исповедовался и причащался. Именно он (священники в силу своей постоянной занятости не всегда были доступны) чаще других давал изгнаннику ценные духовные советы, помогая ему встать на духовный путь. Вадим поражался – сколько знаний содержалось в голове его нового приятеля, простого охранника, не имеющего никакого духовного образования. Георгий был ярким противником пьянства. Несколько раз в год в большой православный праздник он выпивал стакан кагора или красного вина и большего себе никогда не позволял. Георгий не курил, был добрым, строгим, благочестивым и требовательным

в первую очередь к самому себе. После Ивана и Капитана он стал для Вадима новым примером для подражания. Охранник был хорошим семьянином, имел жену и двоих детей. В свои сорок пять лет он шесть из них проработал при храме у отца Романа. Церковные работники прозвали его «Высоцким» так как внешне Георгий был очень похож на известного артиста и к тому же являлся большим почитателем творчества своего «двойника». Высоцкий искренне обрадовался, что отец Роман принял изгнанника на работу и на первых порах всячески помогал Вадиму обустроиться. Именно он научил несчастного бомжа основным молитвам, читаемых до и после приема пищи или с утра и вечером, рассказывал интересные истории из жизни Церкви, а на Рождество помог ему подготовиться к исповеди и Причастию. В новогоднюю ночь Георгий, как и изгнанник не употребил ни капли спиртного. Сам же праздник охранник не отмечал вообще никогда, с тех пор, как стал ходить в церковь.

– Большинство верующих Новый Год не отмечают – освятил он Вадима – это безбожники перенесли даты и получается, что Новый Год приходится на последнюю неделю Рождественского поста, а первое января – день святого мученика Вонифатия, которому молятся одержимые страстью пьянства. И получается, что люди, вместо того, чтобы просить святого, помочь им избавиться от этого порока, наоборот, напиваются в этот день, да и в последующие тоже. И так оскорбляют святого! Еще и телевизор смотрят. На что там

смотреть?! Наш праздник – Рождество Христово. По-старому, правильному календарю он шел перед Новым Годом и сначала заканчивался пост, наступал великий праздник... у христиан два великих праздника – Рождество и Пасха, а потом уже и Новый Год.

– Подумать только!!! – удивлялся изгнанник – Я всю жизнь оскорблял святого и даже не подозревал об этом! Да что там, не подозревал! Я даже в Бога то не верил, не то, что в святых! Теперь все по-другому будет!

Территория храма была небольшой – всего соток пятнадцать. На ней размещались: церковь с двумя пределами, голубыми стенами и тремя куполами из сусального золота, рядом – высокая колокольня и хозяйственная постройка с кухней, трапезной и подсобными помещениями. Вокруг храма находились строения: большая церковная лавка, двухэтажное здание воскресной школы с ризницей и бухгалтерией, сторожка и туалет. Всю территорию окружал высокий зеленый забор с острыми кольями, вдоль которого проходила декоративная зона – несколько небольших газончиков с клумбами. Почти возле самых ворот находилась маленькая детская площадка – песочница, две лавочки и качели.

В обязанности Вадима входило: чистить снег, носить на кухню продукты из подсобных помещений, иногда разгружать машины с продовольствием или церковной утварью и быть всегда на подхвате. Изгнанник был безумно рад тому, что он живет и трудится при храме. Еще месяц назад он да-

же представить себе не мог, что в его жизни могут наступить такие удивительные перемены и каждый день слезно благодарил Бога за все происшедшее. Теперь наконец сбылась его мечта – он нашел и жилье, и работу. И каждое утро, просыпаясь в теплой сторожке, Вадим с наслаждением открывал глаза и, осознавая, где он находится, осенял себя крестным знамением и сердечно произносил:

– Слава Тебе, Господи, за все, что Ты сделал для меня!

Питался Вадим в трапезной, как все нормальные люди, и, хоть и шла последняя неделя поста, нормальная, хоть и постная пища, была для него непривычной. За это он тоже искренне благодарил Творца.

– Как мало надо человеку для счастья! – думал изгнанник – Всего то жилье и пища и минимально человеческие условия. Но, как мало, кто это ценит и понимает!

Новую жизнь Вадиму отравляла только Лидия Ивановна. Она по-прежнему не любила изгнанника и постоянно демонстрировала ему свое отношение. Видя, что Вадим стал питаться вместе со всеми в трапезной, она каждый раз выговаривала ему:

– Скажи, как после тебя поварам мыть посуду? Кипятком? И зачем только батюшка тебя взял, ума не приложу?!

Это продолжалось каждый раз, когда изгнанник встречался с ней в трапезной.

– Лидия, ты что себя умнее батюшки считаешь? – однажды поставил ее на место, обедавший в это время отец Гав-

риил – Батюшка благословил, значит так надо.

Как ни странно, но слова иерея на старуху подействовали, и она стала к Вадиму придирааться меньше, но все же часто покоя не давала. Приходилось смиряться и терпеть. Со всем остальным коллективом у изгнанника отношения были нормальные.

Накануне Рождества день выдался очень трудный. Стояла нулевая температура и ночью валил мокрый тяжелый снег. Все утро и до самого обеда Вадим расчищал территорию храма. Параллельно с этим он разгрузил две газели с продуктами и одну с церковной утварью и несколько раз по требованию поваров, готовившим помимо дневной постной пищи вкусные скоромные блюда, чтобы накрыть ночью праздничный стол, таскал на кухню мешки с луком, картошкой, сахаром, морковью и прочим необходимым продовольствием.

После обеда отдохнуть не удалось – на кухне прорвало трубу. Вода стремительно затапливала кухонный пол и, просочившись под дверь, полилась в коридор.

– Как всегда искушения перед праздником! – ворчали недовольные повара.

Ликвидировать аварию пришлось Вадиму. Сначала изгнанник, спустившись в подвал, перекрыл воду, текущую в лопнувшую трубу, затем, вернувшись на кухню, вместе с поварами долго собирал с пола все, что успело натечь. Едва он закончил, как снова пришла машина. Пришлось разгружать, да еще вдобавок выслушивать реплики, стоящей рядом Ли-

дии Ивановны. Вадим еле сдерживался, чтобы не наругать ей в ответ, прекрасно понимая, что он здесь работает неделю, а старуха – пятнадцать лет.

В церкви шла генеральная уборка – мыли полы, стены и даже висевшее на потолке паникадило. Едва изгнанник вышел за ворота перекурить, как за ним тут же прибежала дежурная по храму:

– Вадим, помоги, без тебя никак!

Пришлось устанавливать внутри церкви большую вытяжную лестницу, потом аккуратно держать ее, пока молодая прихожанка, пришедшая помочь в честь большого праздника, забравшись на самый верх, проворно мыла паникадило, а потом разбирать лестницу и уносить ее в подсобную комнату.

За этот день Вадим помог очень многим, не отказывая никому, кто бы не обращался к нему за помощью.

– Спаси тебя, Господи! – целый день слышал изгнанник от всего рабочего коллектива.

Вадим был счастлив – еще ни разу в жизни он не чувствовал себя таким нужным и востребованным, как в этот тяжелый предпраздничный день. Закончив возиться с лестницей, он снова вышел перекурить и тут же впал в уныние – на улице опять выпал мокрый снег. Вечерело. Изгнанник от усталости уже еле стоял на ногах. Оставить территорию храма нечищенной он не мог – ночью должна быть праздничная служба и крестный ход, а убирать снег уже не было сил. Еще пред-

стояло готовиться к исповеди и Причастию, потом полночи стоять на литургии и под утро идти в трапезную за праздничный стол.

На помощь пришел Георгий, дежурство которого снова выпало в праздник. Вдвоем с Вадимом они быстро расчистили территорию.

– Мне еще к исповеди и Причастию готовиться – пожаловался изгнанник – а сил уже нет.

– Не переживай – спокойно ответил охранник – Господь все видит и все знает. Он все управит, вот увидишь.

– Что тут можно управить, когда сил уже нет? – с удивлением подумал Вадим, но спорить не стал.

Наконец вся работа была окончена. Вадим и Георгий ушли в сторожку. Отдохнув полчаса, они вместе вычитали положенные к Причастию каноны. Охранник читал быстро, как подобает опытному в этом деле человеку и через час настало время готовиться к исповеди.

– Возьми бумажку и напиши на ней все свои грехи, которые вспомнишь – посоветовал Георгий – а то будешь волноваться во время исповеди и половину забудешь.

– Да священник в обморок упадет, когда ее увидит – рассмеялся изгнанник.

– Я тоже так думал, когда в первый раз исповедовался – совершенно серьезно ответил охранник – священника ты ничем не удивишь. Он по твоим грехам поймет, что ты в первый раз на исповеди.

– Почему? – удивился Вадим.

– Потому что, когда человек в церкви давно, он такие грехи, как у малоцерковных уже не совершает.

– Наверное, ругать меня будет?

– Может за что и поругает, хотя не думаю. У Бога один раскаявшийся грешник дороже, чем сто праведников, и священник об этом прекрасно знает.

– Да, как же я сейчас все вспомню? Ведь, за всю жизнь столько нагрешил!

– До службы еще целый час, время есть. Сиди и вспоминай. Все самое тяжелое, в чем совесть обличает, сразу же на ум придет – бери и записывай.

– Хороший удар по самолюбию! – сказал через час изгнанник, перечитывая исповедь – Даже никогда не думал, что я плохой! Столько натворил за свою жизнь и никогда не задумывался об этом.

Началось Всенощное бдение. Народу в храме было битком – не протиснуться. Помимо верующих, ходящих на службы регулярно, в церковь явилось немало «захожан» – малоцерковных людей, изредка приходивших в храм поставить свечки или потолпиться в большой праздник. Специально для последних на территории церкви дежурил наряд милиции, дабы не пускать в храм пьяных и неадекватных. Желающих причаститься на праздник было очень много. Принимали исповедь два священника – отец Гавриил и отец Евгений. К каждому из них стояла огромная очередь.

Настроение Вадима было превосходным, даже немного серьезным и каким-то торжественно–взволнованным. На душе впервые за много лет чувствовался настоящий праздник. Изгнанник встал в очередь к отцу Гавриилу, с которым общался чаще, чем со вторым иереем.

Через полчаса с одной психически нездоровой женщиной, регулярно ходящей в храм, случился припадок. Она сорвала с головы платок и начала оскорблять священников.

– Вот и искушение в праздник! – ворчали прихожане, но никто с ней не связывался.

– Вадим, выведи ее на улицу – громко сказал отец Евгений – нельзя службу срывать. И скажи Георгию, что б вызвал ей скорую.

Женщина брыкалась, громко ругаясь матом. Она оскорбляла священников, Бога, святых и Богородицу. Прихожане сочувственно смотрели на нее и молчали. Все отнеслись к происходящему с пониманием. Вадим еле справлялся с ней, но все же сумел вывести несчастную из храма.

Дежуривший возле церкви, Георгий вызвал скорую. Изгнанник остался на улице до приезда врачей.

– Вдруг я не успею исповедоваться? – взволнованно думал он.

Скорая приехала только через сорок минут. Все это время больная бегала по территории храма, выкрикивая непристойности. Вадим, Георгий и сотрудники милиции тщетно пытались ее сдержать. Незадолго до приезда скорой сума-

шедшая под громкий хохот, стоявших поблизости, зевая прямо возле церкви села справлять нужду. Милиционеры не стали с ней связываться. За то изгнанник не стерпел, видя такое. Вдвоем с Высоцким они грубо вытолкали ее за ворота. Женщина упиралась, как могла, продолжая неистово орать. От нее досталось и Вадиму.

– А ты вообще – грязный вонючий бомж! Как ты смеешь меня трогать?! – кричала она – Да я святая по сравнению с тобой! Ты здесь побираться каждый день, а самому лишь бы нажраться!

Терпению изгнанника наступал предел, и он еле сдерживался, что бы не нагрубить в ответ – не хотелось грешить перед принятием Святых Тайн.

Наконец приехала машина скорой помощи. Санитары особо не церемонились. Грубо затолкав сумасшедшую в машину, они увезли ее в психиатрическую больницу.

Вадим и Георгий облегченно вздохнули. Пора было возвращаться в церковь.

Высоцкий, успевший, как работник храма, исповедоваться без очереди, был вынужден остаться на улице. Неся дежурство, он мог зайти на службу только для принятия Святых Тайн.

Изгнанник, как новенький, стеснялся пройти на исповедь без очереди, но, когда он вернулся в церковь, прихожане сами пропустили его вперед.

Вадим сильно волновался, стоя в двух метрах от священ-

ника, в ожидании, когда закончит исповедоваться пожилой мужчина в сером клетчатом пиджаке. Изгнаннику хотелось уйти, убежать, провалиться сквозь землю, и он долго колебался, решаясь на столь ответственный шаг. Наконец, место возле аналая освободилось. Иерей вопрошающе и немного устало посмотрел на Вадима. Отступить было поздно. Глубоко вздохнув, изгнанник решительно подошел к аналою. Задыхаясь от волнения, он еле слышно начал читать свои грехи. Отец Гавриил слушал внимательно, не перебивая и не осуждая, затем взял из рук Вадима бумажку и, быстро пробежав ее глазами, разорвал и вернул назад. Изгнанник наклонил голову. Священник положил на нее епитрахиль и тихо прочел разрешительную молитву.

– Теперь целуй Крест и Евангелие – сказал он.

Перекрестившись, Вадим сделал, что ему велели.

– Ты причащаться собрался?

– Да.

– Вижу, светишься весь – отец Гавриил улыбнулся – Давай, с Богом! На Крестный ход понесешь хоругви.

Взяв благословение, изгнанник отошел от иерея. Он долго глубоко и облегченно дышал. Было ощущение, будто с плеч свалилась какая-то невидимая гора, которая до этого совсем не давала о себе знать.

– Вот так живет человек, грешит и даже не осознает, какая тяжесть грехов лежит на его душе – подумал Вадим – и что есть исповедь, после которой так легко становится! И я так

всю жизнь жил и не понимал. Хорошо, что теперь все по-другому! Слава Богу за все!

Во время Крестного хода изгнанник торжественно нес хоругви. В какой-то миг ему вдруг вспомнилась его прошлая бомжевская жизнь с ее бесконечными унижениями, пьянками и лишениями. Вадим даже прослезился, осознав из какой трясины он выбрался и что еще месяц назад он даже не думал о том, какие в его жизни ждут перемены. Он нес хоругви и тихо плакал, не вытирая слез.

Причастие тянулось долго – было много желающих. Изгнанник опять сильно волновался, принимая Тело и Кровь Христову. На душе была сильная радость и, глядя на лица верующих, Вадим понимал, что он такой не один. Так для него открывался новый мир.

После Причастия отец Роман долго говорил проповедь. Делал он это очень пламенно, искренне, зажигая в слушающих веру. Он смотрел на окружающих добрыми глазами, и Вадиму, слушающему батюшку на одном дыхании, почему-то казалось, что он смотрит именно на него.

После проповеди прихожане подходили к священникам целовать крест. Изгнанник, отстояв очередь, подошел к отцу Гавриилу.

– Иди в трапезную и садись за стол – протягивая крест, сказал иерей.

– Ничего себе! – подумал Вадим.

Чувствуя себя при храме «на птичьих правах», он поче-

му-то даже не думал, что его позовут за праздничный стол.

Царские Врата закрылись, прихожане направились к выходу. Изгнанник вышел из церкви. Он изрядно шатался от усталости и только теперь заметил, что, простояв на праздничной службе около четырех часов после напряженного рабочего дня, он совершенно забыл о ней и за все время нахождения в храме ни разу не вспомнил. Это открытие его сильно удивило.

– Говорил же Георгий – Господь управит, а я не верил! – радостно подумал Вадим – И правда, управил Господь – я совсем забыл об усталости!

Стол в трапезной стояли буквой «п». В центре сидели священнослужители, справа – работающие при храме, слева – гости.

Изгнанник давно проголодался. Он сидел с краю стола рядом с Георгием и жадно взирал на расставленные на столе праздничные блюда. Привыкший питаться скудной и дешевой пищей, он никак не мог поверить, что сейчас он будет есть вволю то, что не ел несколько лет. Вадим снова сердечно поблагодарил Бога.

– Ну вот, пост закончился – весело сказал Георгий – теперь можно все это есть сколько захочешь и никакого греха!

– А я такой пищи четыре года не видел – подумал изгнанник, но вслух этого не сказал.

Невдалеке на противоположной стороне стола сидела Лидия Ивановна. Она строго посмотрела на красивую тарелку,

стоящую возле Вадима, но промолчала. У нее тоже было хорошее праздничное настроение. Изгнанник был благодарен своей постоянной обидчице за то, что она не стала портить ему настроение в честь такого большого события.

Трапеза началась с общей молитвы, которую собравшиеся читали стоя. Затем разливали кагор.

– Ну куда ты ему?! – вскричала Лидия Ивановна, когда Георгий наливал вино Вадиму.

– Сегодня Рождество – строго парировал охранник – батюшка всех благословил.

– Ладно, пусть пьет, раз батюшка благословил – тихо проворчала старуха.

С пищей Вадим пожадничал. Ему хотелось отведать всего, что было на столе и изгнанник, недолго думая, наложил себе целую тарелку с горой, которую едва сумел съесть. С кагором он тоже переборщил – выпил четыре больших бокала. Сказалась усталость, напряженный и нервный минувший день, и недельное воздержание от спиртного. Последнее давалось с трудом после прожитых в нетрезвости лет.

Застолье продолжалось меньше часа. По окончании собравшиеся снова встали на молитву.

Изгнанник, еще не выучивший их наизусть, чувствовал себя «белой вороной».

– Впервые в жизни я побывал на настоящем празднике, о существовании которого даже не подозревал – радостно думал он, выходя на улицу – раньше Рождество или Пасха –

накрасишь яиц, купишь кулич, накроешь стол, нажрешься и все – самый обычный день, а какой это праздник я даже не представлял. Слава Тебе, Господи за то, что Ты открыл мне это! Слава Тебе за то, что я теперь верю в Тебя!

Небо было ясным и звездным. Снег не падал.

– Слава Тебе, Господи – снова подумал Вадим, направляясь в сторожку – за то, что мне утром не придется чистить снег!

Изгнанник еле волочил ноги. Ему смертельно хотелось одного – спать.

Глава 4

Прошел месяц. Вадим жил в сторожке при храме и каждый день работал от души, не покладая рук. Изгнанник стал следить за собой: мылся, брился, стирал одежду. Он подстригся в парикмахерской и раз в неделю ходил в баню, от чего получал особое удовольствие после пяти лет бомжевания. Побираться и лазать по помойкам он перестал и на бомжа больше не был похож, чему был безумно рад. Теперь его окружали верующие люди. Вадим был очень благодарен отцу Роману, за то, что тот взял его на работу и часто получал мудрые духовные и житейские советы от этого глубоко уважаемого им старца. Зарплата была небольшая, но за то изгнанника кормили и у него был ночлег, за который не надо было платить. Вадим перестал употреблять алкоголь, как и обещал батюшке. За месяц он еще больше изменился, по-

стигая духовную жизнь и открывая новый, неизведанный ранее мир. Изгнанник слезно благодарил Бога, за то, что Он, наконец, сжалился над бедным страдальцем. Вадим восстановил утерянный паспорт, в котором, правда, не было прописки. Без нее он не мог устроиться на более высокооплачиваемую работу. Но, несмотря на это, изгнанник впервые за долгие годы, наконец, почувствовал себя человеком и был от этого неопишимо счастлив. Каждый день Вадим (если была возможность) ходил на литургию и очень усердно молился, регулярно исповедовался и причащался, ежедневно читал Евангелие и православную литературу. Его новые друзья относились к нему тепло и сочувственно и всячески старались ему помочь.

Отец Роман был очень духовно развитым человеком и видел людей насквозь. Благодаря этому при храме работали только хорошие, добрые и отзывчивые люди (не считая Лидии Ивановны), которых он наставлял и окормлял духовно.

Старец благословил Вадима сделать канон. Работа предстояла очень тонкая и кропотливая. Изгнанник сначала испугался за нее браться – выполнить ее мог только высококвалифицированный токарь или фрезеровщик. У Вадима же был только небольшой, изрядно подзабытый навык, полученный в школе на уроках труда. Но отец Роман настоял на своем.

– Делай, не бойся – сказал он – у тебя все получится.

Вадим все же нашел в себе силы взяться за эту работу и,

как ни странно, у него все получилось. Целый месяц он трудился над каноном все свободное время. Ни к одной работе в жизни изгнанник не относился так трепетно. Он старался от всей души. И случилось чудо – канон замироточил.

Весть об этом событии быстро разнеслась среди верующих, и Вадим сильно поднялся в глазах священников, рабочих и прихожан.

– У этого бомжа руки золотые! – говорили про него все.

О случившемся чуде каким-то образом узнал журналист одной из популярных православных газет, свежие номера которой регулярно поступали в храм за свечной ящик. Репортер приехал к отцу Роману и планировал взять у него небольшое интервью. Но, побеседовав немного, батюшка подозвал изгнанника. Вадим тут же был засыпан разными вопросами, и, когда он рассказал подробно: о том, как стал бомжом; как жил жизнью полной страданий, лишений и унижений; о том, как попал в рабство и сбежал оттуда, потеряв при этом друзей; о мученически погибшем Капитане, отдавшем жизнь «за други своя»; о том, как, уставший от нелегкой жизни, искал смерти и, спасая ребенка, уверовал в Бога; о том, как жил в сортире и каждый день молился возле церкви; о старце отце Романа, проявившим милость и человеколюбие и взявшим несчастного бомжа трудиться при храме; о том, как он, Вадим встретил здесь хороших людей, перестал пить и стал чувствовать во всем Божью поддержку и помощь, журналист был поражен. Беседа длилась больше трех часов.

– Да про Вас книгу писать надо, а не статью! – восхищенно сказал он на прощание – На таких, как Вы Земля держится! Все у Вас будет хорошо! Бог Вам обязательно поможет!

Спустя время в храме появился новый номер газеты, в которой статья про Вадима занимала почти целую страницу. Многие прихожане стали смотреть на бомжа с нескрываемым уважением. Изгнанник был горд.

– Гордись, но не впадай в гордыню – предостерег его батюшка – помни, из какой трясины вывел тебя Господь. Это Он сейчас дает тебе в жизни такие вот небольшие радости, после всех пережитых страданий.

Через неделю одна бабушка прихожанка предложила Вадиму купить за бесценок у одного ее знакомого алкоголика небольшой, старенький, полуразвалившийся дом в Бологое. Цена была весьма скромная – четыре тысячи рублей – за дом и три тысячи – за оформление документов.

Вадим очень обрадовался:

– Это мне Господь за канон дом дает! – радостно вскричал он и тут же немного приуныл – А где же я возьму эти деньги?!

Небольшая зарплата, полученная недавно, почти вся быстро разошлась на разные, порой непредвиденные нужды. Осталась только ее маленькая часть на дальнейшее существование.

Изгнанник обратился за советом к отцу Роману.

– Не ездь туда и дом не покупай – наставил его старец –

Ты еще слишком слаб духовно. Уедешь – пропадешь, пить снова начнешь и добром это не кончится. Живи пока здесь у меня и постепенно все у тебя в жизни наладится. Главное – не пей!

– Но ведь мне Бог дом за канон дает – обиделся изгнанник.

– Не связывай одно с другим – спокойно ответил священник – это гордыня, Вадим – ты считаешь, что достоин от Бога награды за свои дела. Думай лучше о своих грехах и не унывай.

В этот же день батюшка уехал на неделю, но после его совета Вадим впал в страшное уныние, тем более после очередного «общения» с Лидией Ивановной.

– Я что, всю жизнь должен работать при этом храме?! – негодовал он – Я что, обязан терпеть эту мерзкую, безмозглую старуху?! Если мне представляется возможность купить дом, так почему я не должен этого делать? Я что, всю жизнь должен прожить в этой сторожке?! Я сделал канон, и Господь мне за это предоставляет возможность обзавестись жильем. Почему же меня батюшка не благословляет? Он что, не понимает, что такая возможность раз в жизни бывает? Не связывай одно с другим! А как не связывать, когда Бог мне за этот канон возможность купить дом дает, да еще за копейки! Лучше бы помог мне денег собрать!

Вадим рассказал о доме в Бологое отцу Гавриилу, умолчав о том, что старец не благословил его туда ехать.

В этот же день в конце вечерней службы молодой иерей

обратился к верующим с просьбой собрать денег, кто сколько может, чтобы помочь изгнаннику купить жилье. Прихожане проявили отзывчивость и через двадцать минут была собрана необходимая сумма. Тысячу рублей дала Лидия Ивановна. После всего случившегося она стала относиться к Вадиму мягче. Старуха перестала грубить и орать на него, но недолюбливала по-прежнему.

– Уезжай отсюда с Богом! – мягко промолвила она, давая купюру.

Подошел и отец Гавриил.

– Возьми! – тихо сказал он, тоже протягивая тысячу рублей.

– Спасибо! – обрадовался Вадим и, секунду помолчав, попросил – Молитесь за меня, чтобы у меня там все хорошо было!

– По моим молитвам все только наоборот бывает – весело улыбнулся священник – еще, чего доброго, назад вернешься.

Изгнанник был несказанно рад случившемуся. В эту же ночь он, попрощавшись с коллегами, сел в поезд и к утру приехал в Бологое. Правда, прощание было невеселым – Вадим за этот месяц очень полюбил, окружающих его людей и расставаться с ними, зная, что он больше их никогда не увидит, было тяжело. В поезде изгнанник ехал с тяжелым сердцем, каким-то чувством понимая, что, уезжая из церкви, он теряет что-то, ставшее очень дорогим его сердцу. Но мысль о собственном доме внушала ему надежду на то, что,

наконец, его нелегкая, полная лишений и страданий жизнь закончится.

– Там же в Бологое и на работу устроюсь – мечтал Вадим дорогой.

Первое, что он сделал, сойдя с поезда это выпил пару бутылок крепкого пива, после чего сразу же заметно повеселел, потом отыскал владельца продающегося дома, пожилого маргинала, жившего рядом со станцией.

– Здравствуйте! Я от Ольги Петровны на счет дома – сказал изгнанник, открывшей дверь некрасивой немолодой женщине с лицом пропойцы.

– Вадим?

– Да.

– Заходи.

Изгнанник, чуть потоптавшись, вошел в квартиру и, ожидая дальнейшего приглашения, остановился в прихожей.

– Эй, алкоголик! – громко крикнула пропойца – к тебе Вадим приехал на счет дома.

Слегка пошатываясь, в коридор вышел хорошенько податый пожилой мужик в синих потертых джинсах и небрежно накинутой прямо на голое тело клетчатой байковой рубашке.

– Никодим! – представился он, протягивая руку.

Продающийся дом находился на соседней улице. Он был почти разрушен. Стены – гнилые, окна и двери – выломаны, крыша – обвалилась, одна часть стены – рухнула. Сильно на-

кренившийся набок, издалека дом напоминал форму неправильного прямоугольника. В одном углу на втором этаже сохранилась крошечная комнатка с небольшой печкой, одним единственным маленьким окошком и натянутым сверху вместо крыши рубероидом.

– Смотри, какой дворец! – артистично изображая восхищение, весело воскликнул Никодим.

Изгнанник грустно улыбнулся в ответ. Вид его нового жилища ни вызывал ничего, кроме уныния.

– Как был бомжом, так и остался! – печально подумал Вадим.

Поднимаясь наверх по шаткой гнилой лестнице со сломанными перилами и наполовину выломанными ступенями, он чуть не сломал ногу.

– И дрова в придачу – снова пошутил Никодим, показывая пальцем на свалку бревен и досок, валяющихся внутри развалины – на зиму хватит.

В комнате мебель отсутствовала. Крыша была худая. На полу валялся старенький, сильно запылившийся ковер с большими мокрыми пятнами, появившимися от, капающих сверху капель. В самом углу возле печки стоял деревянный ящик, заменяющий стол. На нем лежала пластмассовая тарелка с сильно заплесневевшим куском черного хлеба. Под ящиком валялся стеклянный граненый стакан. Больше никакой посуды не наблюдалось.

– Но все-таки это мое жилье! – подумал Вадим – Какое бы

не было! Устроюсь на работу, заработаю денег и со временем новый дом построю.

В землеуправе изгнанник находился недолго, около часа. В паспортный стол предстояло идти только на следующий день.

Купив бутылку водки – обмыть новоселье, сигарет и дешевых продуктов, Вадим довольный зашагал в свое новое, убогое жилище.

– Иду домой! – радостно думал он – Даже не верится! У меня теперь собственный дом! И никакой Лидии Ивановны!

Он грустно вздохнул, вспомнив, как жил у отца Романа, новых знакомых, хороших людей, встреченных за последнее время, Георгия, иерея Гавриила. Сердце защемило, навалилась тоска. Впереди ожидала скучная одинокая жизнь на грязном полу в сгнившей разрушенной постройке.

– А все-таки там я был счастлив, несмотря ни на что – печально подумал Вадим, осторожно поднимаясь по лестнице.

Войдя в комнатку, он осмотрелся. Возле двери в углу стоял старенький, облезлый веник.

– Хоть спать буду на чистом ковре! – обрадовался изгнанник и, подметая пол, размышлял – Работу найду, друзей новых найду, дом новый построю, девушку найду, женюсь... Всего то зиму в этой дыре прожить! Уж лучше, чем ночевать в туалете! Да мне и не привыкать к трудностям! А комнатка все же уютная, проживем!

На первом этаже из обломков собственного дома Вадим

насобирал дров и, растопив печку, устроился поудобнее возле «стола».

– Ну за мой новый дом! – мысленно провозгласил он тост, наливая до краев граненый стакан – Теперь я не бомж!

Изгнанник выпил и закусив плавленым сырком, развалился на полу. Пытаясь прогнать грусть, он мечтал о новой жизни. Постепенно настроение поднялось. Вадим выпил еще полстакана и, снова подбросив в печку дров, опять улегся на ковер. Навалились воспоминания прожитых лет, вспомнился Капитан, Лена, Иван, друзья в рабстве у Рашида, затем – Оксанка, мать, Колька.

Раздался стук в дверь. Вадим с удивлением пошел открывать. На пороге стояли Никодим и его супруга.

– А мы в гости! – приветливо сказала пропойца и, не дожидаясь приглашения переступила порог.

Никодим так же бесцеремонно проследовал за ней. Он быстро подошел к ящику и поставил на него бутылку водки.

Изгнанник немного опешил от неожиданности, но деваться было некуда.

Гости были заметно пьяные. Никодим, схватив Вадимову недопитую бутылку, даже не спросив разрешения быстро налил себе полстакана, но, обернувшись к Вадиму, вежливо и торжественно произнес:

– За знакомство!

Стакан пустили по кругу. Постепенно развязались языки и, если Никодиму с супругой рассказать было особо нечего,

то изгнанник постепенно поведал невеселый рассказ о своей нелегкой доле. Гости прониклись к нему уважением, особенно после того, как Вадим рассказал про побег из рабства. Когда же он заговорил о том, как уверовал в Бога, Никодим тут же его перебил:

– Сказки все это! – с раздражением сказал он – Никакого Бога нету. Его попы придумали, чтобы людей обирать. Ты думаешь, она мяса не едят в пост? Ты думаешь, они по бабам не ходят? Помашут кадиллом, а такие дураки, как ты им бабки платят. Они на иномарках ездят, а ты стой молись, как идиот – Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй.

При последних словах Никодим, поднявшись во весь рост, под веселый смех своей жены принялся кощунственно креститься.

– Так! Забирайте свою водку и вон отсюда! – строго приказал изгнанник.

– Ты гляди-ка, какой! – заворчала пропойца.

Никодим, подошел к нему вплотную и, насмешливо оскандившись продолжил:

– А Христос твой...

Вадим не дал ему договорить. Короткий сильный удар в челюсть сразил насмешника наповал. Ударившись головой об стену, старый алкаш растянулся на полу и, схватившись руками за челюсть, жалобно застонал.

– Это тебе за Христа! – с бесстрастным гневом строго сообщил изгнанник – А теперь вон отсюда оба!

– Ты что сделал, сволочь?! – запричитала пропойца – Ты ему челюсть сломал! А еще верующий!

Поднявшись с пола, она с кулаками накинулась на Вадима, но в ту же секунду отлетела в угол. Изгнанник оттолкнул ее все с тем же бесстрастным гневом.

– Вон отсюда оба! – снова повторил он свой приказ.

– Ты еще за это ответишь! – пообещал Никодим, выходя на улицу.

– Тебе это боком выйдет! – добавила его супруга.

Вадим закрыл дверь, затем немного походил по комнате из угла в угол и, успокоившись, снял ботинки, улегся на ковер и, накрывшись курткой, долго лежал, слушая, как трещат в печке дрова. Больше никаких мыслей в голове не было. Изгнанник был прилично пьян. Печка топила исправно, в комнатке было тепло.

На следующий день, проснувшись во второй половине дня с опухшей головой, Вадим первым делом пошел в магазин и, купив водки, как следует опохмелился. В паспортный стол он пожаловал только под вечер, но, несмотря на это, все необходимые процедуры сделать успел и, идя домой, с удовольствием разглядывал в своем паспорте отметку о прописке.

– Все, теперь я не бомж! – с гордостью думал он.

Изгнанник купил еще водки, дешевых продуктов, сигарет и довольный пришел в свой собственный дом. В этот день он снова напился и пьяный, беспечно развалившись на ковре,

уснул возле печки.

Среди ночи Вадим вдруг проснулся от едкого дыма, стремительно заполнявшего помещение. Кругом раздавался треск горевшего дерева. Изгнанник в миг протрезвел. Одеваться не было времени. Схватив куртку и ботинки, он рванулся к двери и попытался ее открыть. Дверь, подпертая снаружи, не поддавалась. Повторив попытку несколько раз, Вадим в отчаянии заметался по комнате, отчаянно ища выход из положения. Окошко было слишком крошечным. Протиснуться в него было не реально. Дым разъедал глаза, проникал в ноздри и рот. Решение надо было принимать быстро, пока не поздно.

– Господи, помоги, спаси меня! – отчаянно в голос сквозь кашель завопил изгнанник.

Через секунду его осенило. Потолок был низкий. Вадим разбил об печку водочную бутылку, затем взгромоздился на ящик и, пропоров горлышком рубероид, принялся его отчаянно рвать. Разорвав крышу за несколько секунд, он с облегчением вдохнул свежий воздух и, не теряя времени, перебросил через стену куртку и обувь. Изгнанник ухватился за верх стены и, оттолкнувшись от ящика, навалился животом на бревно. Через секунду он уже стоял на ногах.

– Слава Тебе, Господи! – с облегчением произнес Вадим.

Внизу прямо под ним находился огромный сугроб. Недолго думая, изгнанник прыгнул прямо в него, потом, отыскав куртку и ботинки, не спеша оделся. Вадим посмотрел на го-

рящий дом. Комната, из которой он выскочил минуту назад, вся была в огне. Сверху горел рубероид.

– Слава Тебе, Господи! – перекрестившись, снова произнес изгнанник – Отделался легким испугом!

Языки пламени вскоре охватили весь дом, рухнула лестница, затем балки. Огонь гулял по толстым бревенчатым стенам. В некоторых соседних домах загорелся свет. В окнах появились любопытные лица. Кое-кто вышел на улицу. Вскоре приехала пожарная.

Глядя на то, как тушат его собственный дом, Вадим не чувствовал сожаления о случившемся – он был благодарен Богу лишь за одно – в который раз за свою нелегкую жизнь он снова остался живой. Было сильное желание как следует поколотить Никодима, но изгнанник все же решил не делать этого, а предоставить все на Суд Божий.

– Говорил же мне батюшка – не ездил – вспоминал Вадим – а я, дурак, его не послушал. Все вышло, как он сказал.

Связываться с пожарными изгнанник не стал. Обращаться в землеуправу и возиться заново с только оформленными документами ему тоже не захотелось. И, глядя на догорающую собственность, он с озорной веселостью подумал:

– Вот я и стал опять бомжом!

Немного поразмыслив о своем дальнейшем существовании, Вадим решил вернуться в Москву и попросить прощения у отца Романа, в надежде, что батюшка простит его и снова возьмет к себе. Изгнанник отправился на вокзал и с

первой электричкой выехал в Тверь, оттуда – в Москву.

Увидев Вадима, отец Роман совершенно не удивился и встретил его так, как будто ожидал его возвращения. Смотрел он очень спокойно, по-доброму, не ругал и не осуждал.

– Вернулся? – мягко спросил он и, совсем не повышая голоса, добавил – Я говорил тебе – не ездь – хорошим это не закончится. Отца Гавриила обманул.

Изгнанник стоял перед бабушкой, опустив голову и молчал. Он готов был провалиться сквозь землю от стыда.

– Смотри, не говори никому об этом – предостерег его старец – даже ему!

– Хорошо – тихо ответил Вадим, посмотрев с благодарностью на священника.

– Напился?

– Да.

– Я говорил – уедешь – опять пить начнешь. Не подрался?

– Подрался – изгнанник, не выдержав, улыбнулся.

– Ну и кто кого? – с мальчишеским интересом поинтересовался старец.

Лицо его при этом слегка осветила улыбка, глаза смотрели веселым озорным огоньком.

– Я – скромно ответил Вадим и про себя подумал – какой же он хороший, бабушка.

– Из-за чего?

– За Христа – изгнанник снова опустил голову.

– И ты ему врезал? – лицо отца Романа расплылось в ши-

рокой, добродушной улыбке.

– Да.

– Молодец! Всегда так поступай! – глаза священника вдруг стали серьезными, и, чуть помолчав, он добавил назидательно – Никому не позволяй хулить Бога! Веру и Родину – всегда люби и защищай!

Ободренный приемом старца, Вадим вышел из его кельи, как на парусах и тут же нос к носу столкнулся с отцом Гавриилом.

– Вадим! – обрадовался священник и, весело рассмеявшись, сказал – Я же говорил – по моим молитвам все только наоборот бывает! Ладно, иди, потом все расскажешь. У меня мало времени.

В этот же день изгнанник узнал, что Лидию Ивановну положили в больницу с двухсторонним воспалением легких. Это означало, что на работу она выйдет очень нескоро.

Глава 5

– Молодой человек, здравствуйте!

Вадим обернулся. Перед ним стояла симпатичная девушка, примерно одних с ним лет, одетая в черную куртку и черную юбку, спускающуюся ниже колен. Лицо ее показалось знакомым. Рядом с ней стоял трехлетний малыш с детской пластмассовой лопаткой в руках.

– Здравствуйте! – немного растерявшись, ответил изгнанник, втыкая лопату в снег.

– Вас ведь Вадим зовут?

– Да.

– А я Вас сразу узнала – радостно продолжала незнакомка

– Вас разве можно забыть?!

– Чем же я так знаменит? – усмехнулся Вадим – Может

Вы меня с кем-то путаете?

– Нет, я Вас никогда ни с кем не перепутаю. У меня очень хорошая память на лица. А Вы меня не узнаете? Или вот его? – она показала пальцем на ребенка.

– Нет, не узнаю. Вы меня действительно с кем-то путаете.

– Нет. Я Вас на всю жизнь запомнила. Вы спасли жизнь моему сыну – она снова показала на малыша – я навсегда запомнила тот миг, когда Вы бросились под машину и вытащили из-под самых колес моего ребенка. Вы очень смелый... Вы очень мужественный... Вы очень самоотверженный человек! – девушка заметно волновалась – Вы – настоящий мужчина, каких сейчас практически нет! Я даже не знаю, как Вас благодарить. Спасибо Вам огромное от всего сердца!

Она протянула Вадиму слегка трясущуюся руку.

– Ну что Вы, не стоит! – заскромничал изгнанник, пожимая нежную девичью ладонь.

– Нет, стоит! – возразила красавица, поправляя на голове белый в красный цветочек платок – Я всегда буду помнить о Вашем мужественном поступке!

Она смотрела с нескрываемым восхищением прямо в гла-

за Вадиму. Изгнанник снова смутился.

– А я про Вас в газете читала – продолжала девушка – у Вас канон замироточил. Я Вас сразу узнала по фотографии и пришла поблагодарить. Какой Вы молодец!

Вадим не знал, куда деваться от смущения.

– А я еще читала, что здесь при храме служит очень хороший батюшка, отец Роман. Хотела и его заодно повидать.

– Батюшка сейчас в отъезде, будет только поздно вечером.

– Жалко – немного огорчилась красавица и, чуть помолчав, вдруг спохватилась – кстати, меня Наташа зовут, а его – Павлик.

Она снова показала на мальчишку.

– Очень приятно – улыбнулся Вадим, приветливо посмотрев на малыша.

– Вы знаете, я Вас часто вспоминала – сказала Наташа – и тут – статья в газете. Наверное, если б мне эта газета в руки не попала, я бы Вас не нашла. Видно, Сам Бог нас зачем-то свел! Наверное, чтобы я смогла Вас поблагодарить. Спасибо Вам еще раз огромное!

– В следующий раз будьте внимательнее! – наконец преодолел смущение изгнанник.

– Конечно! Вот я растяпа! А Вы знаете, я после этого случая в Бога и уверовала и в храм стала ходить. Сына вот вожу. До сих пор помню, как та машина прямо возле Вас остановилась. Уму не постижимо! И икона прямо на Вас смотрела. Как Вы, наверное, тогда перепугались! Это же надо такое

пережить! Дай Вам Бог здоровья!

– Спасибо! – Вадим снова невольно смутился.

А Вы давно при храме работаете?

– Да тоже с того самого момента. Я тоже тогда в Бога уверовал, Вы знаете, и в этот же день сюда пришел. Отец Роман через неделю меня и взял на работу.

Наташа, видимо что-то вспомнив, сочувственно посмотрела на Вадима.

– Все у Вас хорошо будет в жизни – доброжелательно улыбнувшись, пообещала она – Вы очень хороший человек, и Бог Вам обязательно поможет.

– Надеюсь – тоже улыбнулся изгнанник.

– Вы пойдете на службу?

– Да. Только сначала снег дочисти.

Наташа чуть помолчала, глядя с уважением на своего собеседника и вдруг внезапно выпалила:

– А давайте с Вами встретимся после службы?

– Давайте – снова сконфузился Вадим.

– Ну тогда до встречи!

Наташа снова широко улыбнулась и, взяв за руку малыша, пошла к храму.

– Какая классная девушка! – подумал изгнанник, глядя ей в след.

Остановившись возле входа в церковь, красавица перекрестила ребенка и, перекрестившись сама, вместе с малышом исчезла за дверью.

Вадим не скоро взял в руки лопату. Он еще долго смотрел на двери храма, за которыми скрылась его новая знакомая.

– Кажется она меня околдовала – весело подумал он – красавица! Эх, не был бы я бомжом!

В храме у отца Романа был порядок, который редко встречается в наше время – мужчины стояли с одной стороны, женщины – с другой. Был воскресный день.

Изгнанник с нетерпением ждал конца литургии. Все его мысли были только о его новой знакомой. С Наташей, похоже, творилось тоже самое – она всю службу думала только о Вадиме. За время литургии они периодически обменивались дружескими улыбками. Наконец, после целования креста Царские Врата закрыли. Служба закончилась. Народ стал выходить из церкви.

Выйдя на улицу, изгнанник стоял возле дверей храма с большим нетерпением ожидая Наталью. Он сильно нервничал понапрасну, но вскоре, ведя за руку Павлика, красавица вышла из церкви и, улыбаясь, подошла к Вадиму.

– Я хочу пригласить Вас к себе домой пообедать – чуть смутившись сказала она – моя мама готовит очень вкусный борщ.

– Ну, не знаю... не удобно как-то – растерялся изгнанник.

– Нет, идемте! – настояла Наталья.

Вадиму пришлось согласиться. В этот день у него был выходной. В обязанности входило только чистить снег, но с работой изгнанник справился еще до литургии.

Погода стояла прекрасная. При полном отсутствии ветра, не смотря на легкий морозец, зимнее февральское солнце по-зимнему согревало своими лучами.

Вадим и Наташа решили пойти пешком. Дорогой они, сами того не заметив, перешли на «ты». Спутница изгнанника весь путь весело болтала о разных пустяках, но Вадима это нисколько не раздражало, и даже наоборот – забавляло. Ему очень нравился Наташин голос. Долгое время обделенный женским вниманием, он теперь с большим наслаждением шагал рядом с этой, внезапно появившейся в его жизни, красавицей, внимательно и с интересом слушая ее весьма неглупую болтовню.

Наташа жила на улице Мясницкая, той самой улице, по которой так любил гулять покойный Капитан. На ней же изгнанник спас Павлика, и, проходя мимо «знакового» светофора, его спутница снова с огромным уважением посмотрела на Вадима.

– Это было здесь! – чуть грустно улыбнулась она, на секунду остановившись.

Вадим скромно промолчал в ответ.

Ребенок беспечно смотрел по сторонам. По всей видимости он ничего не помнил.

– Мама, познакомься, это – Вадим – сказала Наташа, когда привела изгнанника домой – это он вытащил Павлика из-под колес машины.

– Здравствуйте, Вадим! Какой Вы молодец! – мама На-

талы приветливо улыбнулась и, протянув по-мужски руку, представилась – Татьяна Викторовна. Вы раздевайтесь, проходите к столу. Я как раз обед приготовила.

Татьяна Викторовна была достаточно привлекательной дамой пятидесяти пяти лет – стройная, высокая, с большим пучком светлых кучерявых волос на макушке, в синем домашнем халате.

Изгнанник играл с ребенком, пока Наташа и ее мама накрывали на стол. Павлик был заметно уставший после Божественной литургии и последующей после нее прогулки, но при этом, как ни странно, необычайно приветлив и совсем не боялся Вадима. Вскоре его уложили спать.

– Я хочу выпить за настоящих мужчин! – торжественно произнесла Наташа, поднимая бокал – За тебя, Вадим! Если б не ты, случилось бы такое непоправимое горе!..

– Ну, не стоит! – в который раз за этот день засмутился изгнанник, чокаясь с женщинами.

– Представляешь, мама, он ведь сам чуть не погиб – продолжала Наталья, не обращая внимания на смущения Вадима – прямо под машину бросился. Я тебе тогда рассказывала.

– Вы – великий человек! – покачав головой, сказала Татьяна Викторовна – Таких людей в наше время искать-поискать надо!

Обе женщины смотрели на покрасневшего Вадима с нескрываемым восхищением. Они долго еще хвалили изгнанника, готового при этом провалиться сквозь землю, по-

том неспешно рассказывали про свою жизнь.

Жили они скромно. Татьяна Викторовна недавно вышла на пенсию. Наташа была с мужем в разводе и не работала – растила сына. Муж платил алименты.

– Вы приходите к нам еще обязательно – пригласила Наташина мама – Вы, Вадим, – всегда желанный гость в нашем доме!

– Мы почти всегда дома – сказала Наташа – и тебе мы всегда будем очень рады, Вадим, приходи, не стесняйся!

– Вадим, можно задать тебе не скромный вопрос? – вдруг перейдя на «ты», спросила Татьяна Викторовна.

– Да, конечно – опустил глаза изгнанник.

– Скажи, а давно ты работаешь при храме?

– С начала зимы.

Наталья и ее мама деликатно замолчали. Молчал и Вадим. Он почувствовал себя очень неловко, представив, что сейчас придется рассказывать о своей несладкой бомжевской судьбе. Некоторое время вопросов ему не задавали.

– Как попал то ты в такую ситуацию? – все-таки, немного помолчав, сочувственно спросила Наташа.

Вадиму пришлось рассказывать. Он встретил сильное сочувствие со стороны обеих женщин.

– И сколько ты уже так живешь? – поинтересовалась Татьяна Викторовна.

– Четыре года.

– Теперь у тебя все хорошо будет – пообещала Наталья

– ты при храме трудишься, со старцем общаешься, жильё есть...

– А кем ты до этого был? – спросила Наташина мама.

– Работал менеджером в магазине. Приходил домой и телевизор смотрел – ответил изгнанник и, улыбнувшись, добавил – телевизор четыре года не смотрел.

– Хочешь посмотреть? – совершенно серьезно спросила Наташа.

– Хочу – снова улыбнулся Вадим, вдруг осознав, что за все время бомжевания он про телевизор почти не вспоминал.

Они втроем прошли в комнату.

В квартире у Натальи был полный порядок: вещи аккуратно разложены по местам, большая двуспальная кровать заправлена красивым узорчатым покрывалом. В комнате ни соринки, не пылинки.

Изгнанник, четыре года не бывавший в таких условиях, чувствовал себя «белой вороной». Он снова смутился, невольно разглядывая комнату и вдруг обомлел – прямо над телевизором в позолоченной рамке висела большая фотография. На ней – молодая Татьяна Викторовна в обнимку с молодым офицером. Потеряв дар речи, Вадим молча глядел на фото. С фотографии на него смотрел Капитан. Его молодое лицо было вполне узнаваемым. Ошибки быть не могло.

– Это мой отец – сказала Наташа – он пропал без вести в Афганистане. Я его даже ни разу не видела, а мама так больше замуж и не вышла.

– Конечно, не вышла – гордо заявила Татьяна Викторовна – я лучше его в жизни человека не встречала! Сколько ко мне клеилось – все в подметки ему не годились! Такой человек был!

– Татьяна Викторовна! – взволнованным голосом выпалил изгнанник – Я знал Вашего мужа. В ноябре месяце он умер у меня на руках. Я ничего не путаю. Это Чернов Александр.

Обе женщины, выпучив глаза, застыв, молча смотрели на Вадима. Первой опомнилась Наташина мама.

– Бог ты мой! Не может быть! – громко воскликнула она – Расскажи.

Изгнанник все рассказал: и про рабство, и про побег, и про встречу в Москве, и про Ахмеда и драку со скинхедами, и про смерть Капитана, и про похороны.

– Он Вас все хотел повидать, дочь хоть раз в жизни увидеть – закончил рассказ Вадим – все по вашей улице ходил. Как чувствовал, что вы рядом! И все стеснялся – чувствовал вину за погибшую роту.

– О, Господи! – Татьяна Викторовна зарыдала в голос – Да, что же он! Я бы его и через двадцать лет приняла, как родного! Я всю жизнь его вспоминала! Письма писала – ни ответа, ни привета! Господи, ну почему все вот так?!

– Вадим, ты теперь нам, как родной! – сквозь слезы проговорила Наташа – Ты моего отца знал.

Смотреть телевизор так никто и не стал. До самого вече-

ра изгнанник и Татьяна Викторовна вспоминали покойного. Наташа слушала молча, утирая слезы. Вдова, плача, показывала фотографии, рассказывала случаи из их с мужем семейной жизни. Проснувшийся Павлик вышел из соседней комнаты и долго с удивлением смотрел на рыдающих взрослых.

Наступил вечер. Вадиму пора было собираться в храм. На прощание Наташа подарила ему недорогой подержанный мобильный телефон.

– Звони, не забывай! – сказала она и, не удержавшись, поцеловала изгнанника в щеку.

К храму Вадим шел окрыленный, под сильным впечатлением прошедшего дня. Он постоянно думал о своей новой знакомой, с восхищением вспоминая ее голос, лицо, глаза, фигуру.

– Жаль только, что я – бомж! – думал он, печально вздыхая – Зачем я ей такой нужен!

Возле церкви в одиночестве прогуливался отец Роман. Изгнанник подошел к нему за благословением.

– К рабе Божьей Наталье ходил? – спросил старец, внимательно посмотрев на него.

– Да – ответил тот удивленно.

– Это твоя будущая жена – объявил священник и, глядя на опешившего Вадима, добавил – я же говорил – все у тебя еще будет хорошо. Главное – ты обратился к Богу!

Прошел год. Вадим долго работал при церкви по благословению отца Романа. По его же благословению окончил курсы режиссера видеомонтажа и устроился работать на одну из киностудий, занимающуюся съемками документальных фильмов православной тематики. Работа была надомной, вольной и неплохо оплачивалась. К этому времени изгнанник женился на Наташе. Он прописался в ее квартире и теперь, имея и жилье, и работу, и семью, Вадим горячо благодарил Бога за все, случившееся с ним и иногда в свободное время приходил потрудиться во Славу Божию в храм к уважаемому им старцу.

У Наташи и ее мамы были дружелюбные, легкие и неконфликтные характеры. Общаться с обеими женщинами было просто, легко и приятно. Они никогда не «пилили», не орали и не раздражали, ссорились редко и всегда старались относиться ко всему с пониманием. После неудачного брака с Оксанкой Вадим очень ценил эти качества в новой супруге и теще. Он уважал их, а они – его.

Изгнанник бросил курить, но побороть в себе страсть к пьянству, после нескольких лет нетрезвой жизни так и не смог. Отец Роман благословил его обратиться к наркологу, и Вадиму несколько дней покололи уколы, снимающие тягу к спиртному, после чего он иногда по воскресеньям и большим православным праздникам выпивал за ужином бутылку красного вина. Но запоев, длительных попок и соответствовавшего этому тяжелого похмелья изгнанник не имел. С утра

не было плохо, а, следовательно, – не продолжалось пьянство со всеми вытекающими последствиями, и такая жизнь была вполне удовлетворительной. Да и с обретением православной веры, жизнь Вадима стала осмысленной, насыщенной и гораздо более интересной. Не было на душе того извечно терзающего чувства пустоты и безысходности, замыкающей узкий круг бытия.

Павлик подрос и пошел в детский сад, супруга устроилась на работу, и новая семья Вадима жила не бедно.

Наташа подростком ходила в музыкальную школу, правда недолго, после чего забросила инструмент. С тех самых пор в ее комнате висела скрипка. Она прекрасно сохранилась – не ссохлась, не расклеилась и совсем не потеряла качества звучания струн.

Вадим теперь телевизор смотрел редко – все свободное время он играл на скрипке и, вспомнив за год все, чему учился в детстве, он даже шагнул вперед. После всех пережитых страданий у изгнанника «проснулась» душа и музыку он стал «чувствовать сердцем», так, как, несмотря на большие способности, не чувствовал в детстве.

Татьяна Викторовна и Наталья восхищались Вадимом и, понимая, что имеют дело с огромным талантом, никогда не мешали ему играть и, даже, наоборот, всячески поддерживали и приветствовали его усилия. Наташа гордилась мужем, а ее мама – зятем.

Через год на Пасху изгнанника попросили выступить в

воскресной школе. Сильно смутившись, Вадим отказался, но Наталья и Татьяна Викторовна настояли на выступлении и, даже повели себя несколько импульсивно по отношению к изгнаннику. Под давлением двух женщин Вадим все же согласился.

В узком зале с длинными светло-зелеными стенами в несколько рядов были расставлены стулья. На них сидели священники (в первом ряду), работники храма, прихожане и их дети. Прямо перед публикой у стены, на которой крупными красными буквами было написано «Христос воскрес!» сначала с маленьким спектаклем выступили дети, потом на подобие сцены пригласили Вадима. Сам того не ожидая, изгнанник с первых же минут покори́л публику. Когда он окончил играть первое произведение, в зале на несколько секунд воцарилась полная тишина, затем раздались бурные аплодисменты.

– Вот тебе и божж! – послышался чей-то тихий голос.

Наташа, ее мама и Павлик сидели в последнем ряду. Глаза обеих женщин с восхищением смотрели на Вадима.

От всего происходящего изгнанник пришел в сильное смущение. Он густо покраснел и стоял, опустив голову, словно получал не овации, а абсолютно заслуженный выговор. Вадим сильно волновался, исполняя одно произведение за другим, но играл «с душой» и не фальшивил. Со сцены его не отпускали больше часа. По окончании каждой композиции раздавались дружные, бурные аплодисменты. Некото-

рые слушатели утирали глаза носовыми платками.

После выступления к изгнаннику выстроилась целая очередь, желающих пожать руку или сказать теплые слова. Это было впервые в его жизни. Вадим был сильно тронут. Он продолжал смущаться, непривычно выслушивая комплименты.

Подошли Татьяна Викторовна, Наташа и Павлик. Супруга изгнанника без всякого стеснения бросилась на шею мужу.

– Вадим, а мы от тебя другого и не ждали – улыбнулась теща.

Подошла и Лидия Ивановна.

– Прости меня, Вадим! – тихо проговорила она, делая земной поклон – Я была перед тобой не права.

– По-человечески надо к людям относиться, по-христиански! – ответил ей изгнанник, глядя на старуху с укором – А если бы я сейчас по-прежнему бомжом был и на скрипке не играл, стали бы Вы у меня прощения просить?

– Это для меня урок! – виновато отозвалась Лидия Ивановна – Прости меня ради Христа!

Подошла одна пожилая женщина. Вадим видел ее иногда в храме на литургии, но знаком с ней не был.

– Вадим, у меня к Вам просьба – громко сказала она – я работаю в ДК. У нас через две недели будет большой благотворительный концерт. Я хотела бы Вас пригласить. Вы не могли бы там выступить?

– Ну я даже не знаю – в который раз за этот день смутился

изгнанник.

Выступление состоялось.

Изгнанник сильно нервничал, сидя в гримерке. Тайком от жены и тещи он выпил в буфете стакан водки и набил карманы печеньем (после долгих лет нелегкой бомжевской жизни чувство хронического голода постоянно давало о себе знать, и Вадим часто прятал в карманах печенье, сухарики, конфеты...). Так он не волновался никогда в жизни. Руки дрожали, коленки тряслись, и изгнанник с ужасом ждал момента, когда его пригласят на сцену. Он хотел оттянуть этот момент, задержать его, как можно дольше и, даже, пожалел, что согласился на это выступление, но, вместе с тем, он прекрасно понимал, что отступить некуда и слишком поздно.

Зрительный зал был большой и в этот день он был полный. Первым, после концертмейстера – пожилого мужчины в черном в белую полосу костюме на сцену вышел православный священник. Сказав небольшую проповедь, он уступил место музыкантам. Затем на сцену по очереди пригласили пять малоизвестных православных бардов. После каждой их песни раздавались овации – иногда редкие и жидкие, иногда громкие и бурные. Исполнив по три-четыре творения, барды уходили, уступая место следующим. Потом выступила неизвестная оперная певица – красивая стройная девушка с изящным, мощным вокалом. Ей аккомпанировала не менее красивая молодая пианистка Екатерина. Вадим познакомился с ней во время нескольких, предшествующих выступле-

нию, репетиций. Зал их принял очень тепло. Наконец концертмейстер объявил:

– А теперь выступает очень талантливый потрясающий скрипач Дубинин Вадим! Ему аккомпанирует Екатерина Бубенцова. Пожалуйста, Вадим, пройди на сцену!

В зале раздались вежливые аплодисменты.

Задышавшись от волнения, Вадим вышел из-за кулис и быстрыми шагами прошел на середину сцены. Дрожащими руками изгнанник прижал скрипку к плечу. Зазвучал рояль, смычок коснулся струн, Вадим заиграл. Зал затих моментально. Не было слышно ни шороха. Изгнанник чувствовал на себе многочисленные, полные уважения и восхищения взгляды – публика буквально пожирала его глазами. После несколько летнего постоянного презрения прохожих во время тяжелого бомжевского существования это было совсем непривычно. Сильно дрожали коленки. Еще сидя в гримерке, Вадим боялся, что, выступая, он что-нибудь перепутает, возьмет не ту ноту, «слажает». Теперь же от волнения он все играл правильно.

Первое произведение было окончено. Зал снова взорвался аплодисментами. На этот раз громкими, бурными и долгими. Раздались свисты и восхищенные возгласы.

– Давай, давай, Вадим! Ты молодец! – послышался с первого ряда знакомый голос.

Это кричала его жена. Глаза супругов встретились. Взгляд Наташи светился любовью, радостью и восторгом. Даже со

сцены было видно, как сильно она гордится мужем. Рядом с ней сидели Татьяна Викторовна и Павлик. Лицо тещи было весьма красноречивым – она тоже гордилась Вадимом. Даже маленький четырехлетний ребенок с довольным видом приветливо помахал ручкой.

Изгнанник ободрился. Рукоплескания постепенно стихли. Снова заиграл рояль. Смычок Вадима опять коснулся скрипичных струн. Зазвучала новая мелодия. Зал снова затих. Бывший бомж, алкоголик и неудачник, стоял посередине сцены в белом пиджаке, окруженный уважением, теплотой и любовью зрителей. Он чувствовал себя очень неловко. Сам того не заметив, изгнанник прослезился. Вся его боль и обида, словно слетали с души и вместе с музыкой растворялись в набитом публикой зале. Слезы затуманили глаза, стало плохо видно людей. Но Вадим, не обращал на это внимания. Он продолжал играть. Перед глазами вдруг встал отец Роман, его хитро прищуренные глаза и фраза: «А скрипочку ты зря бросил, играй на ней.»

Этот концерт изгнанник запомнил на всю жизнь. По окончании каждого произведения зал взрывался аплодисментами – дружными, долгими и бурными. Вадим выплакал всю свою боль и обиду, но публика долго не отпускала его со сцены. Приходилось играть снова и снова. Но вот прозвучали последние ноты, затем после долгих оваций изгнанник вежливо поклонился публике. Наконец на сцену вышел концертмейстер. Его речь Вадим не слушал вообще. Он стоял посре-

ди сцены рядом с довольно улыбающейся Екатериной и устало смотрел вверх зала. В голове не было ни одной мысли, в душе чувствовалось полное опустошение. Вадиму больше всего на свете хотелось сейчас побыть одному, посидеть где-нибудь молча и ни о чем не думать. Но в зале зажегся свет и Наташа с первого ряда, улыбаясь, помахала рукой. Изгнанник медленно сошел со сцены в зал. Вокруг него тут же собралась целая толпа.

– Вадим, ты был великолепен – с восхищением сказала его жена.

– Ты весь зал покорила – добавила ее мама.

Вокруг изгнанника собралась целая толпа. Одни пожимали ему руку, другие восхищались или благодарили, третьи задавали вопросы, зачастую глупые и пустяковые. Каждый из подошедших был рад хотя бы короткому общению с музыкантом. И вдруг мимо Вадима прошел какой-то парень. Лицо его показалось знакомым. Он мельком глянул на изгнанника и собирался пройти мимо. Приглядевшись к парню внимательнее, Вадим узнал его.

– Иван! – радостно закричал он.

Парень остановился и удивленно посмотрел на изгнанника. Он не признал в чистом, хорошо одетом и аккуратно побритом музыканте своего старого приятеля – грязного, вонючего, с заросшим щетиной лицом бомжа.

– Мы знакомы? – недоверчиво спросил он.

– Да – радостно ответил Вадим и тут же засмеялся. Ему

было неудобно говорить при окружающих людях, при каких обстоятельствах они познакомились. После секундной паузы изгнанник продолжил:

– Ты меня не узнаешь?

– Нет.

– А я так рад тебя видеть! Если расскажу, кто я такой и где мы познакомились – ты не поверишь.

– И где?

– Ладно, ты дай мне номер своего телефона, я завтра тебе позвоню. Думаю, ты будешь рад.

На следующий день Вадим позвонил Ивану.

– Привет, Иван! Это Вадим, вчерашний скрипач.

– Да, привет! Я тебя слушаю.

– Ты вот меня вчера даже не узнал, а я тебя очень часто вспоминаю. Ты ведь нам очень сильно помогал, мне и моему другу.

– Не припомню что-то.

– Помнишь, когда ты был пастухом в монастыре, двух бомжей и случай с козами?

– Помню.

– Вот я и есть – тот самый бомж, Вадим. Это не шутка.

Иван молчал. Он потерял дар речи. Изгнанник был доволен произведенным эффектом. Через час друзья встретились в кафе. Иван с большим удивлением и уважением смотрел на старого приятеля. Вадим рассказал ему все: и про монашек в поле, и про смерть Капитана, и про неудавшуюся

мечь Сергею, и про спасенного Павлика, и про отца Романа и работу при храме, и про замироточивший канон, и про Наташу, оказавшуюся дочерью Капитана и ставшую женой изгнанника, и, наконец, про скрипку и свое выступление в ДК.

– Вот, что сотворил со мной Господь! – закончил он.

В глазах Ивана на протяжении всего рассказа изгнанника горела искра, но при его последних словах почти сразу же появились боль и усталость.

– А я просто проклят этим Богом! – резко выпалил Иван – Ты вот из бомжей в люди выбился, на скрипке играешь, а я пять лет в монастыре трудился, да еще в женском, хотел здоровье поправить, и в результате мне только хуже стало. К тому же меня сильно обидели и унизили. И прошло уже полтора года, а я все это забыть не могу. Мне этот чертов монастырь до сих пор по ночам снится. И плохо мне постоянно. А гитару я бросил. Не потому что надоела, а потому что в таком состоянии просто не до нее. Вот так воздал мне Бог за мои труды! Я теперь и в церковь больше не хожу. Через год приехал в этот монастырь сестер повидать, так меня настоятельница выгнала и даже разговаривать со мной не стала. Правильно! Зачем с каким-то бывшим трудником разговаривать! Я же не благодетель, как этот Сергей! Был на правах скотины, терпел все, как скотина, и вылетел, как скотина. И никому до этого дела нет. А мне плохо все время! И от молитв толку нет никакого!

Вадим сочувственно смотрел на Ивана, не зная, чем ему

ПОМОЧЬ.

– А ты в психушку не хочешь лечь? – спросил он.

– Нет, не хочу – ответил пастух – Там залечат, заколют и сделают из меня «овоща». И будет мне только хуже.

– И что ты будешь делать дальше?

– А ничего, жить, как живется. Работать не могу в таком состоянии. Сижу на шее у родителей. Стыдно, а что поделать?! Я каждый день проклиная этого Сергея, Арсению и Филимону. И на Бога я больше не надеюсь. А еще я ненавижу женщин – Иван говорил гневно, напористо и остановить его было невозможно – И духовника своего я бросил. И очень жалею, что ему доверял. Это он сказал мне – ты больной – живи в монастыре. Терпи все, и Бог тебе воздаст. А сам бы попробовал все это потерпеть! Это он меня не благословил в психушку лечь. А когда меня из этого монастыря выгнали, он хотел, чтобы я в другой пошел. А я ненавижу теперь эти монастыри!

Разговор еще продолжался долго. Иван смотрел на свою жизнь совершенно без оптимизма и любые попытки Вадима настроить его на положительный лад воспринимал исключительно негативно и даже немного агрессивно. Каким-то чудом изгнаннику все же удалось уговорить пастуха обратиться к отцу Роману, послушать совет старца.

– Ты получил мученический венец за свои труды в женском монастыре – сказал Ивану отец Роман – Ты пять лет трудился, не покладая рук во славу Божию, помогал сестрам,

брал на себя их женские немощи, терпел их всех. Вот и получил награду. Значит угодны были Богу твои дела. А духовник у тебя был никудышный. Надо было другого искать. Теперь уж, что вышло, то вышло. Ложись в психушку и ничего не бойся. Тебя там вылечат и все у тебя хорошо будет. А в монастырь свой больше не езди. Игуменья тебя снова выгонит. Накажет их еще Господь. Он все видит.

В психиатрической больнице Иван пролежал целых четыре месяца и вышел оттуда совершенно здоровый. Он стал ходить в храм к отцу Роману и начал снова проявлять усердие к духовной жизни. У Ивана снова проснулся интерес к музыке. Он стал сочинять православно-патриотические песни и исполнять их под гитару. Вместе с Вадимом они играли дуэтом и, выступая в клубах, года за три постепенно получили широкую известность для определенного круга людей – думающих православных патриотов. Часто они выступали и на благотворительных концертах и нередко ездили на гастроли.

Иван рассмешил в метро одну симпатичную и очень милую девушку по имени Мария, и она сначала стала его подружкой, а затем и женой. Мария была очень смешливой и идеально подходила такому шутнику, как Иван. Каждый раз, когда он изрекал, какую-нибудь шутку, его вторая половина сгибалась пополам от смеха. О своей ненависти к женщинам он совершенно забыл.

– Ты ее только в церковь не забывай водить – улыбаясь, наставил Ивана отец Роман – А не то помрет с тобой со сме-

ху.

Вадим часто вспоминал всех своих погибших друзей, мать, отца. Он молился за упокой их душ и только, вспоминая Лену, сильно огорчился – за самоубийц в церкви не молятся. Изгнанник скорбел от того, что ничем не мог ей помочь.

Однажды он шел по рынку, посланный женой за продуктами. Была весна, и Вадим красовался в белом весеннем плаще. Кто-то бесцеремонно хлопнул его по плечу.

– Вадим, ты ли это?! – раздался знакомый голос – тебя совсем не узнать!

Перед изгнанником стоял Кузьмич.

– Кузьмич! Сколько лет, сколько зим! – Вадим обнял старого товарища – Какими судьбами в Москве?

– Да вот к сыну в гости приехал погостить. Уже неделю тут живу. Сына пять лет не видел. Ты так изменился! Как у тебя дела? Давно ты в Москве?

– Да у меня все хорошо. Жилье нашел, работу, женился.

Изгнанник поскромничал, не став рассказывать про свои музыкальные успехи.

– Я рад за тебя очень! Я очень рад, что мы встретились! Ты не поверишь, Вадим – собираюсь в дорогу, выхожу из дома, дай-ка, думаю, почтовый ящик проверю, гляжу – письмо. Ну я его в карман сунул, а в поезде прочитал. У меня просто слов нет! На-ка, сам почитай.

Кузьмич протянул изгнаннику конверт. Вадим, достав из

него письмо, с интересом принялся его читать:

«Здравствуй, дорогой Виталий Кузьмич! Пишет тебе Лена. Надеюсь, ты помнишь меня. Мы бомжевали вместе с Вадимом. Ты часто помогал нам, и мы часто пили водку в твоём подвальчике. Ты не представляешь, как может повернуться судьба. И я решила написать тебе письмо про все, что у меня произошло. Я вас с Вадимом часто вспоминаю. Вы были единственными моими друзьями в моей старой бомжевской жизни.

Как ты знаешь, мы с Вадимом отправились путешествовать. Все лето мы шли, куда глаза глядят и, наконец, остановились на озере Селигер. На берегу озера мы построили шалаш и жили в нем. И вот однажды мы нашли на помойке рыболовные снасти, после чего ловили рыбу на самодельные удочки. А на другом берегу озера стоит монастырь. И что-то случилось со мной. И так вдруг тепло на душе стало... Это мне потом объяснили, что благодать Божья моего сердца коснулась, потому что я была готова уверовать в Господа Бога. Меня охватило раскаяние за всю свою жизнь: за то, что я жила несправедливо, блудила, пила, воровала, в церковь не ходила... и так мне захотелось попасть в этот монастырь и начать новую жизнь, посвятить ее служению Богу!..

Вадим пошел в шалаш спать. А я, нарыдавшись, угнала чью-то лодку, положила в нее свою одежду, оттолкнула лодку от берега, написала Вадиму предсмертную записку, чтобы он думал, что я утопилась и не искал меня и пошла в мона-

стырь. Я до сих пор не могу понять, где я взяла столько сил и решимости. Этот момент своей жизни я часто вспоминаю. Особенно, когда бывает тяжело. Я со всей силы оттолкнула охранника, который, видя, что я – бомжиха, пытался выгнать меня из монастыря и упала в ноги к настоятельнице, которая в этот момент находилась неподалеку.

– Матушка – плачу и кричу – возьмите меня в монастырь! Я не могу, я не хочу больше жить, как живу! Я хочу жить по-другому! Я проститутка, воровка, алкашка, бомжиха... Мне надоела такая жизнь! Возьмите меня в монастырь! Я хочу стать монашкой!

На мой крик сбежался весь монастырь: монашки, прихожане, паломники, охранники, священник, а я стою на коленях перед настоятельницей и реву.

В этот же день меня напоили, накормили, дали помыться, переодели и отвели в келью. Через полгода я стала послушницей, стала носить подрясник. Постепенно при помощи настоятельницы, священников и сестер я воцерковлялась. Я узнала, как правильно вести себя в храме, как причащаться, исповедоваться, как относиться к послушанию, стала читать Евангелие и православную литературу. Я очень многое в жизни поняла и очень на многое стала смотреть по-другому.

Я трудилась на разных послушаниях: на пасеке, в курятнике, на огороде и на трапезной. У нас очень хорошая настоятельница и замечательные сестры. Я очень рада, что пришла в этот монастырь. Ведь это в сто раз лучше, чем спать

под забором и там сдохнуть от пьянства. Теперь моя жизнь наполнена смыслом и смысл жизни – в спасении души. Об этом знают только верующие.

Есть, конечно и минус. Монастырская жизнь гораздо тяжелее мирской. Много бывает искушений, плюс каждый день устаешь на послушаниях. Но я сама выбрала такой путь.

Совсем недавно был постриг. Я стала инокиней. Теперь у меня новое имя – Марина. Пока еще к нему не привыкла.

Кузьмич, я понимаю, что это маловероятно, но все же, если ты когда-нибудь встретишь Вадима, передай ему, что я очень часто его вспоминаю и всегда молюсь за него. Он был единственным мужчиной в моей жизни, с которым у меня были отношения. Он сирота, как и я. Кто же, если не я за него будет молиться?! За тебя я тоже молюсь. Не пей, ходи в церковь, задумайся о смысле жизни. Всех благ тебе! Да, хранит тебя Господь! Марина.»

Кузьмич что-то говорил, но Вадим его не слушал. Ленино письмо было, как гром среди ясного неба. От радости сильно колотилось сердце – Лена была жива.

– И откуда в этом хрупком, беспомощном создании взялась такая сила и решимость?! – с восхищением подумал изгнанник, представив Лену, что есть силы отталкивающую охранника и бросающуюся в ноги к настоятельнице – Что значит – призвал Господь монашествовать!

Через несколько секунд Вадима осенило – так вот, чьими молитвами я жив–здоров и все у меня так благополучно! И

действительно, кроме Лены за меня было больше молиться некому. Спасибо ей! Теперь душа за нее спокойна.

Пообщавшись немного с Кузьмичом, изгнанник поспешил домой. Дома он написал Лене письмо обо всем, что с ним произошло – пусть радуется, что Господь услышал ее молитвы.

Однажды произошел еще один интересный случай. Вадим и Иван стояли на платформе Ленинградского вокзала в ожидании поезда. Им предстояло выступить на концерте в Санкт-Петербурге.

Стоял теплый весенний вечер. Снег давно растаял. В душе было оживление, свойственное весеннему времени. Темнело поздно. Вадим и Иван с наслаждением вдыхали свежий весенний воздух. До отхода поезда оставалось почти два часа. Друзья выпили по бутылке пива. Спустя небольшое время сработал мочевого пузыря. Вадим и Иван пожалели денег на сортир вышли с территории вокзала искать место для справления нужды.

Возле вокзала сидели кучкой несколько бомжей. От них невыносимо воняло. На чумазах, заросших бородой и щетиной лицах, казалось застыло одно и то же желание – желание выпить.

Изгнанник, проходя мимо них, посмотрел на них сочувственно. От них веяло таким родным и знакомым, что в отличии от Ивана, он даже не поморщился от исходящий от них вони.

Бомжи посмотрели с завистью и любопытством на двух красиво одетых друзей с музыкальными инструментами в чехлах, висящих на их спинах.

Метрах в пятидесяти от Вадима и Ивана находилась арка. Друзья направились к ней. Они осторожно зашли в нее и поначалу ничего не увидели. Затем услышали тихие детские голоса и увидели в темноте кучку маленьких детей. В арке невыносимо воняло мочой. Изгнанник и Иван подошли ближе. Увиденное ужаснуло обоих до самой глубины души. На асфальте в самом дальнем углу возле небольшого, еще не растаявшего сугроба стояли два сдвинутых поддона. На них грязная и сильно пьяная, несмотря на мартовскую холодную погоду, лежала женщина средних лет. Расстегнутое грязное пальто открывало её полуобнаженное тело. Вокруг женщины сидели на корточках пятеро детей. Старшему из них не было, наверное, на вид и двенадцати лет. Дети шарили по карманам бомжихи. На друзей они даже не обернулись.

– Что вы делаете?! Зачем вы её обворовываете? – ошеломленно воскликнул Вадим.

– Это наша мама – спокойно ответил старший из детей, не оборачиваясь. Изгнанник и его друг их явно не интересовал.

– Наверное, поесть ищут. Бедные дети – сказал, потрясенный увиденным Иван – и что это за жизнь такая, когда одни ездят в лимузинах и живут в коттеджах, а другие валяются в подворотнях, грязные, нищие и никому не нужные. Да еще дети, вдобавок! Проклятое государство!

У Вадима на спине рядом со скрипкой висел небольшой рюкзак. Он достал оттуда приготовленный Наташей целлофановый пакет с пищей и протянул его детям.

– Вот возьмите, поешьте – сказал он и про себя подумал – это всё, что я могу для них сделать.

Изгнанник даже испытал какое-то чувство вины. Словно он виноват в чем-то перед детьми – в том, что он больше не бомж, а счастливый и вполне состоявшийся человек, в том, что, выйдя из арки, он совсем скоро забудет про этих несчастных детей, в том, что он и дальше будет счастливым и состоявшимся человеком и завтра вечером они с Иваном будут давать концерт, окруженные вниманием и любовью публики, а эти дети будут мерзнуть и голодать никому не нужные в этой провонявшей мочой арке и их мамаша снова напьетсся и ей будет на них совершенно наплевать, в том, что Павлик, воспитываемый в православной семье, вырастет порядочным человеком, а эти бедные дети, вероятнее всего станут мерзавцами и конченными подлецами и сядут в тюрьму еще по малолетке.

– Ладно, с них и Господь меньше спросит – рассудил изгнанник – Помогите им Господи!

Выйдя из арки, друзья зашли в магазин, купили продуктов.

Час прошел незаметно. Вадим и Иван пошли назад на вокзал. С только что прибывшего Мурманского поезда сходили пассажиры. Впереди них навстречу изгнаннику и его дру-

гу шла высокая пожилая женщина в коричневой юбке ниже колен и серой весенней куртке. Одной рукой она везла синий чемодан на колесах, другой держала за руку шестилетнего ребенка. Это была Надежда Петровна, мать бывшей жены Вадима. Увидев ее изгнанник хотел пройти мимо, но это было невозможно – глаза его бывшей тещи уставились прямо на него. Вадим и Надежда Петровна поравнялись.

– Здравствуй, Вадим! – первой поздоровалась теща.

– Здравствуйте, Надежда Петровна!

– Не ожидала тебя встретить здесь. Ты же вроде в Воронеж уехал, Оксанка говорила?

– Было дело – Вадим нахмурился от неприятных воспоминаний – Теперь снова в Москве живу.

– Чем занимаешься? Не женился?

– Женился. Вот на скрипке играю. Выступить в Питер едем с другом – он показал рукой на, стоявшего рядом Иванна.

– Молодец! – Надежда Петровна с удивлением покачала головой.

– А Вы как, к Оксанке приехали?

– Нет. По делам – бывшая теща горько вздохнула – Нет больше Оксанки.

– Как нет? – Вадим удивленно приподнял брови.

– Умерла она три года назад – пила сильно. Ты ей квартиру подарил и уехал в Воронеж. Она сильно любила Сергея. За муж за него, конечно, не вышла – у него же своя семья была.

Колю вот от него родила и бросила – она показала пальцем на малыша – Так сами и растим с Андреем Павловичем. Сергей тот, бандит, через год, как ты уехал погиб в перестрелке, а Оксанка привыкла с ним к красивой жизни, вот и пошла по кругу – мужиков, как перчатки меняла. Все с богатыми путалась – бандитами, бизнесменами... совсем распустилась! Раньше нормальной девушкой была. А три года назад ее мертвой нашли в подземном переходе. Ночью домой возвращалась пьяная и сердце остановилось. Квартиру твою на Третьяковке продала, переехала в Нагатино. Там недалеко от дома в переходе ночью и умерла. Месяц в морге пролежала почему то, пока нас с Андреем Павловичем в Мурманске не нашли.

– Да, история! – задумчиво произнес Вадим.

Смерть бывшей супруги не вызвала у него совершенно никаких эмоций. Все чувства к Оксанке в его душе давно остыли и ее смерть воспринималась только, как акт справедливости.

– Ты то как в Воронеже жил? – спросила Надежда Петровна – Оксанка говорила – тебе Сергей дом подарил в обмен на квартиру.

– Обманул меня Сергей – дал документы на несуществующий дом. Я приехал в Воронеж и стал бомжом.

– Бомжом?! – с удивлением воскликнула бывшая теща – Вот подлец!!! А мы даже не знали. Думали – живешь в новом доме и все у тебя хорошо.

– И Оксанка не знала?

– Не знала. Значит он и ее обманул.

Вадим помолчал в раздумье. Незнание Оксанки об его горе сильно обеляло ее.

– Не верится, глядя на тебя, что ты бомжом был – с улыбкой произнесла Надежда Петровна – Расцвел с годами, похорошел, одет хорошо.

– Самому не верится, но это правда.

– Прости Оксанку, Вадим – неожиданно предложила теща – наверное, до сих пор на нее с Сергеем обиду держишь. Прости, ради Христа, тебе на душе легче станет.

– Я их давно простил – серьезно ответил изгнанник, посмотрев ей в глаза – и зла на них не держу, хоть и тяжело было.

Простить их было очень тяжело. Изгнанника до сих пор часто мучили воспоминания о его тяжелой бомжевской жизни. В память врезались наиболее трудные и унижительные моменты, и они часто не выходили из головы. Во всем этом Вадим винил бывшую супругу и ее любовника. Но теперь, уверовав в Бога, бывший бомж понимал, что все эти испытания были Им попущены, а значит для чего-то Ему это было нужно. Вспоминалось стихотворение Омара Хайяма:

Кто жизнью битым был, тот большего добьется.

Пуд соли съевший выше ценит мед.

Кто слезы лил, тот искренней смеется.

Кто умирал, тот знает, что живет...

Через полчаса Вадим и Иван сидели за столиком напротив друг друга в плацкартном вагоне и пили чай. Изгнанник был под впечатлением встречи с бывшей тещей.

– Я тебя очень хорошо понимаю – сказал вдруг Иван – У меня тут тоже встреча одна произошла. Я тоже долго в шоке был.

– Что за встреча? – поинтересовался Вадим.

– Монашку одну встретил случайно в метро из того гадюшника, в котором я трудился. Она мне такое рассказала... у меня аж волосы дыбом встали.

Изгнанник улыбнулся при слове «гадюшник» – бывший пастух часто называл так женский скит, хотя при этом продолжал любить всех, живущих там монахинь. Иван очень скучал по монастырю и не имел возможности туда больше приехать.

– И что она тебе рассказала? – спросил Вадим приготовившись слушать.

– Та самая Арсения, из-за которой меня выгнали, проворовалась. Она же и благочинной и казначеем была. Матушка об этом узнала и выгнала ее из монастыря. Блудников в монастырях еще терпят, а воров – нет. Сергей, друг этот ее тайком от жены поехал в Турцию на отдых и взял эту мразь с собой. Ему видимо надоело ее трахать, и он проиграл ее в карты местному владельцу публичного дома. А та очень быстро стала элитной и очень востребованной. К русской монашке–проститутке ежедневно выстраивалась очередь. Арсения

обслуживала всех охотно, и такая жизнь после тяжелой монастырской ей была очень по душе. Изголодалась, видимо, бедная по мужской ласке.

– С большим трудом верится – улыбнулся Вадим – А как это все известно стало?

– Одна прихожанка из монастырского храма ездила в Турцию и там случайно эту тварь встретила. Та постаралась от нее избавиться, чтобы ничего не рассказывать о себе. А прихожанка, что – баба есть – баба, выследила, вынюхала, подслушала и все выяснила. А когда домой приехала пришла к матушке. Та, лишь только речь зашла про Арсению, даже слушать ее не стала. Обиженная прихожанка рассказала все одной монашке, та по секрету – другой, та тоже по секрету – третьей... и так по секрету узнал весь скит. Сергей иногда приезжает туда потрудиться, когда его просят. Монашки боятся, сами чего не знают и ему ничего не говорят. Он уверен и про меня, что он прав, и про Арсению, что никто ничего не знает. Ходит – грудь колесом и очень самодовольный. Но Господь все видит!

Концерт прошел «на ура». Вадима и Ивана в Санкт-Петербурге приняли отлично. Им оплатили дорогу туда и обратно и предоставили номер в недорогой гостинице. Выступив, друзья в этот же вечер приехали на Московский вокзал. До отхода их поезда оставалось меньше часа.

Возле небольшой чебуречной стоял молодой бомж, лет тридцати на вид. Он был до безобразия грязен и сильно во-

нял. Лицо бедолаги было сильно изуродовано: правый глаз выбит, нос после сильного перелома смещен вправо, но при этом оно показалось изгнаннику знакомым.

Бомж быстро подбежал к двум музыкантам и, открыв беззубый рот, хорошо знакомым голосом прошепелявил:

– Братан! Выручи, дай, сколько можешь на хлеб.

Сочувственно посмотрев на горемыку, изгнанник достал кошелек. Открыв его, он начал искать пару сторублевых купюр. За свои концерты друзья получали не так уж и много – две–три тысячи рублей, но настроение после выступления было превосходным и Вадиму хотелось дать этому несчастному побольше денег.

Не дожидаясь подаяния, «несчастный» неожиданно выхватив кошелек, быстро пустился наутек, при этом очень проворно расталкивая прохожих.

Вадим на секунду опешил, но быстро пришел в себя. Он не стал догонять вора, а лишь сочувственно и великодушно смотрел ему вслед, пытаясь вспомнить, где он видел этого человека.

– На возьми, хватит на первое время – сказал, стоящий рядом Иван, протягивая потерпевшему тысячу рублей.

– Спасибо! – с улыбкой ответил изгнанник – Знал, что не оставишь в беде.

Принимая деньги, он весело посмотрел на друга. С минуту Вадим был еще в раздумье, но потом все же вспомнил беглеца – это был Красноперый, воронежский бомж Олег.